

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

**Известия
Юго-Западного
государственного
университета
Серия: История и право**

Научный журнал

Том 14 № 4 / 2024

**Proceedings
of the Southwest
State University
Series: History and Law**

Scientific Journal

Vol. 14 № 4 / 2024

**Известия Юго-Западного
государственного университета.
Серия: История и право
(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta.
Seriya: Istoriya i pravo)**

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследованиях в таких отраслях, как теория государства и права, история политических и правовых учений, конституционное и муниципальное право, гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, криминалистика, земельное право, трудовое право, отечественная история, археология, историография, политические институты, процессы и технологии, политическая регионалистика.

В журнале публикуются оригинальные работы, обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Публикация статей в журнале для авторов бесплатна.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители широкой общественности.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Юридические науки: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Политология: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Исторические науки и археология: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Богдан Варвара Владимировна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Коровин Владимир Викторович, д-р ист. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алихаджиева Инна Саламовна, д-р юрид. наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой (г. Москва, Россия)

Ананьева Анна Анатольевна, д-р юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия (г. Москва, Россия)

Андреев Юрий Николаевич, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Апанасенок Александр Вячеславович, д-р ист. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, Россия)

Баумштейн Антон Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Беляев Валерий Петрович, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Брежнев Олег Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Курская академия государственной и муниципальной службы (г. Курск, Россия)

Гаврилов Станислав Олегович, д-р ист. наук, профессор, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, Россия)

Голубцов Валерий Геннадьевич, д-р юрид. наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия)

Горюшкина Наталья Евгеньевна, д-р ист. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Гриненко Александр Викторович, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дилбандян Самвел Агванович, д-р юрид. наук, профессор, Ереванский государственный университет (г. Ереван, Республика Армения)

Красильникова Екатерина Ивановна, д-р ист. наук, доцент, Новосибирский государственный технический университет (г. Новосибирск, Россия)

Коростелев Станислав Валентинович, д-р полит. наук, доцент, Объединенная комиссия при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств по гармонизации законодательства в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам (г. Санкт-Петербург, Россия)

Коротеева Наталья Николаевна, д-р ист. наук, профессор, зам. Председателя Правления Курского регионального отделения «Российского общества историков-архивистов» (г. Курск, Россия)

Лагутин Игорь Борисович, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Малышева Елена Михайловна, д-р ист. наук, профессор, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Россия)

Никуленко Андрей Вячеславович, д-р юрид. наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)

Новичков Валерий Евгеньевич, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Рускевич Евгений Александрович, д-р юрид. наук, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Рябинина Татьяна Кимовна, д-р юрид. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Самович Юлия Владимировна, д-р юрид. наук, профессор, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Казань, Россия)

Сафронова Елена Викторовна, д-р юрид. наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Россия)

Слатинов Владимир Борисович, д-р полит. наук, профессор, Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, д-р юрид. наук, доцент, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия)

Татьянина Лариса Геннадьевна, д-р юрид. наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Хисамутдинова Равиля Рахимьяновна, д-р ист. наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Цыбаков Дмитрий Леонидович, д-р полит. наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва, Россия)

Шевченко Алевтина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шевелева Светлана Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)

Учредитель и издатель:

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

Телефон: (4712) 22-25-26,

Факс: (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-80259 от 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

© Юго-Западный государственный университет, 2024

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:

Полиграфический центр
Юго-Западного государственного
университета, 305040, г. Курск,
ул. 50 лет Октября, 94

Подписка и распространение:

журнал распространяется
по подписке.

Подписной индекс журнала 44296
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен Е. Г. Анохиной

Подписано в печать 30.08.2024.

Дата выхода в свет 20.09.2024. Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Усл.печ.л. 24,4.

Тираж 1000 экз. Заказ 39.

16+

Proceedings of the Southwest State University

Series: History and Law

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication – public presentation of scientific results of fundamental, applied, problem-oriented research in such areas as theory of state and law, the history of political and legal doctrines, constitutional and municipal law, civil law, business law, family law, private international law, criminal law, criminal science, criminal procedure, criminology, land law, labor law, domestic history, archeology, historiography, political institutions, processes and technology, political regionalism.

The journal publishes scientific articles, critical reviews, reports and discussions in the above mentioned areas.

All papers are published free of charge.

Target readers are scientists, university professors and teachers, experts, young scholars, graduate and post-graduate students, stakeholders and interested public.

The Editorial Board of the journal pursues open access policy. Complete articles are available at the journal web-site and at eLIBRARY.RU.

The journal is included into the Register of the Top Scientific Journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation as a journal recommended for the publication of the findings made by the scientists working on a doctoral or candidate thesis in the following areas:

Juridical Studies: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4.

Political Studies: 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4.

Historical Studies and Archaeology: 5.6.1; 5.6.3; 5.6.5; 5.6.6.

EDITOR-IN-CHIEF

Varvara V. Bogdan, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University
(Kursk, Russia)

DEPUTY EDITOR

Vladimir V. Korovin, Doctor of Historical Sciences, Professor Southwest State University
(Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Inna S. Alihadzhieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalia Ivanovna Dolgova (Moscow, Russia)

Anna A. Ananieva, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

Yuri N. Andreev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Apanasyonok, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS (Moscow, Russia)

Anton B. Baumstein, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Oleg V. Breznev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service (Kursk, Russia)

Valeriy P. Belyaev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Stanislav O. Gavrilov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kemerovo State University (Kursk, Russia)

Valerij G. Golubcov, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Natalia E. Gorushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Aleksandr V. Grinenko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, MGIMO University (Moscow, Russia)

Samvel A. Dilbandyan, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia)

Ekaterina I. Krasilnikova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Stanislav V. Korostelev, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Joint Commission under the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on the Harmonization of Legislation in the field of security and countering New Challenges and Threats (St. Petersburg, Russia)

Natalia N. Koroteeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Board of the Kursk regional branch of the Russian society of historians and archivists (Kursk, Russia)

Igor B. Lagutin, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Elena M. Malysheva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Adygea State University (Maykop, Russia)

Andrej V. Nikulenko, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Valeriy E. Novichkov, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Evgenij A. Russkevich, Doctor of Juridical Sciences, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia (Moscow, Russia)

Tatiana K. Ryabinina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuliya V. Samovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Kazan Branch of the Russian State University of Justice (Kazan, Russia)

Elena V. Safronova, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Svetlana Z. Solovyh, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia)

Larisa G. Tatynina, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ravilya R. Hisamutdinova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)

Dmitrij L. Cybakov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Moscow, Russia)

Alevtina V. Shevchenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

Svetlana V. Shevelyova, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Founder and Publisher :

“Southwest State University”

Official address of the Founder, Publisher and Editorial Office:

305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Phone: (+74712) 22-25-26,

Fax: (+74712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:

The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-80259 of 09.02.2021).

ISSN 2223-1501 (Print)

DOI Prefix: 10.21869

Web-site: <https://swsu.ru/izvestiya/serieshistory/>

Printing office:

Printing Center

of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:

the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44296 in the General
Catalogue “Pressa Rossii”

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: E. G. Anohina

16+

© Southwest State University, 2024

 Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Sent to the printer 30.08.2024.
Release 20.09.2024. Format 60x84/8.
Offset paper. Printer's sheets: 24.4.
Circulation 1000 copies. Order 39.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	10
Оригинальные статьи	
Структурирование субъектов государственного управления в сфере обеспечения безопасности	10
<i>Позднякова Е. В.</i>	
ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	20
Оригинальные статьи	
Оспаривание (обжалование) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица Часть 1.....	20
<i>Габов А. В.</i>	
Можно ли ставить вопрос об ответственности суда?.....	41
<i>Филиппов П. М.</i>	
Гражданско-правовые средства реализации государственной политики в сфере культуры.....	51
<i>Мохов А. А.</i>	
Правовое регулирование охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети....	61
<i>Огарок М. А.</i>	
Дистанционное взаимодействие участников гражданского оборота и способы их индивидуализации, применявшиеся в дореволюционной России.....	75
<i>Трофимов А. А.</i>	
Право на изображение: эволюция правового регулирования и трансформация доктринальных воззрений.....	85
<i>Саркисян В. В.</i>	
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ.....	99
Оригинальные статьи	
Актуальные вопросы определения условий правомерности причинения вреда при пресечении сотрудниками правоохранительных органов преступлений и административных правонарушений.....	99
<i>Никуленко А. В., Смирнов М. А.</i>	
Детерминанты роста и меры предупреждения профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х годов.....	115
<i>Зарубина К. А.</i>	
Характеристика бандитизма и незаконного оборота оружия в период Гражданской войны и первые послевоенные годы в Белгородском уезде Курской губернии.....	125
<i>Чинёнов А. В., Новоселов Н. Г.</i>	
ПОЛИТОЛОГИЯ.....	134
Оригинальные статьи	
Приоритеты взаимодействия общественных объединений и государственной власти Российской Федерации в условиях специальной военной операции.....	134
<i>Саломатина А. А.</i>	

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	145
Оригинальные статьи	
«Рецепты» самобытного социально-культурного строительства в дореволюционных старообрядческих журналах.....	145
<i>Апанасенок А. В.</i>	
Курский государственный медицинский институт: первые шаги становления	160
<i>Коровин В. В., Манжосов А. Н.</i>	
Историческая эволюция правил технической эксплуатации железных дорог России.....	170
<i>Полякова А. С.</i>	
Организационные основы послевоенного восстановления системы железнодорожного здравоохранения на территории областей Центрального Черноземья (1945–1959).....	185
<i>Головин Е. А.</i>	
«Открыть мир искусства жителям и гостям города» о художественной работе Н. И. Верхотурова в Иркутской губернии на рубеже XIX – XX века.....	196
<i>Ткачев В. В.</i>	
К сведению авторов.....	210

CONTENT

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES.....	10
Original articles	
Structuring of public administration entities in the sphere of security.....	10
<i>Elena V. Pozdnyakova</i>	
PRIVATE (CIVIL) JURISPRUDENCE.....	20
Original articles	
Challenging (appealing) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity.....	20
<i>Andrey V. Gabov</i>	
Is it possible to raise the question of the responsibility of the court?.....	41
<i>Pyotr M. Filippov</i>	
Civil law means of implementing state policy in the field of culture.....	51
<i>Alexsander A. Mokhov</i>	
Legal regulation of intellectual property protection for artificial neural networks.....	61
<i>Mikhail A. Ogarok</i>	
Remote interaction of participants in civil transactions and methods of their individualization, used in pre-revolutionary Russia.....	75
<i>Anton A. Trofimov</i>	
Image rights: the evolution of legal regulation and the transformation of doctrinal views.....	85
<i>Veronika V. Sarkisyan</i>	
CRIMINAL LEGAL SCIENCES.....	99
Original articles	
Topical issues of determining the conditions for the legality of harm caused by the suppression of crimes and administrative offenses by law enforcement officers.....	99
<i>Andrey V. Nikulenko, Maxim A. Smirnov</i>	
Determinants of growth and measures to prevent professional crime in Russia in 1917 – early 1920s.....	115
<i>Kristina A. Zarubina</i>	
Characteristics of banditry and illegal arms trafficking during the Civil War and the first post-war years in the Belgorod district of the Kursk province.....	125
<i>Alexey V. Chinenov, Nikolay G. Novoselov</i>	
POLITICAL SCIENCE.....	134
Original articles	
Priorities of interaction between public associations and the government of the Russian Federation in the context of a Special military operation.....	134
<i>Alexandra A. Salomatina</i>	
HISTORICAL SCIENCES.....	145
Original articles	
"Recipes" for original socio-cultural construction in pre-Revolutionary Old Believer journals.....	145
<i>Alexander V. Apanasenok</i>	

	9
Kursk state medical institute: the first steps of formation.....	160
<i>Vladimir V. Korovin, Alexander N. Manzhosov</i>	
The historical evolution of the Russian railway technical operation rules.....	170
<i>Arina S. Polyakova</i>	
Organizational foundations of the post-war restoration of the railway healthcare system in the territories of the Central Chernozem regions (1945–1959).....	185
<i>Evgeny A. Golovin</i>	
“Open the world of art to residents and guests of the city” about the artistic work of N. I. Verkhoturov in the Irkutsk province at the turn of the 19th – 20th centuries.....	196
<i>Vitaliy V. Tkachev</i>	
FOR AUTORS	210

Структурирование субъектов государственного управления в сфере обеспечения безопасности

Е. В. Позднякова¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru

Резюме

Актуальность. Любой субъект управления обладает конкретными функциями, правами, обязанностями и определенными ресурсами. Анализ субъектов управления и синтез связей между такими субъектами предполагает поиск, правовой анализ всей системы, который заключается в выделении элементов, подсистем. Для этого производится структурирование системы субъектов управления, а также их полномочий. Структура аппарата управления как в целом, так и в сфере безопасности в частности, а также механизм его функционирования должны в полной мере соответствовать экономическим, социальным, политическим и культурным интересам граждан, государственных и негосударственных организаций.

Цель. Установление механизма структурирования субъектов государственного управления в сфере обеспечения безопасности.

Задачи: определить правовой статус субъекта управления в сфере безопасности; выделить основания структурирования субъектов государственного управления в сфере обеспечения безопасности.

Методология. В исследовании использована совокупность методов, таких как: общенаучный метод изучения правовых явлений и процессов, формально-юридический и формально-логический методы.

Результаты. В ходе исследования дана характеристика правового статуса субъекта управления в сфере безопасности, а также приведены различные основания для структурирования субъектов государственного управления в сфере обеспечения безопасности.

Вывод. Каждый орган, наделенный правами и обязанностями в сфере обеспечения безопасности, рассматривается как субъект управления в данной сфере. Единая система субъектов управления является внутренней согласованностью между ее элементами. Это является определяющим качеством для структурирования субъектов управления в сфере обеспечения безопасности граждан. Для этого используются различные основания, которые формируют различные виды субъектов и их полномочия. Важно обеспечить при этом оптимальный выбор, четкое взаимодействие, чтобы исключить в управлении некачественную работу, параллелизм и дублирование, обеспечить профессионализм и компетентность кадров.

Ключевые слова: структура; государственное управление; субъекты управления; безопасность граждан; обеспечение безопасности.

Финансирование: НИР в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 085102020-0033)

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Позднякова Е. В. Структурирование субъектов государственного управления в сфере обеспечения безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 10–19. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-3-10-19>

Поступила в редакцию 06.06.2024

Принята к публикации 26.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Structuring of public administration entities in the sphere of security

Elena V. Pozdnyakova¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru

Abstract

Relevance. Any subject of management has specific functions, rights, obligations and has certain resources. Analysis of subjects of management and synthesis of connections between such subjects presupposes search, legal analysis of the entire system, which consists in allocation of elements, subsystems. For this purpose, the system of subjects of management, as well as their powers, is structured. The structure of the apparatus of management as a whole, as well as in the sphere of security in particular, as well as the mechanism of its functioning must fully correspond to the economic, social, political and cultural interests of citizens, state and non-state organizations.

Purpose. Establishing a mechanism for structuring public administration entities in the field of security.

Objectives: determine the legal status of the subject of governance in the sphere of security; highlight the grounds for structuring the subjects of state governance in the sphere of ensuring security.

Methodology. The study used a combination of methods, such as: a general scientific method for studying legal phenomena and processes, formal legal and formal logical methods.

Results. The study provides a description of the legal status of the subject of governance in the field of security, and also provides various grounds for structuring the subjects of public administration in the field of security.

Conclusion. Each body vested with rights and obligations in the sphere of ensuring security is considered as a subject of management in this sphere. A unified system of subjects of management is an internal consistency between its elements. This is a determining quality for structuring subjects of management in the sphere of ensuring the security of citizens. For this, various grounds are used that form different types of subjects and their powers. It is important to ensure the optimal choice, clear interaction in order to exclude poor-quality work, parallelism and duplication in management, to ensure the professionalism and competence of personnel.

Keywords: structure; public administration; subjects of management; security of citizens; security.

Funding: Research within the framework of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in the context of evolving individuals, society and the state" (№ 085102020-0033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Pozdnyakova E.V. Structuring of public administration entities in the sphere of security. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(4):10–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-10-19>

Received 06.06.2024

Accepted 26.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Субъект управления в сфере безопасности воздействует на управляемую систему, т. е. на объект с определенной целью. Объектом выступают воля, поведение людей, общественные отношения в сфере управления. В связи с этим под субъектом государственного управления в сфере обеспечения безопасности понимается лицо, организация, которые в соответствии с действующим законода-

тельством Российской Федерации могут быть участниками (сторонами) регулируемых административным правом управленческо-правовых отношений в целях обеспечения безопасности и благополучия россиян. При этом не следует отождествлять субъекты административного права и субъекты административно-правового управления в сфере безопасности.

Трансформация статуса субъектов административного права обусловлена разнообразием задач, определенных целеполаганием. Субъектов объединяет одно общее свойство – обладание ими административной правосубъектностью, представляющей собой юридическое свойство, состоящее из двух элементов – административной правоспособности и административной дееспособности. Данный вопрос изучали такие исследователи, как М. А. Штатина [1], А. Н. Жеребцов [2], И. И. Сосоновский [3, 4], А. А. Миташова, А. А. Федотов, Н. В. Павлов [5], А. Н. Карпова [6].

Необходимо отметить, что административная правоспособность – это проявление общей правоспособности, т. е. возможности данного субъекта вступать в различного рода правовые отношения, иметь субъективные права и обязанности [7, с. 36–37]. Административная дееспособность – это способность приобретать соответствующий комплекс юридических обязанностей и прав, нести ответственность за их реализацию. Иначе говоря, правоспособность является предпосылкой возникновения правовых отношений с участием данного субъекта [8, с. 71].

Это означает, что каждый орган, наделенный правами и обязанностями в этой сфере, рассматривается в качестве субъекта административного права.

Методология

Исследование основано на применении общенаучного (диалектического) метода изучения правовых явлений и процессов. Проанализированы результаты, размещенные в научных статьях исследователей в сфере системы органов исполнительной власти, а также государственного управления безопасностью.

Среди специальных методов юридической науки использовались формально-юридический и формально-логический. С помощью формально-юридического метода изучалось законодательство Российской Федерации, в частности Консти-

туция Российской Федерации, Указ Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». Формально-логический метод послужил основой для формулирования основных выводов по результатам исследования.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на исследования системы и структуры органов управления, в частности такими авторами, как В. В. Введенская [9], Т. Ф. Куркина [10], Т. А. Занко [11], основания структурирования субъектов государственного управления изучены недостаточно.

По объективному основанию в организационной структуре управления выделяются «блоки» субъектов административного права, занятых экономическими процессами, социально-культурным развитием и административно-политическими процессами [12]. Все зависит от структуры управленческих потребностей управляемых объектов, человеческих ресурсов жизнедеятельности, информационного обеспечения управления в целом и демократизма государственного и муниципального управления безопасностью граждан, в частности [13]. Единая организационная система субъектов выступает как внутренняя согласованность между всеми ее элементами – неотъемлемое качество структурирования субъектов управления безопасностью граждан. Для этого используется ряд организационных оснований, которые формируют соответствующие типы субъектов, их полномочия.

Линейное основание создает структуру, при которой преобладает вертикальная, однонаправленная подчиненность государственных органов, образующая в завершенном виде строгую иерархическую взаимосвязь [12].

Наиболее полно в данном случае соблюдается единоначалие, поскольку одно лицо на каждом уровне такой структуры организует управление в возглавляемом

им органе посредством управленческих команд, а исполнительные команды поступают от одного лица к другому.

Линейный тип структуры, придающий ей устойчивость, надежность, последовательность и весьма благоприятный для проведения в жизнь властных требований, все же слабо выражает обратные связи и многообразие жизни населения.

Функциональное основание структурирования ведет к формированию субъектов государственного управления, предназначение которых – выполнение конкретных функций управления с помощью высокопрофессионального аппарата специалистов. Данное основание, порождая проблему межфункциональной координации, ограничивает достоинства специализированного ведения отдельных функций, прав и обязанностей субъектами управления.

В свою очередь, линейно-функциональное основание позволяет соединить достоинства линейного и функционального оснований, оно способствует созданию структуры, в которой одни органы принимают и проводят в жизнь свои полномочия и управленческие решения вышестоящих органов, другие – обеспечивают их необходимой информацией. В итоге повышается уровень профессионализма, компетентности субъектов административного права как условия качественного структурирования.

В процессе структурирования все большее внимание привлекает программно-целевое основание. В соответствии с ним в систему субъектов управления закладываются перспективные цели и задачи трансформации. Комплексная программа реализации этих целей и задач подчиняется их решению, равно как и отдельно взятые элементы и взаимосвязи в статусе субъектов управления в сфере безопасности подчинены жизненным интересам граждан. Это способствует интеграции интеллектуальных, природных, производственных, информационных и

иных ресурсов субъектов для решения актуальных управленческих проблем [12].

Для структурирования статуса субъектов управления, контроля за эффективностью произведенной трансформации и иных перемен используются различные методы обеспечения единства социального и юридического аспектов в определении направлений трансформации статуса субъектов управления в сфере безопасности.

Под структурированием статуса данных субъектов имеется в виду совокупность изменяемых полномочий федеральных, региональных (субъектов Федерации) органов власти, органов местного самоуправления, их служащих; граждан и общественных объединений; предприятий и учреждений, которые составляют элементы настоящего структурирования.

Оно невозможно без тесных организационно-правовых взаимосвязей. Последние характеризуются тем, что одни органы избираются или формируются другими органами. Одни из органов могут руководить другими, которые, в свою очередь, будут им подотчетны и подконтрольны. Органы государственной власти находятся в тесном взаимоотношении по многим вопросам, структурирование статуса которых обязательно в процессе трансформации.

На процесс структурирования влияет административно-территориальное устройство, географические и климатические условия, национальные особенности жителей. Они оказывают влияние на распределение управленческих функций и полномочий между субъектами. Последние могут быть как структурным подразделением управленческого органа, так и самостоятельным юридическим лицом.

В отличие от системы трансформации статуса под структурой субъекта (органа) понимается внутреннее устройство и порядок расположения его звеньев и подразделений, подчиненных выполняемым функциям и полномочиям, исходя-

щим из предметов ведения данного органа. Организационная структура органа может быть простой или сложной. Как правило, если положение органа находится выше по вертикали управления, то его структура будет сложнее.

Существует несколько критериев структурирования субъектов, например, государственные органы, на основе которых может проводиться трансформация компетенции территориального масштаба, делятся на федеральные (центральные), органы субъектов Федерации, их местные органы. На основе соподчиненности органов между собой различают вышестоящие и нижестоящие.

В основе структурирования находятся также: порядок образования органов, которые подразделяются на создаваемые вышестоящим органом и избираемые; компетенция органа, в зависимости от которой выделяют органы общей, отраслевой и межотраслевой (функциональной) компетенции, а также порядок разрешения вопросов компетенции, который служит основанием для выделения органов коллегиального управления и органов единоличного управления [14, с. 143].

При структурировании по источнику финансирования различают статусы органов бюджетных и экономически самостоятельных. Органы государственного управления, связанные с властью, являются бюджетными, сохраняя определенную стимулирующую зависимость, обусловленную качеством управления.

В процессе структурирования административная «правоспособность и дееспособность субъектов (органов) исполнительной власти возникает одновременно с образованием и определением компетенции последних, а прекращается в связи с их упразднением» [15, с. 117]. Полномочия органов государственной власти, их задачи и ответственность нормативно закрепляются в соответствующих законах, положениях и иных правовых актах. Так, «органы исполнительной власти специально созданы для осу-

ществления управленческой деятельности» [16, с. 16]. Это вытекает из принципа разделения государственной власти и объективной необходимости трансформации норм административного права под влиянием современных вызовов.

Структурирование компетенции и деятельность субъектов управления характеризуются в соответствии с рядом принципов, представляющих собой общие положения, основополагающие требования: верховенство права, закона; народовластие; разделение и взаимосдерживание властей; законность; гласность; приоритет и гарантированность прав личности; федеративное устройство государства; централизация; стратегическое планирование в деятельности органов управления.

Важнейшее значение для структурирования компетенций субъектов имеют принципы научности, учета национальных особенностей, субъектов государственно-управленческой деятельности, сочетания коллегиальности с единоначалием, межотраслевых, отраслевых и территориальных подходов к трансформации управления. При этом необходимо укреплять системность трансформации статуса субъектов административного права.

Системность субъектов управления – это, прежде всего, вертикальная связь между соподчиненными органами на основе разделения компетенции между ними. Так, в систему исполнительных органов входят: Правительство – высший исполнительный орган государственной власти Российской Федерации; федеральные органы исполнительной власти; территориальные органы федеральных органов исполнительной власти; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации [17, с. 87].

Системность предполагает, что с учетом территориального признака органы исполнительной власти могут быть разных уровней: федерального, субъектов Федерации – республик, краев, обла-

стей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов [17, с. 88]. Данный признак обуславливается федеративным государственным устройством Российской Федерации. На всю территорию Российской Федерации свою деятельность распространяют: Правительство, федеральные министерства, федеральные службы, федеральные агентства и иные федеральные органы исполнительной власти¹, которые могут возникать в будущем. Органы исполнительной власти субъектов Федерации осуществляют свою деятельность соответственно в пределах своей территории.

В зависимости от объема и характера компетенции органы исполнительной власти подразделяются на: а) субъекты (органы) общей компетенции, осуществляющие руководство на подведомственной территории всеми или подавляющим большинством отраслей управления и сфер деятельности (правительства, главы администраций, губернаторы субъектов Федерации); б) органы отраслевой компетенции, на которые возложено руководство отдельными отраслями управления или сферами деятельности (министерство, структурное подразделение администрации); в) органы межотраслевой компетенции, которые ведают специальными вопросами управления, имеющими межотраслевое значение (государственный комитет, федеральная комиссия, аналогичные органы субъектов Федерации) [18].

В Российской Федерации система обеспечения безопасности государства представлена несколькими основными субъектами, каждый из которых играет значительную роль в управлении данной сферой и обладает специфическим правовым статусом.

¹ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314: [ред. от 27.03.2023]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892/ (дата обращения: 03.06.2024).

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ РФ) является центральным исполнительным органом, наделённым полномочиями по обеспечению национальной безопасности². Компетенция ФСБ охватывает противодействие иностранной разведывательной деятельности, борьбу с терроризмом и экстремизмом, а также защиту государственной границы. ФСБ РФ функционирует в тесном взаимодействии с Министерством внутренних дел РФ и войсками национальной гвардии Российской Федерации в рамках координации мероприятий по обеспечению антитеррористической безопасности и защиты информационных ресурсов. Координационные механизмы реализуются через структуры, такие как Национальный антитеррористический комитет, способствующие повышению эффективности межведомственного взаимодействия.

Министерство внутренних дел Российской Федерации³ (далее – МВД РФ) является федеральным органом исполнительной власти, определяемым нормативными актами как основной субъект деятельности в сфере поддержания общественного порядка, контроля за оборотом наркотических веществ, а также обеспечения дорожной безопасности. МВД РФ реализует свои полномочия в сфере обеспечения безопасности государства во взаимодействии с ФСБ РФ, Росгвардией и МЧС РФ, особенно при осуществлении

² О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апр. 1995 № 40-ФЗ: [ред. от 08.08.2024] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6300/ (дата обращения: 03.06.2024).

³ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 дек. 2016 г. № 699: [ред. от 05.02.2024] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения: 03.06.2024).

контртеррористических операций и реагировании на чрезвычайные ситуации. Благодаря чёткому обмену информацией и координации действий МВД РФ выполняет задачи по противодействию уголовной преступности и охране общественного порядка.

Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий¹ (далее – МЧС РФ) представляет собой федеральный орган, ответственный за реализацию государственной политики в области гражданской обороны и защиты населения от чрезвычайных ситуаций, природного и техногенного характера. МЧС РФ активно взаимодействует с МВД РФ, ФСБ РФ и Министерством обороны РФ, а также с органами исполнительной власти субъектов РФ, с целью выполнения функций по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Обмен оперативной информацией и проведение совместных тренировок способствуют созданию сплочённой системы реагирования.

Войска национальной гвардии Российской Федерации² (далее – Росгвардия) определяется как федеральный орган, осуществляющий функции в сфере охраны общественного порядка, государственного контроля за оборотом оружия и охраны важных государственных объектов. Росгвардия осуществляет взаимодействие с МВД РФ, ФСБ РФ и МЧС РФ, в том числе в рамках поддержания обще-

ственного порядка и обеспечения национальной обороны. Совместные стратегические операции и координационные меры обеспечивают комплексный подход к поддержанию безопасности государства.

В текущих условиях правовая архитектура Российской Федерации, касающаяся управления в сфере обеспечения безопасности, характеризуется наличием определённых правовых пробелов и правоприменительных сложностей. Эти аспекты могут оказывать негативное влияние на действенность и эффективность взаимодействия различных субъектов этой сферы.

В этих целях необходимо выделение ключевых принципов, обеспечивающих эффективность специальных мероприятий и операций, проводимых координированно органами безопасности, Министерством внутренних дел РФ и иными уполномоченными структурами.

1. Комплексный и согласованный подход, т. е. всесторонняя интеграция и скоординированность политических, дипломатических, экономических, разведывательных, контрразведывательных, оперативных, режимных, информационно-психологических, следственных и иных мероприятий федеральных сил, согласованных по целям, задачам, географическому охвату и временным рамкам.

2. Синергия военных и невоенных средств, где важнейшим условием является углублённая взаимосвязь между военными и невоенными средствами, акцентирующая возрастающую роль специфических методов, таких как разведывательные, контрразведывательные действия.

Укрепление взаимодействия указанных субъектов может быть достигнуто посредством проведения рабочих совещаний, в которых принимают участие сотрудники Федеральной службы безопасности РФ, Росгвардии и Министерства внутренних дел РФ. Главной целью этих встреч является повышение оперативности взаимного информирования и

¹ Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868: [ред. от 27.11.2023] // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/187212/> (дата обращения: 03.06.2024).

² О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ: [ред. от 08.08.2024] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/ (дата обращения: 03.06.2024).

эффективности реагирования на потенциальные террористические угрозы.

Кроме того, развитие совместной информационно-аналитической деятельности, представляющей собой неотъемлемую часть управленческого процесса в рамках взаимодействия ФСБ РФ, Росгвардии, МВД РФ и других структур, будет способствовать улучшению межведомственного взаимодействия в процессе обеспечения безопасности граждан.

Выводы

Деление всех субъектов управления по каким-либо критериям и основаниям довольно условно, т. к. они находятся в

постоянной взаимосвязи между собой в силу единства их социального и юридического развития. Все субъекты различаются по своему юридическому значению. Эффективность управленческой деятельности в немалой степени зависит от умелого сочетания и взаимодействия субъектов административно-правовой трансформации.

Важно обеспечить при этом четкое взаимодействие и оптимальный выбор, чтобы, с одной стороны, исключить в управлении в сфере безопасности граждан некачественную работу, а с другой стороны, обеспечить профессионализм и компетентность кадров.

Список литературы

1. Штатина М. А. Публично-властные субъекты административного права // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок: Московская юридическая неделя: материалы XV Международной научно-практической конференции: в 5 ч. Ч. 2. М.: Проспект, 2019. С. 295–302.
2. Жеребцов А. Н. Субъекты административного права: понятие и классификация // Правовые и организационные вопросы деятельности органов публичной власти: теория и практика: коллективная монография. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, С.-Петерб. ин-т гостеприимства, 2023. С. 5–14.
3. Сосновский И. И. Правоспособность и дееспособность субъектов административного права // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики: сборник научных статей по материалам вузовской научно-практической конференции. Т. 2. Ростов н/Д: Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2019. С. 356–358.
4. Сосновский И. И. Понятие субъекта административного права // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики: сборник научных статей по материалам вузовской научно-практической конференции. Т. 2. Ростов н/Д: Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2019. С. 351–353.
5. Миташова А. А., Федотов А. А., Павлов Н. В. Субъекты административного права // Евразийский юридический журнал. 2021. № 5(156). С. 147–148.
6. Карпова А. Н. Правоспособность и дееспособность субъектов административного права // XXIV Державинские чтения. Институт права и национальной безопасности: материалы Всероссийской научной конференции преподавателей и студентов / отв. ред.: В. А. Шуняева, Р. В. Зелепукин. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2019. С. 76–81.
7. Погильдякова Е. С. К вопросу о содержании понятий «административная правоспособность» и «дееспособность» // Сборник трудов факультета права и управления СФ МГПУ: сборник статей / под ред. Е. А. Гуськова. Вып. 4. Самара: Москов. гор. пед. ун-т, 2020. С. 36–38.
8. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 542 с.
9. Введенская В. В. Система органов государственной исполнительной власти, структура системы и структура органа государственной исполнительной власти: теоретико-

методологический аспект // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 7-1. С. 26–36.

10. Куркина Т. Ф. Некоторые особенности в современной структуре и функциях федеральных органов исполнительной власти // Академическая публицистика. 2022. № 10-2. С. 46–51.

11. Занко Т. А. Особенности построения систем и структур органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 4 (132). С. 14–19.

12. Теория государственного управления / П. Н. Путилов, В. Е. Степанов, И. Н. Сенин [и др.]. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 131 с.

13. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М.: ОмегаЛ, 2010. 525 с.

14. Коробко В. И. Государственное и муниципальное управление. М.: Институт непрерывного образования, 2017. 365 с.

15. Степанова Я. В. Правовой статус органа исполнительной власти // Вестник Сибирского университета потребительской кооперации. 2013. № 4 (7). С. 117–120.

16. Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право. 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. 816 с.

17. Административное право / под общ. ред. А. С. Телегина; Пермский гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2020. 340 с.

18. Административное право / А. М. Волков, Е. А. Лютягина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 459 с.

References

1. Shtatina M.A. Public authority subjects of administrative law. In: *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii i sovremennyi pravoporyadok: Moskovskaya yuridicheskaya nedelya: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = *The Constitution of the Russian Federation and modern law and order: Moscow Legal Week: proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference*. Pt. 2. Moscow: Prospekt; 2019. P. 295–302. (In Russ.)

2. Zherebtsov A.N. Subjects of administrative law: concept and classification. In: *Pravovye i organizatsionnye voprosy deyatel'nosti organov publichnoi vlasti: teoriya i praktika* = *Legal and organizational issues of the activities of public authorities: theory and practice*. Kirov: Mezhdunarodnyi tsentr innovatsionnykh tekhnologii v obrazovanii, S.-Peterb. in-t gostepriimstva; 2023. P. 5–14. (In Russ.)

3. Sosnovskii I.I. Legal capacity and legal capacity of subjects of administrative law. In: *Aktual'nye voprosy razvitiya yuridicheskoi nauki: voprosy teorii i praktiki: sbornik nauchnykh statei po materialam vuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = *Topical issues of the development of legal science: issues of theory and practice: a collection of scientific articles based on the materials of the university scientific and practical conference*. Vol. 2. Rostov-on-Don: Individual'nyi predprinimatel' Bepamyatnov Sergei Vladimirovich, 2019. P. 356–358. (In Russ.)

4. Sosnovskii I.I. The concept of the subject of administrative law. In: *Aktual'nye voprosy razvitiya yuridicheskoi nauki: voprosy teorii i praktiki: sbornik nauchnykh statei po materialam vuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = *Topical issues of the development of legal science: issues of theory and practice: a collection of scientific articles based on the materials of the university scientific and practical conference*. Vol. 2. Rostov-on-Don: Individual'nyi predprinimatel' Bepamyatnov Sergei Vladimirovich, 2019. P. 351–353. (In Russ.)

5. Mitashova A.A., Fedotov A.A., Pavlov N.V. Subjects of administrative law. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* = *Eurasian Law Journal*. 2021;(5):147–148. (In Russ.)

6. Karpova A.N. Legal capacity and legal capacity of subjects of administrative law. In: Shunyaeva V.A., Zelepukin R.V. (eds.) *XXIV Derzhavinskie chteniya. Institut prava i natsional'noi bezopasnosti: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii prepodavatelei i studentov = XXIV Derzhavin readings. Institute of Law and National Security: materials of the All-Russian Scientific Conference of teachers and Students*. Tambov: Izd. dom "Derzhavinskii"; 2019. P. 76–81. (In Russ.)
7. Pogil'dyakova E.S. On the issue of the content of the concepts of "administrative legal capacity" and "legal capacity". In: Gus'kova E.A. (ed.) *Sbornik trudov fakul'teta prava i upravleniya SF MGPU: sbornik statei = Proceedings of the Faculty of Law and Management of the SF MGPU: collection of articles*. Is. 4. Samara: Moskov. gor. ped. un-t; 2020. P. 36–38. (In Russ.)
8. Popov L.L., Migachev Yu.I. Administrative law of the Russian Federation. 2nd ed. Moscow: Prospekt; 2019. 542 p.
9. Vvedenskaya V.V. The system of state executive authorities, the structure of the system and the structure of the state executive authority: theoretical and methodological aspect. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2020;10(7-1):26–36. (In Russ.)
10. Kurkina T.F. Some features in the modern structure and functions of federal executive authorities. *Akademicheskaya publitsistika = Academic journalism*. 2022;(10-2):46–51. (In Russ.)
11. Zanko T.A. Features of the construction of systems and structures of executive authorities of the subjects of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba = State Service*. 2021;23(4):14–19. (In Russ.)
12. Putilov P.N., Stepanov V.E., Senin I.N., et al. Theory of public administration. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2019. 131 p. (In Russ.)
13. Atamanchuk G.V. Theory of public administration. Moscow: OmegaL, 2010. 525 p. (In Russ.)
14. Korobko V.I. State and municipal administration. Moscow: Institut nepreryvnogo obrazovaniya, 2017. 365 p.
15. Stepanova Ya.V. The legal status of the executive authority. *Vestnik Sibirskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii = Bulletin of the Siberian University of Consumer Cooperation*. 2013;(4):117–120. (In Russ.)
16. Bakhrah D.N., Rossinskii B.V., Starilov Yu.N. Administrative law. 3rd ed. Moscow: Norma; 2007. 816 p. (In Russ.)
17. Telegina A.S. (ed.) Administrative law. Perm: Permskii gos. nats. issl. un-t; 2020. 340 p. (In Russ.)
18. Volkov A.M., Lyutyagina E.A. (eds.) Administrative law. 2nd ed. Moscow: Yurait; 2023. 459 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Позднякова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и трудового права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5053-6239

Elena V. Pozdnyakova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Head of the Department of Administrative and Labor Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: elena.pozdnakova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5053-6239

Оспаривание (обжалование) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица Часть 1

А. В. Габов¹✉

¹ Институт государства и права Российской академии наук
ул. Знаменка, д. 10, г. Москва 119019, Российская Федерация

✉ e-mail: gabov@igpran.ru

Резюме

Актуальность. Юридическое лицо – востребованное правовое средство для реализации гражданами Российской Федерации своих экономических и иных интересов, о чем свидетельствуют и статистические данные ФНС России в части государственной регистрации юридических лиц. Масштаб взаимодействия заявителей и уполномоченных органов, а также лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации, текущее (далекое от оптимального) состояние законодательства о государственной регистрации, создающее благоприятную основу для возникновения конфликтов и споров, предполагают необходимость формирования эффективных форм и средств защиты прав и охраняемых законом интересов заявителей, чего, к сожалению, пока нет.

Цель состоит в выявлении ключевых проблем и тенденций в развитии законодательства в части обжалования (оспаривания) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица.

Задачи исследования: проанализировать развитие законодательства в части обжалования (оспаривания) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица; выявить направления такого развития, понять причины их формирования; выявить основные проблемы и сформулировать пути их преодоления.

Методология. Статья выполнена на основе традиционных для юридических исследований методов; в основу исследования положен системный анализ.

Результаты. Установлено, что существующее регулирование сформировалось в большей степени «стихийно», при отсутствии специальной политико-правовой основы; выявлена рассогласованность положений основных регулирующих документов; выявлены проблемы, возникающие с досудебным обжалованием решений (действий/бездействия) уполномоченных органов, действий МФЦ и его работников; указано на проблемы с обжалованием/оспариванием действий/бездействия нотариусов.

Вывод. Исследование показывает необходимость системного реформирования норм, регулирующих вопросы обжалования (оспаривания) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации; предлагаются направления соответствующих изменений.

Ключевые слова: государственная регистрация; регистрирующий орган; нотариус; редомициляция; управляющая компания; отказ в государственной регистрации; досудебное (внесудебное) обжалование.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Габов А. В. Оспаривание (обжалование) решений, действий (бездействия) государственных органов (их должностных лиц) и иных лиц (организаций), вовлеченных в процесс государственной регистрации юридического лица. Часть 1 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 20–40. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-20-40>

Поступила в редакцию 01.07.2024

Принята к публикации 29.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Challenging (appealing) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity

Andrey V. Gabov¹ ✉

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10 Znamenska Str., Moscow 119019, Russian Federation

✉e-mail: gabov@igpran.ru

Abstract

Relevance. A legal entity is a popular legal tool for citizens of the Russian Federation to implement their economic and other interests, as evidenced by the statistical data of the Federal Tax Service of Russia in terms of state registration of legal entities. The scale of interaction between applicants and authorized bodies, as well as persons (organizations) involved in the state registration process, the current (far from optimal) state of legislation on state registration, which creates a favorable basis for the emergence of conflicts and disputes, suggests the need to develop effective forms and means of protecting the rights and legally protected interests of applicants, which, unfortunately, does not exist yet.

The purpose of the article is to identify key problems and trends in the development of legislation in terms of appealing (challenging) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity.

Objectives of the study: to analyze the development of legislation in terms of appealing (contesting) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity; to identify the directions of such development, to understand the reasons for their formation; to identify the main problems and formulate ways to overcome them.

Methodology. The article is written on the basis of traditional methods for legal research; the study is based on a systems analysis.

Results. It has been established that the existing regulations were formed to a greater extent "spontaneously", in the absence of a special political and legal basis; inconsistency in the provisions of the main regulatory documents has been revealed; problems arising with pre-trial appeal of decisions (actions / inaction) of authorized bodies, actions of the MFC and its employees have been identified; problems with appealing / challenging the actions / inaction of notaries are indicated.

Conclusion. The study shows the need for a systemic reform of the rules governing issues of appealing (challenging) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the state registration process; directions for appropriate changes are proposed.

Keywords: state registration; authorized registration authority; notary; redomiciliation; management company; refusal of state registration; pre-trial (out-of-court) appeal.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Gabov A. V. Challenging (appealing) decisions, actions (inaction) of state bodies (their officials) and other persons (organizations) involved in the process of state registration of a legal entity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(4):20–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-20-40>

Received 01.07.2024

Accepted 29.07.2024

Published 30.08.2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(4):20–40

Введение

Законодательством Российской Федерации в настоящее время установлена единая (без исключения для каких-либо составных частей государства) и единственная (без каких-либо исключений в виде специальных режимов для отдельных участников (групп участников) гражданских и иных отношений) *регистрационная система создания юридических лиц* [1]. Основное правило, определяющее ее сущность, – *обязательность государственной регистрации юридического лица* – без факта такой регистрации (и, соответственно, включения сведений о юридическом лице в ЕГРЮЛ с присвоением записи государственного регистрационного номера или его восстановлением¹) субъекта права – *российского*² юридического лица – нет, *а также обязательность государственной регистрация юридических фактов, фиксирующих существенные изменения в правовом положении юридического лица, и фактов, влекущих его прекращение*.

В настоящее время государственная регистрация обязательна в случаях:

- *создания юридического лица всеми способами, предусмотренными действующим законодательством*³;
- *редомициляции*⁴ юридического лица⁵, *ее аналогов*⁶, а также «обратной» ре-

домициляции (смене личного закона с российского на иностранный);

- *внесения в ЕГРЮЛ сведений о юридическом лице* (предусмотренных ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»⁷ (далее – Закон № 129-ФЗ), а также *изменения сведений, ранее внесенных в ЕГРЮЛ*;

- *изменения учредительного документа юридического лица*;

- *внесения в ЕГРЮЛ записи о недо-
стоверности сведений о юридическом
лице*⁸;

- *реорганизации юридического лица*;

⁵ Иностранного юридического лица, являющегося коммерческой корпоративной организацией и принявшего решение об изменении своего личного закона в установленном таким личным законом порядке, и иностранного унитарного юридического лица, учредители которого не являются его участниками и не участвуют в распределении прибыли, а также не имеют в нем прав членства, которое создано в целях, предусмотренных ч. 1 ст. 1 Закона о международных компаниях и международных фондах, и которое приняло решение об изменении своего личного закона в установленном таким личным законом порядке (ст. 1 и 12.1 № 290-ФЗ).

⁶ Внесение в ЕГРЮЛ сведений о юридическом лице в соответствии со ст. 19.1 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (после изменений, внесенных Федеральным законом от 2 ноября 2022 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"». См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 48, ст. 8318.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 33, ч. I, ст. 3431.

⁸ Также см. п. 1.5 Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 3 (2019), направленного письмом ФНС России от 9 октября 2019 г. № ГД-4-14/20704@. См.: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400985/.

¹ В случае, предусмотренном ст. 60.2 ГК РФ.

² Личным законом которого является российское право.

³ Учреждение, реорганизация (исключая присоединение), восстановление ранее существовавшего юридического лица, изменение типа (только для государственных учреждений), создание на основании нормативно-правового акта, создание на основании судебного акта.

⁴ О международных компаниях и международных фондах: федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 290-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 32, ч. I, ст. 5083. (Далее – Закон № 290-ФЗ).

– ликвидации юридического лица;
– прекращения юридического лица
иными способами, кроме ликвидации¹.

Государственная регистрация – это не только юридический факт, но еще и процесс (определенная последовательность действий), в рамках которого государственные органы² принимают различ-

¹ Исключение из ЕГРЮЛ в порядке, установленном ст. 21.1, 21.3, 22 Закона № 129-ФЗ.

² Формально, если анализировать ст. 2 Закона № 129-ФЗ, в Российской Федерации имеется один уполномоченный (Правительством РФ) для государственной регистрации федеральный орган исполнительной власти (в настоящее время – федеральная налоговая служба в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе». См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 40, ст. 3961). Такой подход (один уполномоченный орган), оставшийся неизменным с момента принятия Закона № 129-ФЗ, является следствием определения «государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», данного в ст. 1 указанного закона как *актов уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемых посредством внесения в государственные реестры соответствующих сведений*. Говоря иначе, уполномоченный орган – это тот орган, который вносит сведения в ЕГРЮЛ, а акт, которым вносится соответствующее сведение, это и есть акт регистрации. Таким образом, государственная регистрация этими статьями (1 и 2) сводится к внесению сведений в ЕГРЮЛ. Указанный подход проявляется при описании функций в рамках оказания государственных услуг: если соответствующий регламент ФНС России говорит о *государственной услуге по государственной регистрации юридических лиц*, то административный регламент Министерства юстиции РФ указывает на *предоставление государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации*. Между тем указанное определение (и понимание) государственной регистрации изначально не соответствовало ни фактическому положению дел, ни даже иным

ные решения: о государственной регистрации; об отказе в государственной регистрации; о приостановлении государственной регистрации; о продлении срока рассмотрения документов; об оставлении заявления без рассмотрения³; о предстоящем исключении из ЕГРЮЛ, об исключении из ЕГРЮЛ, которые влекут значимые правовые последствия как для лиц, обращающихся с заявлением о государственной регистрации, юридических лиц,

нормам Закона № 129-ФЗ (ст. 10), поскольку государственная регистрация включает (и заключается) не только в актах внесения сведений в ЕГРЮЛ, но и в принятии как ФНС России, так и иными органами и лицами, различных решений, а также совершении иных действий (к примеру, выдача расписки в получении документов, опубликование информации и пр.) в процессе государственной регистрации. По существу, система государственной регистрации *всегда* (и до, и после принятия Закона № 129-ФЗ) *включала несколько уполномоченных государственных органов*, между которыми было разделение компетенции в принятии различных решений. К примеру, решение о государственной регистрации принимает один орган (Министерство юстиции РФ), согласно ст. 13.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145) (далее – Закон № 7-ФЗ)), а сведения в ЕГРЮЛ вносит другой орган (ФНС России).

³ Первые два вида решений являются основными: соответствующий орган обязан по поступившим документам принять одно из двух указанных решений; последующие три являются промежуточными: уполномоченный орган принимает их в процессе регистрации перед принятием какого-либо из двух основных решений; два вида решений (о продлении срока рассмотрения документов; об оставлении заявления без рассмотрения) используются ограниченно (при государственной регистрации религиозных объединений (ст. 11 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39, ст. 4465).

в отношении фактов из «жизни» которых осуществляется регистрация, так и для иных, третьих лиц (к примеру, для лиц, сведения о которых как об учредителях (участниках) или как о лицах, выполняющих функции руководства юридическим лицом, вносятся в ЕГРЮЛ).

Уполномоченные государственные органы (в соответствии со своей компетенцией) в процессе государственной регистрации совершают также (кроме принятия решений) ряд иных юридически значимых действий, как-то:

- принимают документы для государственной регистрации от заявителей, в том числе в рамках системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) (ст. 5, 9, 11 Закона № 129-ФЗ);

- принимают возражения (заявления) заинтересованных лиц (лиц) о недостоверности сведений, включаемых в ЕГРЮЛ (ст. 51 ГК РФ, ст. 9 № 129-ФЗ);

- выдают в установленных сроке, форме и порядке расписку (письменное подтверждение, документ) о получении документов для государственной регистрации (ст. 9 Закона № 129-ФЗ, ст. 15 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹, ст. 16 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»²);

- вносят записи в ЕГРЮЛ с присвоением государственного регистрационного номера (ст. 4, 11 Закона № 129-ФЗ, приказ Минфина России от 30 октября 2017 г. № 165н³);

- ограничивают доступ к сведениям, содержащимся в ЕГРЮЛ (ст. 6 Закона № 129-ФЗ);

- вносят в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц (Федресурс) установленные законом сведения (ст. 7.1 № 129-ФЗ);

- исправляют технические ошибки (приказ Минфина России от 30 октября 2017 г. № 165н);

- проводят проверку достоверности сведений, включаемых или включенных в ЕГРЮЛ (ст. 9, 11 Закона № 129-ФЗ, приказ ФНС России от 28 декабря 2022 г. № ЕД-7-14/1268@⁴);

- уведомляют об отсутствии оснований для проведения мероприятий по проверке достоверности сведений, включае-

нимателей на электронных носителях, не соответствующие сведениям, содержащимся в документах, на основании которых внесены такие записи (исправление технической ошибки), и о признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 18 февраля 2015 г. N 25н: приказ Минфина России от 30 октября 2017 г. № 165н. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288080/ (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ Об утверждении Оснований, условий и способов проведения указанных в пункте 4.2 статьи 9 Федерального закона от 8 августа 2001 года N 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» мероприятий, порядка использования результатов этих мероприятий, а также формы письменного возражения относительно предстоящей государственной регистрации изменений устава юридического лица или предстоящего внесения сведений в Единый государственный реестр юридических лиц и формы заявления физического лица о недостоверности сведений о нем в Едином государственном реестре юридических лиц: приказ ФНС России от 28 декабря 2022 г. № ЕД-7-14/1268@. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439457/ (дата обращения: 15.06.2024). (далее – Основания, условия и способы проведения проверок 2022 г.).

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 6, ст. 492.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, ст. 2950

³ Об утверждении Порядка ведения Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпринимателей, внесения исправлений в сведения, включенные в записи Единого государственного реестра юридических лиц и Единого государственного реестра индивидуальных предпри-

мых или включенных в ЕГРЮЛ (Основания, условия и способы проведения проверок 2022 г.);

– принимают постановление о проведении экспертизы (п. 16 Оснований, условий и способов проведения проверок 2022 г.);

– уведомляют заинтересованное лицо, представившее (направившее) возражение/заявление, о подтверждении или не подтверждении либо невозможности подтверждения в ходе проверки достоверности сведений, в отношении которых представлено возражение/заявление (п. 19 Оснований, условий и способов проведения проверок 2022 г.);

– предоставляют в установленные сроки, форме и порядке документы (информацию) при осуществлении информационного обмена при специальном порядке государственной регистрации (приказ Минюста России от 30 декабря 2022 г. № 440¹);

– выдают документы по итогам государственной регистрации (ст. 11 Закона № 129-ФЗ, Административный регламент предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@², Административный регламент Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государ-

ственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденный приказом Минюста России от 26 сентября 2022 г. № 199³) исправляют опечатки и ошибки в выданных документах.

Помимо государственных органов функционирование современной российской регистрационной системы обеспечивают также иные лица и организации (нотариусы, многофункциональные центры (МФЦ)⁴, управляющие компании в специальных административных районах). Притом что во всех случаях перед нами примеры профессионального и обязательного по закону посредничества⁵ между заявителями при государственной регистрации и уполномоченными государственными органами⁶, функции этих лиц (организаций) различны.

³ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427450/

⁴ Теоретически возможно и привлечение иных организаций по соглашению с МФЦ в соответствии с ч. 1.1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31, ст. 4179) (далее – Закон № 210-ФЗ), хотя в части государственной регистрации юридических лиц таких примеров автор статьи не знает.

⁵ Прямо посредническая функция (в форме представительства) закреплена только для МФЦ – ст. 16 Закона № 210-ФЗ прямо указывает, что МФЦ *представляют интересы* заявителей при взаимодействии с органами, предоставляющими государственные услуги, и органами, предоставляющими муниципальные услуги, а также с организациями, участвующими в предоставлении государственных и муниципальных услуг, *и представляют интересы* органов, предоставляющих государственные услуги, и органов, предоставляющих муниципальные услуги, при взаимодействии с заявителями.

⁶ В отдельных случаях, кстати, может быть задействован не один, а два посредника. К примеру, такая ситуация имеет место при создании наследственного фонда со статусом международного фонда в соответствии со

¹ Об утверждении Порядка взаимодействия Министерства юстиции Российской Федерации с Федеральной налоговой службой по вопросам государственной регистрации некоммерческих организаций: приказ Минюста России от 30 дек. 2022 г. № 440. URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/34198> (дата обращения: 15.06.2024).

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351997/ (дата обращения: 15.06.2024).

Нотариусы в ряде случаев выступают как *обязательные заявители при государственной регистрации*, говоря иначе, государство «встраивает» такого посредника между собой (в лице уполномоченного органа) и заявителем при государственной регистрации. Каких-то специальных прав, касающихся действий заявителя и представленных им для государственной регистрации юридического лица документов, такой посредник по действующему законодательству не получает (в реальности, они вытекают из ряда положений законодательства о нотариате о порядке совершения нотариальных действий); при этом отказ в совершении нотариального действия при условии отсутствия выбора (альтернативы) у заявителя – обращаться к нотариусу или подавать документы для регистрации самостоятельно – по сути, приводит к невозможности осуществления государственной регистрации.

Обязательности привлечения МФЦ для подачи документов для государственной регистрации юридического лица Закон о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (ст. 9) не предусматривает; однако если заявитель в процессе государственной регистрации юридического лица использует для подачи документов МФЦ, то решения (действия) МФЦ, а также его работников (равно как бездействие (нарушение сроков)) могут приводить к нарушению прав и законных интересов заявителей при государственной регистрации.

Управляющие компании в специальных административных районах также выполняют фактически посреднические функции между заявителями и уполномоченным государственным органом (а в

ряде случаев и иными государственными органами¹); у заявителей при этом нет альтернативы – они обязаны обращаться к управляющей компании для целей государственной регистрации²; функции, по сравнению с нотариусами и МФЦ несколько более сложные: они получают основанное на законе право принимать решение о направлении полученных документов в государственный орган или об отказе от такого направления (по существу, как справедливо отмечают исследователи (И. А. Черешнева), управляющие компании выполняют государственно-властные полномочия [2, с. 35]).

О масштабе взаимодействия заявителей и уполномоченных государственных органов в процессе государственной регистрации свидетельствуют и статистические данные. К примеру, как показывают некоторые статистические данные ФНС России за 2023 г.³: количество записей о регистрации юридических лиц, внесенных в ЕГРЮЛ в отчетном периоде – 6 801 009. Значимость фактов государственной регистрации, решений (действий), бездействия уполномоченных государственных органов и их должностных лиц, лиц (органов), вовлеченных в процесс государственной регистрации, является причиной для формирования эффективной системы защиты прав и охраняемых законом интересов заявителей

¹ См. ч. 4 ст. 11 Закона № 129-ФЗ.

² Согласно ч. 2 ст. 5 и ч. 2. 12.2 Закона № 290-ФЗ, сведения о международной компании при ее регистрации, реорганизации и ликвидации международной компании, сведения о международном фонде при его регистрации, сведения о ликвидации международного фонда, а также иные предусмотренные федеральными законами вносятся в ЕГРЮЛ органом, осуществляющим государственную регистрацию юридических лиц на основании документов, направленных управляющей компанией.

³ См.: Отчет по форме № 1-ЮР (2023 год). URL: https://www.nalog.gov.ru/rn27//related_activities/statistics_and_analytics/forms/13134463/ (дата обращения: 22.06.2024).

ст. 63.2 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357) (далее – Основы законодательства о нотариате).

лей при государственной регистрации, а также иных лиц, права и охраняемые законом интересы которых затрагиваются фактами государственной регистрации, отказами в государственной регистрации (а также отказами в совершении действий, необходимых для осуществления государственной регистрации), бездействием уполномоченных органов (лиц). Действующее российское законодательство устанавливает различные формы такой защиты, хотя в полной мере назвать совокупность таких форм, имеющих нормативное регулирование, системой, да к тому же еще и эффективной вряд ли возможно.

Методология

Исследование проведено с использованием традиционно используемых для выполнения подобного рода работ методов. В основу проведения исследования положены общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, сравнение и аналогия и пр.), и частнонаучные методы (историко-правовой и др.), позволившие достичь цели и задачи исследования. Специфика предмета исследования обусловила его частично междисциплинарный характер, поскольку вопросы государственной регистрации юридических лиц представляют комплекс частных и публичных отношений, в силу чего автор рассмотрел как вопросы, относящиеся к сфере частноправовых исследований, так и относящиеся к сфере публично-правовых исследований (те, что традиционно рассматривались в рамках исследований по административному праву).

Результаты и их обсуждение

Оспаривание (обжалование) действий государственных регистрирующих органов и их должностных лиц

В первоначальный период становления современной российской регистра-

ционной системы (с конца 1980-х гг.¹ и до принятия ГК РФ 1994 г.) приоритетной формой защиты прав лиц, затронутых решениями (действиями), принятыми в ходе государственной регистрации, стало *обращение заявителей в суд*, что видно из анализа законов и иных нормативных правовых актов СССР², РСФСР³, РФ⁴. Важно отметить, что в большинстве случаев предусматривалась возможность обращения в суд (арбитражный суд) при отказе в государственной регистрации (самого юридического лица или его устава) и/или при ее непроведении в установленный срок. Исключением яв-

¹ Принятие Закона СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI «О кооперации в СССР». (Ведомости ВС СССР. 1988. № 22, ст. 355). Именно в этом документе впервые появилось положение о том, что юридическое лицо (кооператив) «считается созданным с момента его государственной регистрации» (ст. 11), которое затем было включено и в иные акты, регулирующие вопросы создания юридических лиц.

² См.: О кооперации в СССР: закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI // Ведомости ВС СССР. 1988. № 22, ст. 355; О предприятиях в СССР: закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 25, ст. 460; Об общественных объединениях: закон СССР от 9 окт. 1990 г. № 1708-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 42, ст. 839; Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: [утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1] // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26, ст. 733.

³ См.: О предприятиях и предпринимательской деятельности: закон РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 445-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 30, ст. 418.

⁴ См.: О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации: закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1309; Об упорядочении государственной регистрации предпринимателей на территории Российской Федерации: указ Президента РФ от 8 июля 1994 г. № 1482 «// Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 11, ст. 1194.

лялось Положение о порядке государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности, утвержденного Указом Президента РФ от 8 июля 1994 г. № 1482, который предусматривал правило о том, что любое заинтересованное лицо вправе в течение установленного срока обратиться в суд (арбитражный суд) с заявлением о признании недействительными регистрации предприятия и (или) его учредительных документов (полностью или частично). Иных специальных механизмов защиты прав и охраняемых законом интересов заявителей при государственной регистрации законодательство не предусматривало. Следует отметить, что с 1987 г. действовали специальные законы, предусматривавшие возможность обжалования гражданами неправомерных действий должностных лиц¹. Однако потенциал этих нормативных актов в части обжалования как действий регистрирующих органов, так и их должностных лиц был достаточно ограничен (предусматривали возможность обжалования только для граждан), хотя они и предусматривали возможность не только обжалования соответствующих действий в суде, но и вышестоящему органу.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), часть первая которого была принята в декабре 1994 г. (ст. 51), также отдавал приоритет судебной форме защиты права, указывая на два

основания: отказ в государственной регистрации и уклонение от государственной регистрации.

Отдельные федеральные законы, регулирующие правовое положение групп (видов) юридических лиц, появившиеся после принятия ГК РФ, а также принятый в исполнение ст. 51 ГК РФ Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц» (первоначальное название Закона № 129-ФЗ) первоначально либо воспроизводили положения ст. 51 ГК РФ (ст. 23 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»², ст. 8 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»³, ст. 12 Закона № 125-ФЗ), либо указывали на возможность обжалования в судебном порядке только решения об отказе в государственной регистрации (п. 5 ст. 23 Закона № 129-ФЗ (в первоначальной редакции)). В тех случаях, когда законы прямо не предусматривали возможности оспаривания решений (действий) и бездействия государственного регистрирующего органа в суде, лица для обеспечения своих прав и законных интересов могли воспользоваться общим механизмом признания недействительным решений и действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц, который предусмотрен арбитражным процессуальным законодательством (ст. 198 и другие АПК РФ 2002 г.⁴).

¹ См.: О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан: закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7287-XI // Ведомости ВС СССР. 1987. № 26, ст. 388; О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан: закон СССР от 2 ноября 1989 г. № 719-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 22, ст. 416; Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: закон РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 19, ст. 685.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 148.

⁴ Ранее (в АПК 1995 г.) ст. 22 закрепляла в подведомственности арбитражных судов споры о признании недействительными (полностью или частично) ненормативных актов государственных органов, органов местного самоуправления и иных органов, не соответствующих законам и иным норматив-

Законодательство не исключало иных (кроме обращения в суд) форм защиты, включая и административный порядок, однако специальных положений (именно для случая государственной регистрации юридического лица) о порядке рассмотрения соответствующих обращений законодательство не содержало. Думается, такой «перекос» в сторону судебной защиты прав не был случаен; он являлся отражением подхода о центральной роли суда в защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц, который получил свое оформление в Концепции судебной реформы в РСФСР, одобренной постановлением ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1¹; в исследованиях, касающихся досудебного порядка урегулирования споров отмечается тенденция сужения случаев обязательно-го досудебного урегулирования споров в 1990-е – начало 2000-х гг. [3, с. 72]; при этом необходимо отметить, что какой-то концептуальной основы для развития иных форм защиты, кроме судебной, долгое время не имелось вообще².

Подходы законодателя начинают меняться ближе к середине 2000-х гг. (особенно в части публичных отноше-

ним правовым актам и нарушающих права и законные интересы организаций и граждан.

¹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

² Интересно, что в части досудебного урегулирования споров можно вспомнить разве что весьма «размытое» положение распоряжения Президента РФ от 21 декабря 1993 г. № 775-рп «О совершенствовании организации и деятельности арбитражных судов Российской Федерации» (Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 52, ст. 5087) о рекомендации ряду государственных органов «подготовить предложения... о совершенствовании организации и деятельности арбитражных судов, имея в виду» среди прочего «пересмотр существующего порядка досудебного урегулирования споров в целях повышения уровня и оперативности судопроизводства по делам, подведомственным арбитражным судам».

ний) [4, с. 15], что связывалось, прежде всего, с констатацией необходимости «разгрузки» судебной системы (судов)³. Отметим, что в части публичных отношений Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р⁴, прямо предусматривала необходимость внедрения (создания) эффективных механизмов досудебного обжалования решений (действий) государственных органов и должностных лиц. Смена парадигмы коснулась и сферы государственной регистрации юридических лиц: 2006 г. для случаев регистрации некоторых некоммерческих организаций⁵ законодатель закрепляет право за-

³ Идея снижения нагрузки на судей (загруженности судов) получит и нормативное оформление; к примеру, см.: Концепцию федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы», утвержденную распоряжением Правительства РФ от 4 августа 2006 г. № 1082-р (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 33, ст. 3652), Концепцию федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденную распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 40, ст. 5474), в том числе и в «связке» с концептуальными положениями о развитии системы досудебного регулирования споров, вытекающих из публичных отношений (см.: Концепция развития досудебного урегулирования налоговых споров в системе налоговых органов Российской Федерации на 2013–2018 годы, утвержденная приказом ФНС России от 13 февраля 2013 г. № ММВ-7-9/78@. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427450/ (дата обращения: 15.06.2024).

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 46, ст. 4720.

⁵ О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 10 янв. 2006 г. № 18-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 3, ст. 282.

явителей обжаловать отказ в государственной регистрации, а также уклонения от такой регистрации не только в суд, но и в вышестоящий орган (как альтернатива), причем без лишения при отсутствии положительного решения в административном порядке возможности обращения в суд. Кроме того, в этом же году был принят Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹, предусматривавший право граждан обращаться с жалобой о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц. Потенциал этого закона для использования при обжаловании решений (действий) регистрирующих органов и их должностных лиц, впрочем, также был достаточно ограниченным.

Существенное изменение в подходах к формам защиты прав и законных интересов заявителей при государственной регистрации юридических лиц связано с принятием Закона № 210-ФЗ и развитием, соответственно, законодательства об оказании государственных и муниципальных услуг, в число которых вошли и услуги по государственной регистрации юридических лиц. Этот закон в числе основных прав заявителей (лиц, обращающихся за получением услуги) указал право на досудебное (внесудебное) рассмотрение жалоб (претензий) в процессе получения государственных и муниципальных услуг (ст. 5), предусмотрев (ст. 12), что административный регламент², принимаемый для оказания соответствующей услуги, должен предусматривать

раздел, регулирующий досудебный (внесудебный) порядок обжалования решений и действий (бездействия) органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, а также должностных лиц, государственных или муниципальных служащих. В 2011 г.³ Закон № 210-ФЗ был дополнен специальной главой 2.1, регулирующей порядок досудебного (внесудебного) обжалования. Этот порядок изначально был универсальным практически для всех случаев оказания государственных и муниципальных услуг. В части государственной регистрации юридических лиц (оказания государственной услуги по государственной регистрации / по принятию решения о государственной регистрации) после 2011 г. было принято несколько специальных административных регламентов, регулировавших вопросы досудебного (внесудебного) обжалования:

– Административный регламент предоставления Министерством юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденный приказом Минюста России от 30 декабря 2011 г. № 455⁴ (в настоящее время утратил силу);

– Административный регламент предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом Минфина России от 22 июня 2012 г. № 87н⁵ (в настоящее время утратил силу);

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2060.

² Согласно ст. 2 Закона № 210-ФЗ, административный регламент определяется как нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги.

³ После принятия Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49, ч. 5, ст. 7061).

⁴ Российская газета. 2012. № 58.

⁵ Российская газета. 2012. № 206.

– Административный регламент предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом Минфина России от 30 сентября 2016 г. № 169н¹ (в настоящее время утратил силу);

– Административный регламент предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@ (действующий);

– Административный регламент Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденный приказом Минюста России от 26 сентября 2022 г. № 199² (действующий).

Указанные документы заслуживают пристального внимания: *впервые (после создания современной регистрационной системы) появился механизм досудебного (внесудебного) обжалования действий как самого регистрирующего органа, так и его должностных лиц.* Обратим внимание на используемую терминологию – Закон № 210-ФЗ изначально (и в настоящее время) использует двойное обозначение (исключая ст. 11.4 этого закона) в части порядка обжалования – «досудебный (внесудебный)», т. е. данный закон рассматривает эти понятия как синонимы [5]; при этом в специальной литературе

понятия «досудебный» и «внесудебный» применительно к административным спорам разделяют (см., к примеру, работу И. В. Пановой [6, с. 19–23]). И с нашей точки зрения, такое разделение оправданно и указанное двойное обозначение неудачно. «Досудебный» порядок – это понятие более узкое, чем внесудебный (весьма удачное, емкое его определение дано в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»). Соблюдение такого порядка по некоторым категориям дел выступает как условие реализации права на предъявление иска³ [3, с. 175]. «Внесудебный» порядок какого-либо нормативного определения не имеет; его можно понимать как саму возможность (принципиально) решения конфликта без обращения в суд, а также решение конфликта между сторонами без решения суда по существу дела уже в рамках спора, рассматриваемого судом⁴; при этом в любом случае понятие «внесудебный» не является удачным, оно даже семантически предполагает отсутствие судебной формы защиты, что неверно. На проблеме терминологии – хаотичное использование понятий «досудебный», «внесудебный», а также иных понятий в нормативных актах – уже обращалось внимание в специальной литературе [7, с. 24]; как думается, вопрос терминологии требует системного законодательного решения.

³ Также см.: Илюшников Д. С. Досудебное урегулирование как условие реализации права на обращение в суд по отдельным категориям гражданских дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 7.

⁴ К примеру, см.: Михель Д. Е. Внесудебные процедуры разрешения споров в континентальной правовой традиции: история развития и формирование доктрины: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2020. С. 12.

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208273/ (дата обращения: 15.06.2024).

² URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_427450/ (дата обращения: 15.06.2024).

Казалось бы, наличие Закона № 210-ФЗ, включающего специальный раздел о досудебном (внесудебном) порядке обжалования решений (действий), дополненного положениями административных регламентов, должно было обеспечить дополнительные (помимо обращения в суд) возможности для участников процесса государственной регистрации по защите своих прав и охраняемых законом интересов. Однако формирование нового регулирования изначально имело существенные недостатки (о проблемах досудебного (внесудебного) обжалования см.: работы Д. М. Лифанова [8, с. 102–115], Е. И. Мурашовой [9, с. 50–56], М. М. Мокеева [10, с. 17–24], И. А. Трофимовой [11, с. 52–59] и других исследователей), одна (хотя и не единственная) из причин которых (на общую проблему несоответствия текста административных регламентов законодательству обращалось внимание в ряде работ [12, с. 139; 13; 14, с. 101; 15, с. 157]) – отсутствие «связок» между специальным законодательством о государственной регистрации юридических лиц и законодательством об организации оказания государственных и муниципальных услуг, что показывает анализ формулировок «случаев», когда заявитель может обратиться с жалобой, как они сформулированы в административных регламентах ФНС России 2012 и 2016 гг., а также административном регламенте Минюста РФ 2011 г. Формулировки «случаев» при незначительных различиях идентичны по смыслу; проводить их анализ следует с теми положениями ГК РФ (ст. 51) и Закона № 129-ФЗ, которые предусматривали основания для обращения в суд (отказ в государственной регистрации и уклонение в ее проведении). Этот анализ показывает следующее:

– притом что обжалованию подлежали действия (решения) и бездействия

самого регистрационного органа¹, а также его должностных лиц, даже с точки зрения формулировок *отсутствует корреспонденция анализируемых положений и положений ГК РФ (ст. 51) и Закона № 129-ФЗ*; к примеру, анализируемые правила не используют понятие «уклонение», хотя такое из указанных «случаев» (во всех указанных в таблице 1 документах), как нарушение срока предоставления услуги по регистрации, можно квалифицировать и как уклонение от государственной регистрации в смысле ст. 51 ГК РФ; другая часть из указанных «случаев» (отказ в предоставлении государственной услуги, если основания отказа не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами) – не что иное, как нарушение принципа исчерпывающего перечня оснований для отказа в государственной регистрации, установленного ст. 23 Закона № 129-ФЗ);

– указанные «случаи» не охватывали возможность обжалования самого факта государственной регистрации;

– указанные «случаи» предоставляли право обжаловать такие действия регистрирующего органа (его должностных лиц), обжалование (оспаривание) которых в судебном порядке ни ст. 51 ГК РФ, ни Законом № 129-ФЗ, а также иными законами, регулирующими вопросы специального порядка государственной регистрации, предусмотрены не были (нарушение срока регистрации запроса заявителя; требование документов, не предусмотренных нормативными правовыми актами для предоставления государственной услуги и пр.).

¹ Исключая регламент Минюста РФ 2011 г., который указывал лишь на обжалование действий и/или бездействия должностных лиц (п. 11).

Таблица 1. Сравнение описания «случаев» в первоначальной и актуальной редакции ст. 11.1 № 210-ФЗ

«Случаи» в соответствии с первоначальной редакцией ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ	«Случаи» в соответствии с актуальной редакцией ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ ¹
1. Нарушение срока регистрации запроса заявителя о предоставлении государственной или муниципальной услуги	1. Нарушение срока регистрации запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги, запроса, указанного в ст. 15.1 Закона № 210-ФЗ ²
2. Нарушение срока предоставления государственной или муниципальной услуги	2. Нарушение срока предоставления государственной или муниципальной услуги
3. Требование у заявителя документов, не предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами для предоставления государственной или муниципальной услуги	3. Требование у заявителя документов или информации либо осуществления действий, представление или осуществление которых не предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами для предоставления государственной или муниципальной услуги
4. Отказ в приеме документов, предоставление которых предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами для предоставления государственной или муниципальной услуги, у заявителя	4. Отказ в приеме документов, предоставление которых предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами для предоставления государственной или муниципальной услуги, у заявителя
5. Отказ в предоставлении государственной или муниципальной услуги, если основания отказа не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами	5. Отказ в предоставлении государственной или муниципальной услуги, если основания отказа не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами
6. Затребование с заявителя при предоставлении государственной или муниципальной услуги платы, не предусмотренной нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами	6. Затребование с заявителя при предоставлении государственной или муниципальной услуги платы, не предусмотренной нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами
7. Отказ органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, должностного лица органа, предоставляющего государственную услугу, или органа, предоставляющего муниципальную услугу, в исправлении допущенных опечаток и ошибок в выданных в результате предоставления государственной или муниципальной услуги документах либо нарушение установленного срока таких исправлений	7. Отказ органа, предоставляющего государственную услугу, органа, предоставляющего муниципальную услугу, должностного лица органа, предоставляющего государственную услугу, или органа, предоставляющего муниципальную услугу в исправлении допущенных опечаток и ошибок в выданных в результате предоставления государственной или муниципальной услуги документах либо нарушение установленного срока таких исправлений

«Случаи» в соответствии с первоначальной редакцией ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ	«Случаи» в соответствии с актуальной редакцией ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ ¹
–	8. Нарушение срока или порядка выдачи документов по результатам предоставления государственной или муниципальной услуги
–	9. Приостановление предоставления государственной или муниципальной услуги, если основания приостановления не предусмотрены федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами
–	10. Требование у заявителя при предоставлении государственной или муниципальной услуги документов или информации, отсутствие и (или) недостоверность которых не указывались при первоначальном отказе в приеме документов, необходимых для предоставления государственной или муниципальной услуги, либо в предоставлении государственной или муниципальной услуги, за исключением случаев, предусмотренных п. 4 ч. 1 ст. 7 Закона № 210-ФЗ ³
¹ Формулировки «случаев» приведены без учета возможностей обжалования решений и действий (бездействия) МФЦ и его работников, а также организаций, привлеченных МФЦ для оказания государственных услуг в соответствии с ч. 1.1 ст. 16 Закона № 210-ФЗ и работников таких организаций – соответствующие части из формулировок удалены. ² Указанная статья регулирует порядок предоставления двух и более государственных/муниципальных услуг в МФЦ при однократном обращении заявителя. ³ Данная норма указывает ограничение для органа, предоставляющего государственные/муниципальные услуги требовать от заявителя представления определенных документов и информации.	

Критичными для целей защиты прав и охраняемых законом интересов эти отличия назвать нельзя – в конечном итоге, обжалование было правом заявителя: он мог воспользоваться соответствующими административными механизмами, а мог обратиться непосредственно в суд. Хотя и оптимальным, эффективным назвать такой подход к регулированию сложно – приведенные выводы, очевидно, указывают на отсутствие системности в выстраивании судебных и иных форм защиты.

Интересно отметить, что законодатель еще в 2012 г.¹ заложил возможность для создания системных решений не общего характера, а для различных случаев оказания государственных и муниципальных услуг: ч. 3.1 ст. 11.2 Закона № 210-ФЗ (действует и в настоящее время).

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и муниципальных услуг по принципу «одного окна»: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 133-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. №31, ст. 4322.

мя) указывает, что если федеральным законом установлен порядок (процедура) подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) органов, предоставляющих государственные услуги, должностных лиц органов, предоставляющих государственные услуги, либо государственных служащих, для отношений, связанных с подачей и рассмотрением указанных жалоб, нормы ст. 11.1 (т. е. ключевые нормы всей главы 2.1 Закона № 210-ФЗ, поскольку ими регулируется предмет досудебного (внесудебного) обжалования или, иначе говоря, «случаи») этого закона не применяются.

Применительно к государственной регистрации юридического лица (оказанию услуги по государственной регистрации юридического лица) норма ч. 3.1 ст. 11.2 Закона № 210-ФЗ была «спящей» до 2014 г., когда был принят Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей”»¹, которым Закон № 129-ФЗ был дополнен специальной главой VIII.1, предусматривающей возможность (в качестве альтернативы) обжалования решения о государственной регистрации в вышестоящий регистрирующий орган (или в суд) и обязательность предварительного досудебного обжалования решения об отказе в государственной регистрации перед обращением в суд.

Интересно, что новое регулирование никак не было связано с уже действовавшим на тот момент регулированием досудебного (внесудебного) порядка обжалования действий (решений) и бездействия государственных органов, оказывающих государственную услугу, и их

должностных лиц²; не прослеживается такой связи ни в документах политико-правового характера³, ни в материалах законопроектной деятельности⁴. Имеется терминологическая разница – в Законе № 210-ФЗ говорится о «досудебном (вне-судебном) обжаловании», а в Законе № 129-ФЗ «о досудебном обжаловании»; имеется содержательная (и существенная) разница: Закон № 129-ФЗ касается обжалования только решений регистрирующего органа, и только двух из них (о регистрации и об отказе в регистрации); он не распространяется на государственную регистрацию, осуществляемую в специальном порядке; это регулирование не касается действий должностных лиц регистрирующего органа, а также иных решений и действий регистрирующего

² Отметим, что не имело оно и связи с положениями ст. 51 ГК РФ, которая никакого досудебного обжалования не регулировала и регулирует в настоящее время.

³ Этот закон был принят в развитие Плана мероприятий («дорожная карта») «Оптимизация процедур регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», утвержденного распоряжением Правительства РФ от 7 марта 2013 г. № 317-р (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 11, ст. 1148), которым предусматривалось введение обязательного досудебного обжалования решения регистрирующего органа об отказе в государственной регистрации.

⁴ Пояснительная записка к соответствующему законопроекту (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/521444-6>) указывала в качестве обоснования нового регулирования, что Закон № 129-ФЗ не регулирует порядок, сроки и процедуру рассмотрения жалоб заинтересованных лиц на решения о государственной регистрации и решения об отказе в государственной регистрации, а Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не учитывает особенности правоотношений, возникающих при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

¹ Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. I, ст. 4242.

органа; это регулирование не распространяется (хотя и нет запрета) на обжалование бездействия.

Все эти соображения не носят теоретический характер в возникшей в результате вступления в силу Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 241-ФЗ неопределенности в части применения / неприменения к случаям оказания услуг по государственной регистрации юридического лица (кроме государственной регистрации некоммерческих организаций) положений ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ. Так, если исходить из того, что Закон № 129-ФЗ с 2014 г. определяет порядок подачи и рассмотрения жалоб, о котором указывает ч. 3 ст. 11.2 Закона № 210-ФЗ, *то к регистрации юридических лиц, осуществляемой в обычном порядке, положения ст. 11.1 неприменимы.*

Такой вывод будет иметь весьма серьезные правовые последствия: как уже было отмечено выше, ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ регулирует «случаи», когда заявитель может обратиться с жалобой – в текущей редакции этой статьи таких насчитывается 10¹ (см. табл. 1).

Если же исходить из того, что буквально ч. 3 ст. 11.2 Закона № 210-ФЗ указывает на установление специального порядка (процедуры) подачи и рассмотрения жалоб в досудебном (внесудебном) порядке на решения и действия (бездействие) органов, предоставляющих государственные услуги, и их должностных лиц, а Закон № 129-ФЗ предоставление государственных услуг не регулирует (не его предмет регулирования), то это исключение не касается случая досудебного обжалования, установленного главой

VIII.1 Закона № 129-ФЗ. При таком толковании у заявителей сохраняется возможность использовать и механизмы досудебного (внесудебного) обжалования в рамках Закона № 210-ФЗ, и механизмы досудебного обжалования в рамках главы VIII.1 Закона № 129-ФЗ, с пониманием того, что оба закона, а также имеющиеся административные регламенты между собой никак не корреспондируют.

Обратим внимание, что нормы действующих административных регламентов выбору между двумя предложенными вариантами толкования не помогают – положения ни одного из таких регламентов *не содержат указания на «случаи»*; при этом Административный регламент предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по государственной регистрации юридических лиц, физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств, утвержденный приказом ФНС России от 13 января 2020 г. № ММВ-7-14/12@ (п. 146) при указании перечня нормативных актов, регулирующих порядок досудебного (внесудебного) обжалования прямо указывает на Закон № 210-ФЗ, а вот Административный регламент Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций, утвержденный приказом Минюста России от 26 сентября 2022 г. № 199, ограничился минимальным регулированием вопроса о досудебном (внесудебном) обжаловании, по сути указывая лишь на то, что соответствующий порядок должен быть размещен на официальном сайте государственного органа в сети «Интернет».

¹ Отметим также, что в настоящее время 10 указанных в ст. 11.1 Закона № 210-ФЗ «случаев» охватывают не только обжалование решений (действий) государственных органов и их должностных лиц, но и решений (действий) МФЦ и его работников (см. продолжение статьи).

При анализе Закона № 210-ФЗ следует обратить внимание и на его ст. 11.4¹, которая носит название «Особенности досудебного обжалования в отдельных сферах предоставления государственных услуг». Во-первых, ее название даже в части терминологии контрастирует с иными нормами этого закона – если в них говорится о «досудебном (внесудебном) обжаловании», то эта статья говорит о «досудебном обжаловании». Во-вторых, эта статья как раз могла бы стать «местом» сосредоточения специальных норм, включая отсылочные (к тому же Закону № 129-ФЗ), однако таковым «местом» она не стала – в ней установлены особенности обжалования принятых в ходе предоставления государственных услуг решений и осуществленных действий (бездействия) органов или их должностных лиц, предоставляющих государственные услуги по лицензированию отдельных видов деятельности, установленных Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»². В-третьих, появление нормы с таким названием явно требует корреспонденции с положением ч. 3 ст. 11.2 Закона № 210-ФЗ, чего нет в настоящее время.

Возникает вопрос и в части регулирования процедуры обжалования. Эту процедуру подробно регулирует непосредственно Закон о государственных и муниципальных услугах; кроме него

также имеется и весьма подробное подзаконное регулирование, представленное Постановлением Правительства РФ от 16 августа 2012 г. № 840 «О порядке подачи и рассмотрения жалоб на решения и действия (бездействие) федеральных органов исполнительной власти и их должностных лиц, федеральных государственных служащих, должностных лиц государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, государственных корпораций, наделенных в соответствии с федеральными законами полномочиями по предоставлению государственных услуг в установленной сфере деятельности, и их должностных лиц, организаций, предусмотренных частью 1.1 статьи 16 Федерального закона "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг", и их работников, а также многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг и их работников»³ и, частично, постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2012 г. № 1198 «О федеральной государственной информационной системе, обеспечивающей процесс досудебного (внесудебного) обжалования решений и действий (бездействия), совершенных при предоставлении государственных и муниципальных услуг»⁴. Обсуждение целесообразности такой структуры регулирования не является предметом настоящей работы, хотя о ней скорее можно высказаться отрицательно, однако важно заметить, что Закон о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей содержит свою собственную процедуру, в рамках которой и осуществляется рассмотрение жалоб.

Продолжение следует

¹ Появилась после принятия Федерального закона от 25 декабря 2023 г. № 675-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" и Федеральный закон "О лицензировании отдельных видов деятельности"» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 1, ч. I, ст. 56).

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19, ст. 2716.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 35, ст. 4829.

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 48, ст. 6706.

Список литературы

1. Габов А. В. Эволюция регистрационной системы создания юридических лиц в России: основные этапы и тенденции // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161, кн. 4. С. 77–126.
2. Черешнева И. А. Управляющая компания территорий с особым режимом осуществления предпринимательской деятельности и проблема юридического лица публичного права // Законодательство. 2019. № 6. С. 35–42.
3. Банников Р. Ю. Досудебный порядок урегулирования споров. М.: Инфотропик, 2012. 240 с.
4. Досудебное регулирование налоговых споров: налоговые споры в суде / под ред. Д. М. Мошковой, А. А. Соловьева. М.: Проспект, 2023. 176 с.
5. Украинцев С. В. Специальное административное обжалование в системе механизмов защиты прав граждан // Административное право и процесс. 2023. № 12. С. 69–72.
6. Панова И. В. Административный порядок рассмотрения дел // Вестник Саратовский государственный юридической академии. 2013. № 6(95). С. 19–23.
7. Досудебное урегулирование споров в публичном праве / С. М. Зырянов, Е. А. Лебедева, Е. И. Спектор, М. А. Гармаева // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 21–33.
8. Лифанов Д. М. Некоторые проблемы обжалования актов органов публичной власти: теория и судебная практика // Российский юридический журнал. 2023. № 2. С. 102–115.
9. Мурашова Е. И. Проблемы доказывания в рамках досудебного (внесудебного) обжалования // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 50–56.
10. Мокеев М. М. Становление института досудебного обжалования в процессе получения государственных и муниципальных услуг // Вестник Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина. 2017. № 6. С. 17–24.
11. Трофимова И. А. Особенности административно-правовой защиты прав и законных интересов заявителей в сфере предоставления государственных услуг // Административное право и процесс. 2023. № 1. С. 52–59.
12. Буряга В. О. Административная регламентация управленческих процедур // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 133–139.
13. Буряга В. О. Административные регламенты: некоторые проблемы применения // Юридический мир. 2013. № 10. С. 35–39.
14. Ломакина В. Ф. Развитие института административных процедур (на примере формирования нормативной правовой базы административных регламентов федеральных органов исполнительной власти) // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 5(57). С. 93–101.
15. Зуева Н. Л. Проблемы применения и пути совершенствования административных регламентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 3. С. 152–160.

Reference

1. Gabov A.V. The evolution of the registration system for the creation of legal entities in Russia: the main stages and trends. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*.

tarnye nauki = *Scientific notes of Kazan University. The Humanities Series*. 2019;161(4):77–126. (In Russ.)

2. Cheresheva I.A. The management company of territories with a special regime of entrepreneurial activity and the problem of a legal entity of public law. *Zakonodatel'stvo* = *Legislation*. 2019;(6):35–42. (In Russ.)

3. Bannikov R.Yu. Pre-trial dispute settlement procedure. Moscow: Infotropik; 2012. 240 p. (In Russ.)

4. Moshkovoi D.M., Solov'eva A.A. (eds.) Pre-trial settlement of tax disputes: tax disputes in court. Moscow: Prospekt; 2023. 176 p. (In Russ.)

5. Ukraintsev S.V. Special administrative appeal in the system of mechanisms for the protection of citizens' rights. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative law and process*. 2023;(12):69–72. (In Russ.)

6. Panova I.V. Administrative procedure for consideration of cases. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* = *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2013;(6):19–23. (In Russ.)

7. Zyryanov S.M., Lebedeva E.A., Spektor E.I., Garmaeva M.A. Pre-trial settlement of disputes in public law. *Zhurnal rossiiskogo prava* = *Journal of Russian Law*. 2011;(11):21–33. (In Russ.)

8. Lifanov D.M. Some problems of appealing acts of public authorities: theory and judicial practice. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* = *Russian Law Journal*. 2023;(2):102–115. (In Russ.)

9. Murashova E I. Problems of proof in the framework of pre-trial (out-of-court) appeal. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* = *Current problems of Russian law*. 2016;(7):50–56. (In Russ.)

10. Mokeev M.M. The formation of the institute of pre-trial appeal in the process of obtaining state and municipal services. *Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby im. P. A. Stolypina* = *Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration named after P. A. Stolypin*. 2017;(6):17–24. (In Russ.)

11. Trofimova I.A. Features of administrative and legal protection of the rights and legitimate interests of applicants in the provision of public services. *Administrativnoe pravo i protsess* = *Administrative law and process*. 2023;(1):52–59. (In Russ.)

12. Buryaga V.O. Administrative regulation of management procedures. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* = *Actual problems of Russian law*. 2009;(1):133–139. (In Russ.)

13. Buryaga V.O. Administrative regulations: some problems of application. *Yuridicheskii mir* = *Legal World*. 2013;(10):35–39. (In Russ.)

14. Lomakina V.F. The development of the Institute of administrative procedures (on the example of the formation of the regulatory legal framework of administrative regulations of federal executive authorities). *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* = *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2016;(5):93–101. (In Russ.)

15. Zueva N.L. Problems of application and ways to improve administrative regulations. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* = *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*. 2018;(3):152–160. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Габов Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, и.о. заведующего сектора гражданского и предпринимательского права, главный научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: gabov@igpran.ru
ORCID: 0000-0003-3661-9174

Andrey V. Gabov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Juridical), Acting Head of the Civil and Business Law Sector, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
e-mail: gabov@igpran.ru,
ORCID: 0000-0003-3661-9174

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.237, 347.7

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-41-50>

Можно ли ставить вопрос об ответственности суда?

П. М. Филиппов^{1,2} ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

²Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
ул. Историческая, д. 130, г. Волгоград 400075, Российская Федерация

✉ e-mail: civillaw34@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Тематика ответственности суда за неправосудные решения была и остается одной из актуальных. Начиная со времен римского права, в котором была установлена ответственность судьи за небрежное выполнение своих обязанностей перед сторонами, этот вопрос содержит в себе большое количество составляющих, требующих своего осмысления. Автор рассуждает о необходимости появления социальной ответственности судей, необходимости закрепления в отношении их деятельности при рассмотрении и разрешении споров принципа добросовестности.

Цель состоит в установлении смысла и содержания ответственности суда в рамках гражданского судопроизводства.

Задачи исследования: определить социальные предпосылки ответственности судов; выявить значение добросовестности судьи для определения его ответственности; критически осмыслить аксиому «*Jura novit curia*» в контексте исследуемой темы.

Методология. В основу проведения исследования положен всеобщий диалектический метод научного познания, статья выполнена на основе методов анализа, дедукции, описания, обобщения, формально-юридического.

Результаты. Представленные в настоящем исследовании результаты являются авторским видением проблемы ответственности судов. Автор декларирует, что наличие социальной ответственности предполагает обязанность любого человека, а судья в первую очередь должен предвидеть неблагоприятные последствия своего поведения. В отсутствие упоминания о добросовестности поведения судей в процессуальных кодексах вопрос о непрерываемом авторитете судебной системы пока остается неразрешённым.

Вывод. В статье формулируется авторский вывод, порожденный многолетними исследованиями, о необходимости коренной трансформации института ответственности судов за неправосудные решения вне рамок процессуального обжалования, установленного законодательством.

Ключевые слова: суд; судебная власть; ответственность за вред; незаконные действия; возмещение вреда; добросовестность судей.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Филиппов П. М. Можно ли ставить вопрос об ответственности суда? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 41–50. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-41-50>

Поступила в редакцию 25.06.2024

Принята к публикации 28.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Is it possible to raise the question of the responsibility of the court?

Pyotr M. Filippov^{1,2} ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
130 Istoricheskaya Str., Volgograd 400075, Russian Federation

✉ e-mail: civillaw34@yandex.ru

Abstract

Relevance. Responsibility of the court for unlawful decisions has always been a matter of key concern. Since the times of Roman law which established the responsibility of judges for negligent performance of their duties to the parties, this issue with its diversified constituents has demanded to be thought over. The author reasons upon the need to establish social responsibility of judges, as well as the need to consolidate the principle of good faith in relation to their activities in the consideration and resolution of disputes.

The purpose of the research is to establish the meaning and content of the court responsibility in the framework of civil proceedings.

The research objectives are to determine social prerequisites needed to determine the responsibility of courts; to identify the importance of judges' fair practices in determining their responsibility; and to critically comprehend the axiom "Jura novit curia" in the context of the topic under study.

Methodology. The research is based on the universal dialectical method of scientific cognition with applying analysis, deduction, description, generalization and formal legal methods.

The research resulted in the developed author's vision of the responsibility of courts. The author declares that the existence of social responsibility makes any person liable, so a judge must first of all foresee adverse consequences of his/her behavior. As the issue of good faith in terms of the judge's conduct is not declared in procedural codes, the matter of the indisputable authority of the judicial system remains unresolved.

Conclusion. The paper frames the author's conclusion generated by many years of research about the need for a radical transformation of the institution of responsibility of courts for unlawful decisions beyond the framework of procedural appeal that is established by law.

Keywords: court; judicial authority; liability for harm; illegal actions; compensation for harm; fair practices of judges.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Filippov P.M. Is it possible to raise the question of the responsibility of the court? *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(4):41–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-41-50>

Received 25.06.2024

Accepted 28.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

В юридической литературе такой вопрос не ставится. Этот вопрос не политический. Согласно Конституции РФ (ст. 18, 46), решения органов законодательной и исполнительной власти, если они не соответствуют действующему в стране законодательству, можно обжа-

вать в суд, тем самым установлен судебный контроль за двумя другими ветвями власти. Это общепризнано. А как поступать, если решения органов судебной власти не соответствуют действующему законодательству? Процессуальные кодексы Российской Федерации установили только один путь – обжалование решений

нижестоящих судов в вышестоящие инстанции, вплоть до Президиума Верховного Суда Российской Федерации. В то же время если судья Верховного Суда Российской Федерации не найдет оснований для пересмотра принятых решений по конкретному делу, то незаконные и необоснованные судебные акты остаются в силе и обжалованию не подлежат. Существующий конституционный порядок обжалования не предусматривает возможности пересмотра конкретных судебных дел Конституционным Судом Российской Федерации, он может лишь признать практику судов не соответствующей закону или принципам справедливости в целом. Но такое правомочие есть и у Верховного Суда Российской Федерации. Можно ли считать прохождение одного конкретного дела по всем судебным инстанциям от мирового (районного) суда до Верховного Суда Российской Федерации судебной практикой или надо, чтобы однородные дела рассматривались одинаково многими судами разных субъектов страны? Пройти все судебные инстанции участникам процесса не просто сложно, а очень сложно и достаточно затратно. Надо принимать во внимание и такое понятие, как «защита чести мундира» при хождении участников процесса по инстанциям, которое преодолевать, надо признать, непросто.

В России был известный прецедент, когда Верховный Суд Российской Федерации признавал практику судов не соответствующей закону по делам о продаже квартир недобросовестными гражданами, которые в договоре не указывали наличие детей у продавца. Затем, через время, последние предъявляли иски в суде о признании такого договора купли-продажи квартиры недействительными в связи с ущемлением права детей продавцов на жилище. Суды по всей стране такие иски удовлетворяли, и на основании решения

суда добросовестных покупателей с детьми выселяли из жилого помещения. На одной из конференций автор выступал с критикой такой практики судов, но поддержки наши доводы не получили. Впоследствии же Верховный Суд Российской Федерации признал эту практику незаконной.

Методология

В основу проведения исследования положен всеобщий диалектический метод научного познания. Для получения авторских выводов использовались общенаучные методы анализа, описания, обобщения, дедукции. Использование системного метода привело к структурированному изложению материала, позволило сформулировать положения о совокупности особенностей ответственности судов за неправосудные решения вне рамок процессуального обжалования, установленного законодательством. Формально-юридический метод заключался в изучении положений отдельных нормативных правовых актов.

Результаты и их обсуждение

Проблематика ответственности суда в научной литературе поднимается, как правило, в двух направлениях: в рамках гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный незаконными действиями суда, представленная трудами А. Р. Пурше [1], С. В. Федосеевой [2], Г. А. Репьева [3], О. В. Вишнякова [4], поставившего вопрос в том числе и о личной ответственности судьи, И. И. Королева [5], В. П. Богданова и И. С. Богданова [6], Е. Н. Агибаловой [7]; и в рамках реализации права на осуществление судопроизводства в разумный срок (Ю. А. Крохина [8], Т. В. Тетерина [9], И. Н. Нуриев [10], С. В. Поляков [11], И. А. Юдкина [12], В. Казанцева [13], М. Е. Глазковой [14]). Второе направле-

ние не теряет своей актуальности вплоть до настоящего времени. В частности, о праве на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок пишут Л. Б. Лазаренко [15], О. К. Елагина [16], В. В. Момотова [17], а также цикл статей К. Н. Чернова [18; 19; 20].

Вместе с тем при обжаловании судебных решений и даже при отмене незаконных судебных актов почему-то никто не ставит вопрос об ответственности суда. Граждане в суд обращаются тогда, когда считают нарушенными свои права и законные интересы и ищут защиты в суде от неправомерных и недобросовестных действий других лиц, и этой защиты зачастую не могут добиться. Эти отношения носят явный социальный характер.

В самом широком смысле ответственность и понимается как социальная ответственность. С. С. Алексеев изложил понимание ответственности в философии как «отражающую особое социальное и моральное отношение личности к обществу (либо человечеству в целом), которое характеризуется исполнением своего нравственного долга и правовых норм» [21, с. 15]. Мы не будем излагать взгляды древних философов и других учёных, которые писали об ответственности личности и её долгом перед обществом. С. С. Алексеев, на наш взгляд, достаточно верно подчеркнул, что ответственность есть отношение к исполнению своего нравственного долга и правовых норм. Это вполне соответствует современному, цивилизованному обществу, имеющему в целом высокий уровень образованности и развитую правовую систему. И судебную власть осуществляют не механизмы, машины, созданные на основе искусственного интеллекта, а живые люди, обладающие специальными знаниями и высоким нравственным долгом перед обществом. И если судьи не следуют правовым предписаниям и, соответственно, не

исполняют нравственный долг перед обществом, т. е. не защищают право человека, гражданина, то социальная ответственность суда должна быть признана.

Первая подобная ответственность уже появлялась в Гражданском процессуальном кодексе – ответственность за «волокиту» – нарушение сроков по рассмотрению и разрешению судебных дел (гл. 22-1 ГПК РФ «Производство по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок», утратившая силу в 2015 г.). В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации подобная глава 27-1 действует по сей день.

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» очень жёстко указал, что нарушение процессуальных норм препятствует быстрому разрешению дела и скорому восстановлению нарушенных прав, а также умаляет честь и достоинство судей и снижает авторитет судебной власти¹.

Несоблюдение сроков рассмотрения судебных дел является одновременно нарушением ст. 2 ГПК РФ, которая требует от суда правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел в целях защиты нарушенных

¹ О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. № 52: [ред. от 09.02.2012] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62424/ (дата обращения: 20.05.2024).

или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Подобным образом сформулированы задачи и в ст. 2 АПК РФ, ст. 3 КАС РФ и в ст. 6, 6-1 УПК РФ.

Наличие социальной ответственности предполагает обязанность любого человека, а судьи в первую очередь предвидеть неблагоприятные последствия своего поведения. Юридическая ответственность является одним из видов социальной ответственности, наряду с экономической и политической. Президент России Владимир Владимирович Путин неоднократно говорил на съездах судей о том, что авторитет суда падает. Также следует упомянуть и о том, что увеличивается число уголовных дел, возбуждаемых Следственным комитетом РФ против судей, совершающих правонарушения при осуществлении правосудия.

Если Верховный Суд Российской Федерации отрицательно оценивает практику судов, нарушающих правовые нормы о сроках, то также надо оценивать и практику судов, нарушающих нормы права о свободах пользования своими правами, провозглашённых в Конституции Российской Федерации и в других законах. Судебная статистика свидетельствует о том, что количество апелляционных и кассационных жалоб не уменьшается, а, наоборот, растёт. Это подтверждает слова Президента Российской Федерации о падении авторитета судов в России. Что означает рост количества подаваемых жалоб на судебные акты? Это может означать, что граждане-участники судебного процесса начинают спор, борьбу с судом, который не смог убедить лиц, участвующих в деле, в

справедливости, обоснованности и законности своего решения. Получается, что после вынесения решения судом первой инстанции и подачи апелляционных, кассационных жалоб и пересмотра дела в порядке надзора участникам процесса противостоит вся судебная система.

Процессуальное законодательство возлагает на суд обязанность мотивировать свои выводы по всем спорным моментам между сторонами конфликта, а суды часто в своих актах эту обязанность не исполняют. Так, ст. 1 ГК РФ говорит о том, что участники гражданских правоотношений при исполнении гражданских обязанностей должны действовать добросовестно и никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения. Недобросовестность приравнена к незаконности. Это положение закона требует от суда проверки не только факта нарушения закона, но и факта недобросовестного поведения участников по судебному делу.

В отношении добросовестности поведения судей в процессуальных кодексах почти ничего не говорится. Только в Гражданском процессуальном кодексе (ст. 198) предусмотрена обязанность суда в мотивировочной части решения делать выводы суда, вытекающие из установленных им обстоятельств дела, доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения, мотивы по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле; законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. Эта формулировка введена в Гражданский

процессуальный кодекс Российской Федерации в 2018 г., и эту обязанность судьи просто игнорируют и не мотивируют свои выводы в текстах решений, или пример, когда есть основания для применения ст. 134 ГПК РФ, суд, несмотря на заявление лица, участвующего в деле, что по такому требованию по тем же основаниям уже есть вступившее в законную силу решение, принимают заявление и выносят решение, противоположное ранее вынесенному решению между теми же лицами. Такие действия судей следует считать, как представляется, существенным нарушением норм процессуального права. Существенными нарушениями норм материального права следует считать такие, которые закреплены в Конституции РФ и в других кодексах. Например, ст. 35 и 36 Конституции РФ и ст. 209 ГК РФ, говоря о праве собственности на имущество, одновременно указывают на правомочия собственника по свободному владению, пользованию и распоряжению своим имуществом, а суды не признают правомочия собственника на свободное пользование своим имуществом и требуют от собственника предоставления какого-то разрешения. Апелляционные и кассационные суды оставляют такие решения в силе. Иногда суды принимают решения об удовлетворении иска при наличии пропуска исковой давности без уважительных причин.

В подобных случаях, когда участникам судебных процессов не удаётся в порядке процессуального судопроизводства добиться справедливой защиты, на наш взгляд, можно использовать иной путь, предусмотренный Законом РФ от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон)¹.

¹ О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г.: [в ред. от 10.07.2023 : с изм. от 27.11.2023] // консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/ (дата обращения: 20.05.2024).

Когда этот закон был принят в 1992 г., то на судью нельзя было наложить никаких взысканий, чтобы он не совершил. Затем в Закон стали вносить изменения и подчёркивать, что судья обязан соблюдать все правила поведения, как обычный гражданин. До внесения изменений, если, например, судья нарушил правила дорожного движения, его нельзя было привлекать к ответственности. Последние изменения в этот закон были сделаны 27 ноября 2023 г. Так, ст. 12-1 «Дисциплинарная ответственность» устанавливает ответственность судей «за совершение виновного действия (за виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения настоящего закона и (или) кодекса судейской чести, ...что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса, на судью, за исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания; предупреждения; понижения в квалификационном классе; досрочного прекращения полномочий судьи». В п. 2 этой статьи разъясняется, что при наложении дисциплинарного взыскания надо учитывать характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форму вины, личность судьи, совершившего дисциплинарный проступок, и степень нарушения действиями (бездействием) судьи прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций. Не будем затрагивать иные обстоятельства, указанные в этом пункте ст. 12 Закона, но попробуем проанализировать обстоятель-

[tant.ru/document/cons_doc_LAW_648/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/) (дата обращения: 20.05.2024).

ство, связанное с формой вины в отношении действий судьи.

Есть правовая аксиома, что «суд знает законы» и никто против этой аксиомы не возражает. Трудно себе представить, что знающий законы судья по неосторожности нарушил права и свободы граждан и организаций. Участники судебного дела всегда чётко формулируют своё право и представляют доказательства обстоятельств, из которых вытекают, следуют их права и обязанности, судья, нарушая права и свободы, тем самым нарушает и законы, поэтому форма вины может быть только как прямой умысел. В противном случае не надо признавать аксиому, что «суд законы знает». Анализировать другие условия при наложении дисциплинированных взысканий объём статьи не позволяет: это сроки, оценка тяжести, существенности последствий т. д.

Дисциплинированные взыскания налагаются квалификационными коллегиями судей. Члены квалификационных коллегий судей назначаются так же, как назначаются судьи. Публичных обсуждений кандидатур в эти коллегии не проводится.

Об обязанностях и добросовестности судей в процессуальных кодексах нет упоминания, только в Кодексе судейской этики¹ указывается об этих требованиях. Статья 4 данного Кодекса говорит, что судья при исполнении своих обязанностей по осуществлению правосудия должен исходить из того, что судебная защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл и содержание деятельности органов судебной власти, а ст. 6

подчёркивает, что судья должен добросовестно пользоваться своими гражданскими правами и исполнять гражданские обязанности.

Выводы

Ответ на поставленный в названии настоящей статьи вопрос об ответственности суда влечет за собой коренную трансформацию всего института ответственности судов за неправосудные решения вне рамок процессуального обжалования, установленного законодательством. На основании многолетней практики исследования процессуальной деятельности судов полагаем, что назрела необходимость внесения изменений в закон о статусе судей по многим направлениям. Например, если квалификационная коллегия усмотрит наличие существенных нарушений норм процессуального права и норм материального права при рассмотрении конкретного дела, а вышестоящие инстанции все судебные акты по такому делу оставили в силе без изменений, то имеет ли право квалификационная коллегия вообще выносить какое-либо решение при наличии такого обстоятельства? Если же решение будет вынесено, то может ли оно быть признано достаточным основанием для пересмотра дела в порядке надзора? Представляется, что в апелляционных, кассационных и надзорных жалобах заявители вправе указывать на нарушения судьями Кодекса судейской этики наряду с нарушениями других прав и свобод. Судьи вышестоящих инстанций будут думать о том, что в будущем при подаче заявлений в квалификационные коллегии судей об их нарушениях прав и свобод граждан и организаций им придётся отвечать за свои действия (бездействие).

¹ Кодекс судейской этики : [утв. 8-м Всероссийским съездом судей 19 дек. 2012 г.: с изм. 08.12.2016 и 01.12.2022] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения: 20.05.2024).

Список литературы

1. Пурге А. Р. Правовая характеристика гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный правоохранительными и судебными органами // Административное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 19–25.
2. Федосеева С. В. Особенности гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный судебными органами // Налоги. 2009. № 13.
3. Репьев Г. А. Гражданско-правовое регулирование ответственности за вред, причиненный судебными органами (судьями) в сфере уголовного судопроизводства // Российский судья. 2007. № 3. С. 36–38.
4. Вишняков О. В. Возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями судебных органов: от личной ответственности судьи к ответственности государства // Российская юстиция. 2008. № 10. С. 51–54.
5. Королев И. И. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. М.: Статут, 2014. 136 с.
6. Богданов В. П., Богданова И. С. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями правоохранительных органов и судов: некоторые вопросы теории и практики // Адвокат. 2013. № 1. С. 24–36.
7. Агibalова Е. Н. Возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 9. С. 18–25.
8. Крохина Ю. А. Финансово-правовые механизмы защиты права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок // Законодательство. 2011. № 4. URL: <https://base.garant.ru/59694835/> (дата обращения: 04.06.2024).
9. Тетерина Т. В. Право на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок // Гражданин и право. 2013. № 5. С. 52–57.
10. Нуриев И. Н. Моральный и имущественный вред как следствие нарушения разумного срока предварительного расследования // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 3. С. 124–129.
11. Поляков С. Б. Предмет доказывания по делам о разумности срока судопроизводства // Российский юридический журнал. 2018. № 2(119). С. 116–129.
12. Юдкина И. А. Правовая природа компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 119–126.
13. Казанцев В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный действиями судьи // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 11–13.
14. Глазкова М. Е. Компенсация за нарушение разумного срока в арбитражном процессе: цели внедрения и проблемы правоприменения // Адвокат. 2010. № 9. URL: <https://base.garant.ru/55010854/> (дата обращения: 04.06.2024).
15. Лазаренко Л. Б., Моцная Ю. Н. Компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок в арбитражном процессе: проблемные аспекты действующего законодательства и пути их преодоления // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 6. С. 24–28.
16. Елагина О. К. Практика рассмотрения Арбитражным судом Северо-Западного округа дел, связанных с применением Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Арбитражные споры. 2021. № 4 (96). URL: <https://arbspor.ru/articles/1197/> (дата обращения: 04.06.2024).

17. Момотов В. В. Право на судопроизводство в разумный срок и компенсация за его нарушение как форма социальной ответственности государства // Журнал российского права. 2024. № 6. С. 100–109.

18. Чернов К. Н. Основания и условия присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство или права на исполнение судебного акта в разумный срок: актуальные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 10. С. 24–27.

19. Чернов К. Н. Некоторые правовые позиции высших судебных инстанций по вопросу компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 32–35.

20. Чернов К. Н. Компенсация как средство возмещения вреда за нарушение права на судопроизводство в разумные сроки // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 7. С. 28–29.

21. Алексеев С. С. Право, азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 709 с.

References

1. Purge A.R. Legal characteristics of civil liability for harm caused by law enforcement and judicial authorities. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*. 2017;(8):19–25. (In Russ.)

2. Fedoseeva S.V. Features of civil liability for damage caused by judicial authorities. *Nalogi = Taxes*. 2009;(13). (In Russ.)

3. Rep'ev G.A. Civil law regulation of liability for harm caused by judicial authorities (judges) in the field of criminal proceedings. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2007;(3):36–38. (In Russ.)

4. Vishnyakov O.V. Compensation for damage caused by unlawful actions of judicial authorities: from the personal responsibility of a judge to the responsibility of the State. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*. 2008;(10):51–54. (In Russ.)

5. Korolev I.I. Civil liability for damage caused by illegal actions of the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office and court. Moscow: Statut; 2014. 136 p. (In Russ.)

6. Bogdanov V.P., Bogdanova I.S. Compensation for harm caused by illegal actions of law enforcement agencies and courts: some questions of theory and practice. *Advokat = Lawyer*. 2013;(1):24–36. (In Russ.)

7. Agibalova E.N. Compensation by the state for harm caused by illegal actions (or inaction) of a court (judge). *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2020;(9):18–25. (In Russ.)

8. Krokhina Yu.A. Financial and legal mechanisms for protecting the right to legal proceedings within a reasonable time and the right to execute a judicial act within a reasonable time. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2011;(4). (In Russ.) Available at: <https://base.garant.ru/59694835/> (accessed 04.06.2024).

9. Teterina T.V. The right to judicial proceedings and the execution of a judicial act within a reasonable time. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2013;(5):52–57. (In Russ.)

10. Nuriev I.N. The subject of evidence in cases on the reasonableness of the duration of the proceedings. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Russian Law Journal*. 2017;14(3):124–129. (In Russ.)

11. Polyakov S.B. The subject of evidence in cases on the reasonableness of the duration of the proceedings. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*. 2018;(2):116–129. (In Russ.)

12. Yudkina I.A. The legal nature of compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2012;(5):119–126. (In Russ.)
13. Kazantsev V. Civil liability for damage caused by the actions of a judge. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian justice*. 2002;(2):11–13. (In Russ.)
14. Glazkova M.E. Compensation for violation of a reasonable time in the arbitration process: the goals of implementation and problems of law enforcement. *Advokat = Lawyer*. 2010;(9). (In Russ.) Available at: <https://base.garant.ru/55010854/> (accessed 04.06.2024).
15. Lazarenko L.B., Motsnaya Yu.N. Compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time in the arbitration process: problematic aspects of current legislation and ways to overcome them. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*. 2024;(6):24–28. (In Russ.)
16. Elagina O.K. The practice of consideration by the Arbitration Court of the North-Western District of cases related to the application of the Federal Law "On Compensation for Violation of the Right to Judicial Proceedings within a Reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time". *Arbitrazhnye spory = Arbitration disputes*. 2021;(4). Available at: <https://arbspor.ru/articles/1197/> (accessed 04.06.2024).
17. Momotov V.V. The right to legal proceedings within a reasonable time and compensation for its violation as a form of social responsibility of the state. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2024;(6):100–109. (In Russ.)
18. Chernov K.N. Grounds and conditions for awarding compensation for violation of the right to judicial proceedings or the right to execute a judicial act within a reasonable time: topical issues. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil procedure*. 2023;(10):24–27. (In Russ.)
19. Chernov K.N. Some legal positions of higher courts on the issue of compensation for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*. 2020;(9):32–35. (In Russ.)
20. Chernov K.N. Compensation as a means of compensation for damage for violation of the right to legal proceedings within a reasonable time. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil procedure*. 2021;(7):28–29. (In Russ.)
21. Alekseev S.S. Law, ABC, theory, philosophy. Comprehensive research experience. Moscow: Statut; 1999. 709 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Филиппов Петр Мартынович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, ведущий научный сотрудник НОЦ «Цивилист» кафедры гражданского права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация; профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация, e-mail: civillaw34@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5439-8382

Pyotr M. Filippov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Leading Researcher of the Scientific and Educational center "Civilist" of the Civil Law Department, Southwest State University, Kursk, Russian Federation; Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs Volgograd, Russian Federation, e-mail: civillaw34@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5439-8382

Оригинальная статья / Original article

УДК 796-051:34(075.8)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-51-60>

Гражданско-правовые средства реализации государственной политики в сфере культуры

А. А. Мохов¹✉

¹Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)
ул. Азовская, д. 2/1, г. Москва 117638, Российская Федерация

✉e-mail: rpa@rpa-mjust.ru

Резюме

Актуальность. Совокупность внешних и внутренних угроз в области обеспечения ментальной (социокультурной) безопасности требует безотлагательных мер в части коррекции реализуемой государством политики в области культуры. Современные документы стратегического планирования в той или иной мере затрагивают проводимую культурную политику, обозначают ее дефекты. В этой связи все чаще звучат предложения по подготовке и принятию адекватного современным геополитическим и социокультурным реалиям Федерального закона «О культуре». Обеспечение ментальной безопасности, сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей наряду с мерами публичного характера требуют также повышенного внимания к гражданско-правовым средствам реализации государственной политики в сфере культуры.

Целью является разработка теоретических рекомендаций по совершенствованию законодательства, регулирующего организацию и проведение культурно-зрелищных и иных мероприятий в сфере культуры.

Задачи: установить влияние гражданско-правовых средств, направленных на обеспечение реализуемой государством политики в области культуры; определить примерный каталог, перечень средств, которые могут быть использованы законодателем при разработке и принятии Федерального закона «О культуре».

Методология. В процессе работы над исследованием использовались диалектико-материалистический метод, системный метод, метод анализа и синтеза, формально-юридический, а также сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования отражены в сформулированных предложениях, направленных на совершенствование законодательства о культуре посредством расширения возможной линейки гражданско-правовых средств, обеспечивающих согласованную государственную политику в сфере культуры.

Вывод. В ходе исследования было представлено обоснование необходимости внедрения в законодательство о культуре и практику организации соответствующего вида деятельности, проведения культурно-зрелищных и подобных им мероприятий таких гражданско-правовых средств, как: договоры, корпоративные и этические акты, а также отправных положений о гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: государственная политика; сфера культуры; гражданско-правовые средства; духовно-нравственные ценности.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Мохов А. А. Гражданско-правовые средства реализации государственной политики в сфере культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 51–60. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-51-60>

Поступила в редакцию 26.06.2024

Принята к публикации 31.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Civil law means of implementing state policy in the field of culture

Alexsander A. Mokhov¹ ✉

¹All-Russian State University of Justice

2/1 Azovskaya Str., Moscow 117638, Russian Federation

✉ e-mail: rpa@rpa-mjust.ru

Abstract

Relevance. The combination of external and internal threats in the field of mental (socio-cultural) security requires urgent measures in terms of correcting the state's cultural policy. Modern strategic planning documents in one way or another affect the ongoing cultural policy, identify its defects. In this regard, proposals are increasingly being made to prepare and adopt a Federal law "On Culture" that is adequate to modern geopolitical and socio-cultural realities. Ensuring mental security, preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values, along with public measures, also require increased attention to civil law means of implementing state policy in the field of culture.

The purpose is to develop theoretical recommendations for improving legislation governing the organization and holding of cultural, entertainment and other cultural events.

Objectives: to establish the influence of civil law means aimed at ensuring state policy in the field of culture; to determine an approximate catalog, a list of means that can be used by the legislator in the development and adoption of the Federal Law "On Culture".

Methodology. In the process of working on the study, the dialectical-materialistic method, the systematic method, the method of analysis and synthesis, formal legal, as well as comparative legal methods were used.

Results of the study are reflected in the formulated proposals aimed at improving the legislation on culture by expanding the possible range of civil law tools that ensure a coordinated state policy in the field of culture.

Conclusion. In the course of the study, a justification was presented for the need to introduce into the legislation on culture and the practice of organizing an appropriate type of activity, holding cultural and entertainment events and similar events such civil legal means as: contracts, corporate and ethical acts, as well as starting points on civil liability.

Keywords: state policy; field of culture; civil law means; spiritual and moral values.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Mokhov A.A. Civil law means of implementing state policy in the field of culture. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):51–60. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-51-60>

Received 26.06.2024

Accepted 31.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Наряду с ростом внешних угроз и рисков, обусловленных геополитическими и экономическими изменениями последних лет, сохраняются и внутренние угрозы. Способность граждан страны противостоять развязанной против России гибридной, в том числе ментальной, войны [1] во многом обусловлена состоянием напряженности коллективного ментального иммунитета [2]. На итоговый

результат в той или иной мере «работают» как государственные институты, так и общественные. Особо значимыми здесь являются семья, а также сферы образования и культуры.

Следует обратить внимание на Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹, которым

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента

культура в том или ином контексте упоминается семнадцать раз! Так, согласно п. 26 документа, защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти является одним из стратегических национальных приоритетов.

В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ прямо говорится о том, что государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в ряде областей, сфер, включая культуру.

Нельзя не упомянуть также Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»². Документ был принят с целью обеспечения продвижения и защиты традиционных для обеспечения продвижения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Он позволяет заметно нарастить количество специальных проектов (до 70% и более к 2030 году; 80% и более – к 2036 году).

Интерес общества и государства к сфере культуры, деятелям культуры, отдельным работникам культуры возрос в связи с началом специальной военной

операции. До ее начала проблемы в сфере культуры, включая проблемы ее законодательного регулирования, были уделом узкого круга экспертов [3]. Обсуждалось несколько законопроектов, затрагивавших частные вопросы предметной области [4]. Все они были по тем или иным причинам отклонены [5]. Главная из них – отсутствие конкретных правовых средств и механизмов, обеспечивающих достижение цели и задач в сфере культуры, а также ментальной (социокультурной) безопасности.

Свежий пример – внесенный весной 2024 года депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ Н. П. Бурляевым Проект федерального закона № 622588-8 «О внесении изменения в Закон Российской Федерации "Основы законодательства Российской Федерации о культуре"»³. В пояснительной записке депутат предлагает скорректировать задачи законодательства о культуре, сформулировать их в соответствии с документами стратегического планирования. Данная инициатива представляет несомненный интерес, но из представленного текста не ясно, каким образом будут достигаться предложенные для закрепления в законе задачи.

На наш взгляд, время декларативных и рамочных федеральных законов, не подкрепленных рабочими правовыми средствами и механизмами как публично-правового, так и частноправового характера, прошло.

Достижение цели и задач отраслевого законодательства предполагает активное применение законодателем широкой линейки известных правовых средств. В этой связи будущий Федеральный закон «О культуре» [6] должен в своем соста-

РФ от 2 июля 2021 г. N 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. N 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20, ст. 2584.

³ Проект федерального закона N 622588-8 «О внесении изменения в Закон Российской Федерации "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" // Система обеспечения законодательной деятельности. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/622588-8> (дата обращения: 21.05.2024).

ве наряду с публично-правовыми также в обязательном порядке содержать и гражданско-правовые средства.

Методология

Диалектико-материалистический метод научного познания, применённый в ходе настоящего исследования, позволил рассмотреть правовые и организационные проблемы, возникшие в сфере отечественной культуры в единстве с другими правовыми явлениями, характерными для российского права и правоприменения.

Также в процессе исследования применялись методы анализа и синтеза нормативных правовых актов, теоретических и правоприменительных источников. Данные методы позволили установить, каким образом регулируется деятельность сферы культуры, применяемые к организациям культуры и работникам культуры требования.

Формально-юридический метод использовался для осмысления содержания нормативных правовых актов, регулирующих отношения в области культуры по критически значимым для общества и государства направлениям.

Сравнительно-правовой метод позволил изучить имеющиеся гражданско-правовые средства, направленные на решение задач законодательства о культуре в сопредельных странах, имеющих как общие исторические корни, так и некоторые законодательные решения [7].

Результаты и их обсуждение

Понятие «гражданско-правовые средства» довольно часто используется в специальной юридической литературе. Наполнение его содержания может иметь незначительные, на наш взгляд, отличия.

Так, по мнению К. В. Шундикова, под правовыми средствами следует понимать правовые установления, инструменты, с помощью которых достигаются социально полезные цели [8]. Н. А. Баринов и Ю. Х. Калмыков полагали, что это юридические возможности, заложенные в

нормах гражданского законодательства [9, с. 50–53]. Е. В. Вавилин акцентирует внимание на значении правовых средств в механизме защиты прав, юридическом и фактическом восстановлении нарушенных прав, а также пресечении нарушений прав [10].

В литературе имеются и иные, близкие к изложенным выше подходы [11]. Полагаем, что к таковым следует относить установленные гражданским законодательством инструменты, применяемые субъектами гражданских правоотношений с целью достижения желаемого результата, а также предупреждения нарушений их прав и охраняемых законом интересов.

Выделяемый каталог (перечень) гражданско-правовых средств также может различаться (в зависимости от аргументации, научной школы и др.). К не вызывающим серьезных дискуссий гражданско-правовым средствам могут быть отнесены: договоры; акты группы, сообщества (корпоративные, этические); меры имущественной ответственности [12].

Договоры широко используются субъектами гражданского оборота в качестве средства достижения ими определённых задач. При этом они могут выступать в качестве способа охраны как интересов самих сторон возникающих правоотношений, так и третьих лиц (например, потребителей услуг [13]), а также общественных и государственных интересов.

Культурно-зрелищные услуги и иные услуги в сфере культуры, шире – договоры в сфере культуры, иногда становятся предметом научных исследований, однако их описание исключительно к парадигме частных интересов не привносит ничего нового в доктрину о них. Отдельные проблемы чаще всего не решаются либо решаются применительно к конкретным обязательствам [14]. Как пишут М. В. Севостьянов и С. А. Шаронов, «отсутствие должного законодательного регулирования, наличие пробелов

приводит к противоречивости правоприменительной практики, позволяет субъектам рассматриваемого вида услуг по-своему формировать и толковать условия договорных обязательств, что не всегда способствует эффективной защите прав и интересов участников гражданского оборота» [15].

Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»¹ (далее – Закон) говорит о межгосударственных соглашениях, а также трудовых договорах. Гражданско-правовой договор упоминается в отношении таких субъектов, как организации исполнительских искусств и музеев. Имеется в нем также положение о том, что организации культуры обладают исключительным правом использовать собственную символику, в том числе вправе разрешать ее использование другим юридическим и физическим лицам на договорной основе. Договор юридических и физических лиц с органами и организациями культуры упоминается и применительно к туристско-экскурсионной деятельности.

Недостаточное внимание законодателя к договору как гражданско-правовому средству в сфере культуры не позволяет эффективно защищать даже частные интересы, не говоря уже о публичных. В этой связи в литературе обоснованно критикуются как правовая культура общества, так и культура юридической техники [16].

В связи с изложенным для нас особый интерес представляет зарубежный опыт договорного регулирования различных групп отношений в сфере культуры, особенно в контексте реализации проводимой тем или иным государством поли-

тики в соответствующей области (от «острой силы» до «мягкой силы» [17]).

Так, ч. 3 ст. 16 Кодекса Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З к формам сотрудничества в сфере культуры государственных органов с коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями отнесены следующие соглашения: о государственно-частном партнерстве; концессионный договор; инвестиционный договор; договор социально-творческого заказа. Как следует из наименования договоров (соглашений), а также их сущности, они направлены на решение общегосударственных, общественных задач, охрану публичных интересов.

Обстоятельный анализ проведенной в Беларуси кодификации законодательства о культуре, а также включенных в него новаций позволил решить большинство задач, стоявших перед государством и его разработчиками [18]. В настоящее время обсуждаются вопросы противодействия деструктивному информационному воздействию на несовершеннолетних. Основная проблема – отсутствие единой политики в области обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних [19].

Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 г. № 207-III «О культуре» в действующей на сегодняшний день редакции содержит ст. 9-1 «Порядок организации проведения зрелищных культурно-массовых мероприятий». В ней фиксируется соответствие проводимых мероприятий санитарно-эпидемиологическим требованиям, требованиям пожарной безопасности, требованиям правил эксплуатации сооружений и мест проведения культурно-массовых мероприятий. Императивно закреплены обязанности организаторов такого рода мероприятий. Особо хотелось бы обратить внимание на обязанность не использовать контент, направленный на пропаганду или агитацию насильственного изменения конституционного строя, нарушения

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре: закон РФ от 9 окт. 1992 г. № 3612-I : [ред. от 10.07.2023 : с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 21.05.2024).

целостности, подрыва безопасности государства, войны, социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства, культа жестокости и насилия, также противоречащий общепринятым нормам морали и нравственности.

Нельзя также не обратить внимание на обязанность организатора по обеспечению надлежащего поведения артистов при обращении со зрителями до проведения зрелищных культурно-массовых мероприятий и во время их проведения. При этом в п. 6 ч. 5 ст. 9-1 Закона содержится прямая отсылка к заключаемому организатором с артистом договору.

Корпоративные и подобные им организации и их акты в сфере культуры довольно распространены. Статьей 16 Закона РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» гражданам предоставлено право создавать ассоциации, творческие союзы, гильдии или иные культурные объединения в порядке, определяемом законодательством об общественных объединениях. Более того, в силу ст. 28 Закона Россия не только предоставляет соответствующее право гражданам, она содействует созданию и деятельности организаций творческих работников. При этом государство не вмешивается в их деятельность. Потому в России появилось множество союзов и подобных им организаций, объединенных для решения частных задач и иногда даже «под конкретное лицо».

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З (далее – Кодекс), творческие союзы, другие общественные объединения в сфере культуры не только названы в числе субъектов культурной деятельности, но также закреплён их статус. Согласно ст. 58 Кодекса, творческий союз объединяет в своих рядах граждан, которые внесли вклад в сохранение и развитие культуры. При этом перечень творческих союзов определяется Мини-

стерством культуры. Законом закреплены обязательные цели деятельности союза. Они должны быть указаны в уставе творческого союза. Элементы сорегулирования (государственного регулирования и саморегулирования (самоуправления)) пронизывают всю ткань Кодекса Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З. Тонкая настройка каркаса обеспечивается за счет сочетанного применения как публично-правовых, так и гражданско-правовых средств.

Следует также упомянуть ст. 15 Кодекса, посвященную вопросам взаимодействия в сфере культуры государственных органов с органами территориального общественного самоуправления, общественными объединениями и другими юридическими лицами. Частью 3 ст. 15 Закона определены полномочия общественных советов (комиссий) и других консультативных органов по вопросам культуры.

Нельзя не акцентировать внимание на ст. 42 Кодекса Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З. В Беларуси требуется подтверждение статуса творческого работника.

Согласно ст. 16 Закона Республики Казахстан от 15 декабря 2006 г. № 207-III «О культуре» в Казахстане также могут создаваться творческие союзы. Законодатель различает республиканские, региональные и местные творческие союзы. Членом творческого союза может быть творческий работник, отвечающий требованиям, установленным уставом творческого союза.

Одной из новелл является ст. 19-1, появившаяся в 2023 г. в Законе Республики Казахстан от 15 декабря 2006 г. № 207-III «О культуре». Теперь в Казахстане начали создаваться консультативно-совещательные органы – художественные советы (по музейно-библиотечному делу, театрально-цирковому искусству, музыкально-концертной деятельности). В зависимости от их уровня они должны заниматься выработкой предложений, направленных на создание

высокохудожественных произведений культуры и искусства либо предложений по совершенствованию деятельности государственных коммунальных театров, цирков, музеев, библиотек и концертной организации.

Следовательно, в России имеется нереализованный потенциал для сферы культуры в части ее корпоративного регулирования, саморегулирования, самоуправления.

Одним из возможных «мягких» регуляторов могут выступить этические нормы и правила [20], вырабатываемые профессиональным сообществом и им же обеспечиваемые. В настоящее время круг лиц, чья деятельность регламентируется не только нормами права, но и этическими, довольно широк: адвокаты, аудиторы, врачи, нотариусы и др. Несмотря на наличие различий в их правовом положении, оказываемых услугах, видах помощи в той или иной мере они являются представителями «свободных» профессий [21].

Завершая изложенное, несколько слов следует упомянуть о юридической ответственности. Об этической ответственности, в силу неразвитости этического обеспечения сферы культуры, говорить преждевременно. Гражданско-правовая ответственность может быть как договорной, при условии развития договорного регулирования сферы культуры, так и деликтной (по общему правилу).

Раздел X Закона РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», именуемый «Ответственность за нарушение законодательства о культуре», состоит из одной статьи, отсылающей нас в целом к российскому законодательству РФ (ГК РФ, ТК РФ, УК РФ, КоАП РФ). Такой прием широко известен как нашему законодателю, так и законодателям других стран. Аналогичные нормы мы наблюдаем и в Республике Беларусь, и в Республике Казахстан.

Выводы

Новый Федеральный закон «О культуре», работа над которым в связи с поставленными рядом документов стратегического планирования задачами начата, предполагает наряду с определением предметного поля документа, принципов и задач законодательства о культуре также фиксацию в нем эффективных средств и механизмов, позволяющих реализовывать государственную политику в сфере культуры, исходя из реальных и потенциальных вызовов и угроз для общества и государства.

Наряду с публично-правовыми средствами реализации государственной отраслевой политики для сферы культуры большую роль могут также сыграть гражданско-правовые средства. Среди них на первый план выходят гражданско-правовые договоры, характерные для сферы культуры (их примерный перечень еще предстоит определить и закрепить), а также корпоративные акты, регуляторы. Основные договоры, характерные для сферы культуры, должны в новом акте получить свое закрепление (предмет, существенные условия, стороны, ответственность и др.).

Принятие и внедрение корпоративных норм, базовых положений о профессии, порядке и условиях объединения представителей соответствующего «цеха» будет зависеть от избранной законодателем модели взаимодействия государства с организациями культуры, деятелями и работниками культуры, а также их объединениями.

Самостоятельный вопрос, нуждающийся в обстоятельном исследовании, – вопрос о гражданско-правовой ответственности (как по основным договорам, характерным для отрасли, так и возникающий в силу деликтов). Эта часть является наименее разработанной на доктринальном уровне. Однако и это правовое средство в перспективе может иметь успех, способствовать снижению числа правонарушений, совершаемых представителями творческих профессий.

Список литературы

1. Ильницкий А. М. Стратегия гегемона – стратегия войны // Военная мысль. 2023. № 6. С. 18–36.
2. Мохов А. А. Ментальная безопасность и ментальный иммунитет: организационно-правовой аспект // Современное право. 2023. № 2. С. 19–23.
3. Солдатов В. М. Законодательство о культуре как фундаментальная проблема духовно-национальной идентичности России XXI века // Представительная власть – XXI век: Законодательство, комментарии, проблемы. 2013. № 2-3. С. 22–25.
4. Понкин И. В. Новые проекты федеральных законов должны быть отклонены // Вопросы культурологии. 2019. № 10. С. 72–88.
5. Елизаров В. Г. Российское законодательство о культуре должно отвечать национальным интересам России // Журнал института наследия. 2021. № 4. С. 2–10.
6. Мохов А. А. Государственная политика в сфере культуры, направленная на обеспечение сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей: правовой взгляд // Современное право. 2024. № 6. С. 5–8.
7. Понкин И. В. Методология научных исследований и прикладной аналитики: в 2 т. Т. 2. М.: Буки Веди, 2023. 500 с.
8. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике / Саратовский филиал ИГП РАН. Саратов, 2003. 294 с.
9. Баринов Н. А., Калмыков Ю. Х. Правовые средства обеспечения имущественных потребностей граждан // Гражданское право и сфера обслуживания: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск: Изд-во Свердл. ин-та, 1984. С. 50–53.
10. Вавилин Е. В. Концептуальные вопросы осуществления и защиты гражданских прав // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 5. С. 116–122.
11. Валеев Д. Х., Челышев М. Ю. Гражданско-правовые средства в процессуальном механизме реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве // Исполнительное право. 2009. № 4. С. 12–16.
12. Лескова Ю. Г. Концептуальные и правовые основы саморегулирования предпринимательских отношений. М.: Статут, 2013. 384 с.
13. Богдан В. В. Теоретико-прикладные проблемы защиты прав потребителей в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2015. 248 с.
14. Веремий Н. И. Проблемы правового регулирования отношений при оказании культурно-зрелищных услуг // Экономика и право. XXI век. 2016. № 3. С. 67–69.
15. Севостьянов М. В., Шаронов С. А. Гражданско-правовое регулирование концертных услуг и охрана прав их участников: научно-практическое пособие // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sevostianov_mv_sharonov_sa_grazhdansko_pravovoe_regulirovanie_koncertnyh_uslug_ohrana_prav_uchastnikov/ (дата обращения: 22.05.2024).
16. Болдырев С. Н. Правовая культура общества и культура юридической техники // Философия права. 2011. № 1. С. 36–40.
17. Ван Ц., Нургалиев А. Р., Ибрагимов А. Р. Взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики посредством применения «мягкой силы» на рубеже XX и XXI веков // Вестник УГНТУ. Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика. 2022. № 3. С. 110–117.
18. Мартыненко И. Э. Кодекс о культуре – новый этап развития законодательства об охране объектов культурного наследия // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 4. С. 9–15.

19. Ключко Р. Н., Гуцко Е. Г. Правовые механизмы противодействия деструктивному информационному воздействию на несовершеннолетних // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4: Правоведение. 2022. № 3. С. 98–106.

20. Павлова О. В. Профессионально-этическая культура личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. № 2. С. 237–240.

21. Протанская Е. С. Профессиональная этика в контексте национальной культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 4. С. 14–21.

References

1. Initskii A.M. The strategy of the hegemon – the strategy of war. *Voennaya mysl' = Military thought*. 2023;(6):18–36. (In Russ.)

2. Mokhov A.A. Mental security and mental immunity: organizational and legal aspect. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2023;(2):19–23. (In Russ.)

3. Soldatov V.M. Legislation on culture as a fundamental problem of the spiritual and national identity of Russia of the XXI century. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: Zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy = Representative government – the XXI century: Legislation, comments, problems*. 2013;(2-3):22–25. (In Russ.)

4. Ponkin I.V. New draft federal laws should be rejected. *Voprosy kul'turologii = Questions of cultural studies*. 2019;(10):72–88. (In Russ.)

5. Elizarov V.G. Russian legislation on culture must meet the national interests of Russia. *Zhurnal instituta naslediya = Journal of the Heritage Institute*. 2021;(4):2–10. (In Russ.)

6. Mokhov A.A. State policy in the field of culture aimed at ensuring the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: a legal view. *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2024;(6):5–8. (In Russ.)

7. Ponkin I.V. Methodology of scientific research and applied analytics. Vol. 2. Moscow: Buki Vedi; 2023. 500 p. (In Russ.)

8. Malko A.V., Shundikov K.V. Goals and means in law and legal policy. Saratov: Saratovskii filial IGP RAN; 2003. 294 p. (In Russ.)

9. Barinov N.A., Kalmykov Yu.Kh. Legal means of ensuring the property needs of citizens. In: *Grazhdanskoe pravo i sfera obsluzhivaniya: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov = Civil law and service sector: interuniversity collection of scientific papers*. Sverdlovsk: Izd-vo Sverdlovsk. in-ta, 1984. P. 50–53. (In Russ.)

10. Vavilin E.V. Conceptual issues of the implementation and protection of civil rights. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Scientific notes of Kazan University. The Humanities Series*. 2008;150(5):116–122. (In Russ.)

11. Valeev D.H., Chelyshev M.Yu. Civil law means in the procedural mechanism of realization of the rights of citizens and organizations in enforcement proceedings. *Ispolnitel'noe pravo = Executive law*. 2009;(4):12–16. (In Russ.)

12. Leskova Yu.G. Conceptual and legal foundations of self-regulation of business relations. Moscow: Statute; 2013. 384 p. (In Russ.)

13. Bogdan V.V. Theoretical and applied problems of consumer protection in the Russian Federation. Moscow: Yurlitinform; 2015. 248 p. (In Russ.)

14. Veremiy N.I. Problems of legal regulation of relations in the provision of cultural and entertainment services. *Ekonomika i pravo. XXI vek. = Economics and law. XXI century*. 2016;(3):67–69. (In Russ.)

15. Sevostyanov M.V., Sharonov S.A. Civil law regulation of concert services and protection of the rights of their participants: a scientific and practical guide. (In Russ.) Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sevostianov_mv_sharonov_sa_grazhdansko_pravovoe_regulirovanie_koncertnyh_uslug_ohrana_prav_uchastnikov/ (accessed 22.05.2024).

16. Boldyrev S.N. Legal culture of society and culture of legal technology. *Filosofiya prava* = *Philosophy of law*. 2011;(1):36–40. (In Russ.)

17. Wang Ts., Nurgaliev A.R., Ibragimov A.R. Interaction of the Russian Federation and the People's Republic of China through the use of "soft power" at the turn of the XX and XXI centuries. *Vestnik UGNTU. Nauka. Obrazovanie. Ekonomika. Seriya: Ekonomika* = *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*. 2022;(3):110–117. (In Russ.)

18. Martynenko I.E. The Code of Culture – a new stage in the development of legislation on the protection of cultural heritage objects. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo* = *Culture: management, economics, law*. 2016;(4):9–15. (In Russ.)

19. Klyuchko R.N., Gutsko E.G. Legal mechanisms for countering destructive information influence on minors. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4: Pravovedenie* = *Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4: Jurisprudence*. 2022;(3):98–106. (In Russ.)

20. Pavlova O.V. Professional and ethical culture of personality. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* = *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2017;(2):237–240. (In Russ.)

21. Protanskaya E.S. Professional ethics in the context of national culture. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* = *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2018;(4):14–21. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Мохов Александр Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: med-farm-law@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8139-7932

Alexander A. Mokhov, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Chief Researcher at the Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation,
e-mail: med-farm-law@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-8139-7932

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-61-74>

Правовое регулирование охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети

М. А. Огарок¹ ✉¹Московский финансово-юридический университет

ул. Серпуховский вал, д.17/1, г. Москва 115191, Российская Федерация

✉ e-mail: ogarokmike@gmail.com

Резюме

Актуальность. Фундаментальные отличия процессов разработки и обеспечения функционирования искусственных нейронных сетей от алгоритмического подхода обуславливают актуальность развития существующей научно-методической платформы решения технологических и нормативно-правовых вопросов в области создания программного обеспечения и правовой охраны интеллектуальной собственности систем искусственного интеллекта.

Целью исследования является формулирование научно обоснованных выводов, определяющих направления решения научной проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети.

Задачи: сформулировать перечень научных задач, необходимых для решения научной задачи правовой охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети; разработать предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы регистрации прав интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети.

Методология. Методологическую основу научного исследования составил диалектический метод познания явлений и процессов окружающей действительности.

Результаты. Полученные результаты исследования обеспечивают возможность совершенствования нормативно-правовой базы, устанавливающей основные принципы правовых отношений, возникающих при регистрации прав интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети.

Вывод. Решение проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети должно основываться на совершенствовании существующей нормативно-правовой базы регистрации прав интеллектуальной собственности, а также нормативных актов, определяющих правила регистрации и закрепления прав интеллектуальной собственности на массивы данных обучающей выборки и (или) массивы данных обученных моделей искусственных нейронных сетей, а также на топологию интегральных микросхем нейроморфных процессоров.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; правовая охрана; искусственный интеллект; искусственные нейронные сети; авторское право.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Огарок М. А. Правовое регулирование охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 61–74. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-61-74>

Поступила в редакцию 28.06.2024

Принята к публикации 02.08.2024

Опубликована 30.08.2024

Legal regulation of intellectual property protection for artificial neural networks

Mikhail A. Ogarok¹ ✉

¹Moscow University of Finance and Law
17/1 Serpukhovskiy Val Str., Moscow 115191, Russian Federation

✉ e-mail: ogarokmike@gmail.com

Abstract

Relevance. Fundamental differences in the processes of development and maintenance of artificial neural networks from the algorithmic approach determine the relevance of the development of the existing scientific and methodological platform for solving technological and regulatory issues in the field of software development and legal protection of intellectual property of artificial intelligence systems.

The purpose of the study is to formulate scientifically based conclusions that determine the directions for solving the scientific problem of legal protection of intellectual property on artificial neural networks.

Objectives: to formulate a list of scientific tasks necessary for solving the scientific problem of legal protection of intellectual property rights to artificial neural networks; to develop proposals for improving the regulatory framework for registering intellectual property rights to artificial neural networks.

Methodology. The methodological basis of scientific research was the dialectical method of understanding the phenomena and processes of the surrounding reality.

Results. The obtained results of the study provide the opportunity to improve the regulatory framework establishing the basic principles of legal relations arising during the registration of intellectual property rights to artificial neural networks.

Conclusion. The solution to the problem of legal protection of intellectual property on artificial neural networks should be based on the improvement of the existing regulatory framework for the registration of intellectual property rights, as well as regulatory acts that determine the rules for registering and securing intellectual property rights to arrays of training sample data and (or) arrays of trained models of artificial neural networks, as well as to the topology of integrated circuits of neuromorphic processors.

Keywords: intellectual property; legal protection; artificial intelligence; artificial neural networks; copyright.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Ogarok M.A. Legal regulation of intellectual property protection for artificial neural networks. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(4):61–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-61-74>

Received 28.06.2024

Accepted 02.08.2024

Published 30.08.2024

Введение

В Российской Федерации принят комплекс нормативных актов и директив, устанавливающих основные принципы правовых отношений, возникающих при внедрении искусственного интеллекта в различные сферы жизни общества: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», Указ Президента РФ от

10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года», Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регули-

рования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» и др.

Эти меры направлены на обеспечение юридической поддержки научно-технического прогресса, совершенствование законодательства и регулирование отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники. Особую актуальность приобретают вопросы разработки и внедрения новых научно-методических положений в рамках доктрины цифрового права [1, с. 200], являющейся новым этапом развития инновационного права в условиях революционных изменений в науке, технологиях, экономике и праве.

Профессор В. В. Блажеев отмечает, что «активное использование технологий искусственного интеллекта ставит перед юридическим сообществом задачу разработки системы правового регулирования искусственного интеллекта, основанной как на действующих нормах российского права, опосредующих применение новейших технологий, так и на передовом мировом опыте регламентации искусственного интеллекта» [2, с. 5].

Актуальным является рассмотрение формирующихся в мировой практике подходов к наделению искусственного интеллекта правосубъектностью электронного лица (агента) [3, с. 8]. Однако могут возникать проблемы применения к электронным лицам концепции правосубъектности вследствие наличия ряда принципиальных отличий новой сущности искусственного интеллекта от существующих объектов и субъектов права. Как отмечает П. М. Морхат, «содержание понятия “электронное лицо”, отражающего специфическую форму правосубъектности юнитов искусственного интеллекта, находится сегодня на стадии науч-

но-юридической проработки и обсуждения» [4, с. 69].

В настоящее время существует множество различных, в том числе противоречивых, определений искусственного интеллекта, которые часто описывают данное понятие на основе указания перечня характеризующих его свойств [5, с. 69].

Исследование процессов функционирования и решение актуальной научной проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности для искусственных нейронных сетей носит междисциплинарный характер, т. к. связано с необходимостью развития комплекса научных направлений: цивилистических аспектов толкования и применения правовых норм, правовой охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети (далее – ИНС), компьютерной лингвистики и искусственно-го интеллекта [6, с. 36].

Системные отличия процессов разработки и обеспечения функционирования искусственных нейронных сетей от алгоритмического подхода к организации вычислительного процесса [7, с. 8–11] обуславливают актуальность совершенствования существующих и разработки новых научно-методических положений в области технологических, а также нормативно-правовых аспектов для прикладной области систем искусственного интеллекта.

Существующая технологическая и нормативно-правовая база разработки программного обеспечения и правовой охраны интеллектуальной собственности исторически сложилась и в настоящее время основывается на концепции эвристического подхода к созданию алгоритмов и реализации вычислительного процесса в компьютерных системах [8, с. 43–45]. Однако наличие фундаментальных отличий процессов разработки и обеспечения функционирования искусственных нейронных сетей [6, с. 36] обуславливают актуальность развития суще-

ствующей научно-методической платформы решения технологических и нормативно-правовых аспектов проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ с применением технологий искусственного интеллекта [9, с. 40], а также правовой охраны различных результатов интеллектуальной деятельности [10, с. 37].

Актуальность решения данной научной проблемы в России и за рубежом обусловлена наличием ряда нерешённых научных задач в области исследования процессов обработки данных и проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети, обусловленных в том числе:

- отсутствием способов точной вербализации алгоритмов функционирования обученных ИНС [7, с. 9];

- необходимостью совершенствования процессов обработки данных систем искусственного интеллекта как для компьютеров архитектуры фон-Неймана, так и для цифровых и цифроаналоговых нейроморфных процессоров;

- актуальностью задач совершенствования законодательства в сфере технологий искусственного интеллекта [11, с. 137];

- целесообразностью развития существующего и создания принципиально нового научно-методического задела регистрации и обеспечения правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС [12, с. 6].

Методология

Методология научного исследования по решению изложенной выше научной проблемы представлена следующими методами: диалектическим – при выявлении и разрешении противоречий между уровнем развития информационных технологий и имеющейся нормативно-правовой базой в области создания и функционирования систем искусственного интеллекта; системным методом – для решения научных задач по регистрации и обеспе-

чению правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС при использовании системного подхода к исследованию технологических и нормативно-правовых аспектов технологий искусственного интеллекта; формально-логическими – при разработке формализованной модели описания исследуемой предметной области, структуризации технологической платформы ИНС и видов объектов интеллектуальной собственности ИНС; прогностическим – при определении направлений совершенствования нормативно-правовой базы охраны интеллектуальной собственности на ИНС. Методология работы основана на комплексном решении задач: формулировке перечня актуальных научных задач, необходимых для решения научной задачи обеспечения правовой охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети; разработке предложений по совершенствованию существующей нормативно-правовой базы регистрации прав интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время искусственные нейронные сети становятся все более распространенным инструментом анализа и синтеза данных для различных прикладных областей применения, включая юриспруденцию, информационные технологии, финансы и многие другие [13, с. 8].

Технологии и системы искусственного интеллекта с точки зрения системного подхода представляют собой сложные системы, созданные человеческим интеллектом и характеризующиеся применением комплекса научно-методического аппарата и инженерных решений [14, с. 9]. В Российской Федерации правовая охрана технологии и (или) экземпляра системы искусственного интеллекта как единого объекта интеллектуальной собственности не предусмотрена [15,

с. 263]. Однако для регистрации прав интеллектуальной собственности могут быть использованы существующие механизмы правовой охраны интеллектуальной собственности при условии их дополнения новыми нормативными положениями [16, с. 57].

Государственная регистрация программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем позволяет фиксировать авторское право на реализацию соответствующего экземпляра интеллектуальной собственности. Государственная регистрация приведенных в ст. 1225 ГК РФ охраняемых объектов интеллектуальной собственности по указанным трем объектам возможна по желанию правообладателя и такую регистрацию осуществляет федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности (Роспатент) [17, с. 194]. Государственная регистрация изобретений обеспечивает закрепление патентного права на объект регистрации (как правило, на систему и (или) способ действий).

В целом структура существующей технологической платформы и видов объектов интеллектуальной собственности схематично представлена на рисунке 1.

ИНС представляют собой комплексное решение, базирующееся на применении совокупности различных компонентов: программного обеспечения, массивов и баз данных, способов обработки данных и организации вычислительного процесса, аппаратных платформ. Каждый элемент и (или) подмножество элементов данного комплекса компонентов могут являться объектами интеллектуальной собственности.

Обученная ИНС с точки зрения правовой охраны интеллектуальной собственности может рассматриваться как совокупность следующих видов охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (рис.1):

1) программа для ЭВМ, поскольку содержит исходный код программных компонентов, обеспечивающих ее обуче-

ние и (или) функционирование под управлением операционной системы компьютера;

2) база данных, т. к. содержит массивы данных обучающей выборки и (или) обученной модели данных, представленной весовыми коэффициентами связей нейронов;

3) топология интегральных микросхем, в случае если ИНС использует инновационную аппаратную платформу (например, процессоры с архитектурой массового параллелизма, цифровые и (или) цифроаналоговые архитектуры интегральных микросхем нейроморфных процессоров);

4) изобретение, т. к. содержит в общем случае описание способа и (или) системы организации вычислительного процесса, организации базы данных, производства интегральных микросхем (ИМС).

Алгоритм функционирования обученной ИНС при программной реализации вычислительного процесса определяется совокупностью исходного кода программного обеспечения, устанавливающего структуру искусственного нейрона и архитектуру ИНС, а также обученной модели данных ИНС. Таким образом, невозможно искусственно разделить программную реализацию обученной ИНС на отдельно взятые компоненты: «программу для ЭВМ», представленную исходным кодом программного обеспечения ИНС, и «базу данных для ЭВМ», представленную обученной моделью данных, сформированную по результатам обработки обучающей выборки.

ИНС не программируются авторами программы для ЭВМ в рамках концепции алгоритмизации и эвристической разработки программного обеспечения, а обучаются на основе статистической обработки данных обучающей выборки. Это обуславливает отсутствие детерминированного эвристического алгоритма функционирования ИНС. Траектория логического вывода и формируемые вероятностные решения ИНС носят детерминированно-статистический характер. Вер-

бализация ИНС может быть реализована на основе аппроксимации процесса фун-

кционирования ИНС приближенным детерминированным алгоритмом [7, с. 9].

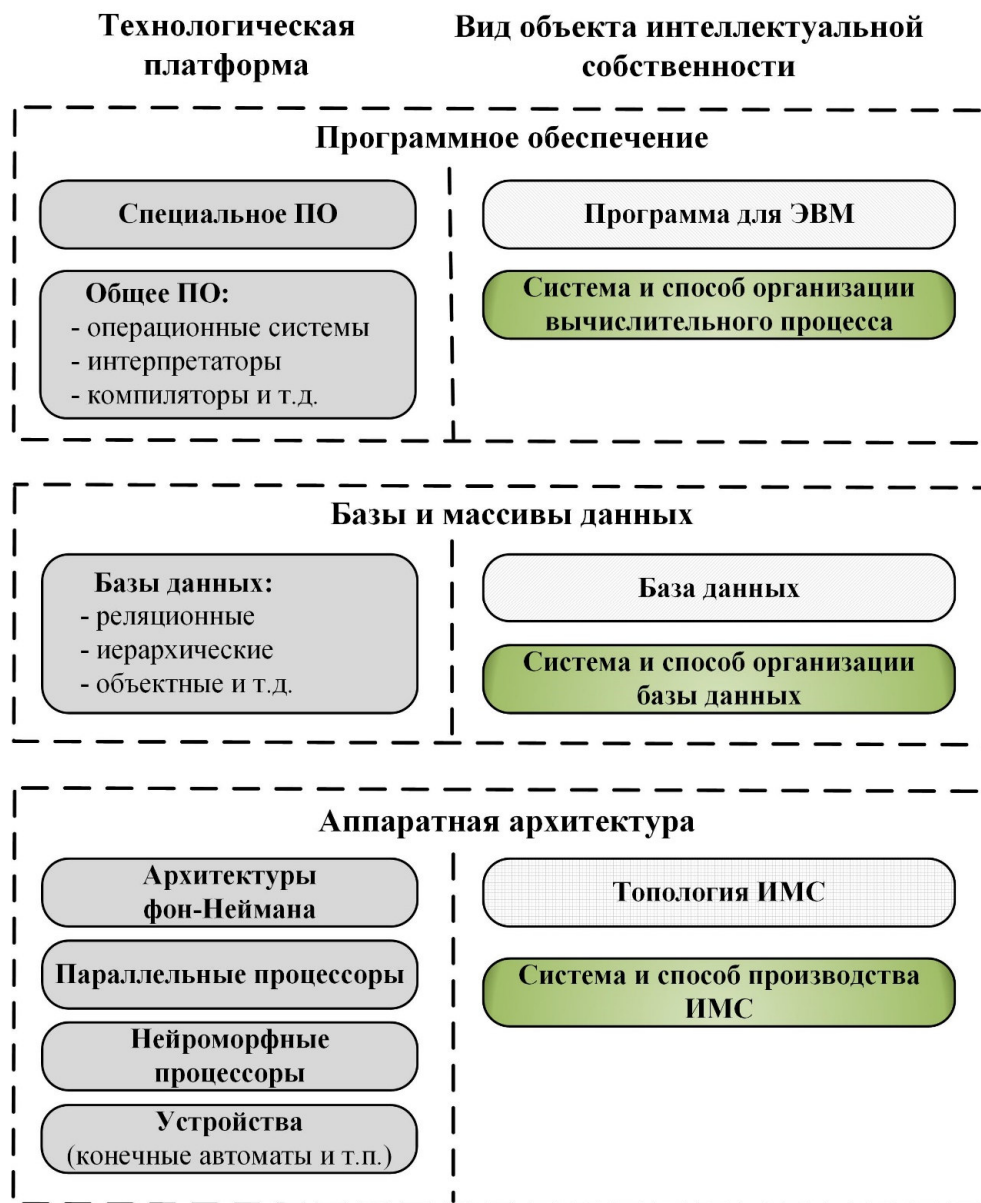

Рис. 1. Структура технологической платформы и видов охраняемых результатов интеллектуальной деятельности

Обучение ИНС не обладает свойством воспроизводимости результатов обучения, гарантирующим абсолютную эквивалентность результатов нескольких идентичных эпох обучения ИНС. Результаты обучения ИНС, представленные обученной моделью, всегда будут немного отличаться при реализации идентичных циклов обучения ИНС на одном и том же массиве данных обучающей вы-

борки. Это обусловлено тем, что весовые коэффициенты связей нейронов формируются на вероятностной основе в процессе обучения ИНС.

Данные обучающей выборки не являются исходным кодом программного обеспечения и наиболее близки к объектам интеллектуальной собственности «базы данных для ЭВМ». Однако часто массивы данных обучающей выборки

представляют собой массивы неструктурированных данных. Они могут включать в свой состав как открытые данные, на которые не зарегистрированы авторские права, так и данные с зарегистрированными правами интеллектуальной собственности. Поэтому вопрос определения владельца авторских прав на результат функционирования ИНС должен определяться не только на основе рассмотрения использования результатов интеллектуальной деятельности ее разработчика и пользователя [18, с. 79], но также и с учетом владельцев авторских прав на массивы данных обучающей выборки. Анализ зарубежных источников показывает отсутствие единства мнения исследователей и судебной практики по данному вопросу [19, с. 79], а также необходимость учета прав на интеллектуальную собственность для всех компонентов систем искусственного интеллекта.

Как исходные коды программного обеспечения ИНС, так и массивы данных обучающей выборки являются средствами разработчика ИНС и не предназначены для решения практических прикладных задач пользователями ИНС.

Обученная ИНС может рассматриваться в качестве объекта интеллектуальной собственности как программа для ЭВМ, содержащая исходный код программного обеспечения (для регистрации объекта интеллектуальной собственности), исполняемый или интерпретируемый код программного обеспечения (для функционирования ИНС), а также массивы данных обученной модели, содержащей данные весовых коэффициентов связей нейронов.

Обученная модель данных ИНС не является исходным кодом программы для ЭВМ, поскольку не содержит синтаксических конструкций исходного кода программного обеспечения на языке программирования и носит двойственный характер. С одной стороны, она может рассматриваться как база данных весовых коэффициентов связей нейронов

обученной ИНС. С другой стороны, обученная модель данных ИНС представляет собой массив данных программного обеспечения, с использованием которого происходит формирование траектории логического вывода и результата функционирования ИНС. Действительно, весовые коэффициенты связей нейронов определяют значения вероятностей переходов и фактически являются алгоритмом функционирования ИНС.

Обученные модели данных ИНС имеют различные варианты представления, однако могут иметь стандартизованные варианты, отличающиеся, например, количеством параметров модели, типом используемого фреймворка машинного обучения (например, Keras, TensorFlow, PyTorch, Scikit-learn и т. п.). Обученные модели данных ИНС представляют наибольший интерес с точки зрения пользователей. Пользователи в подавляющем большинстве прикладных применений ИНС не занимаются обучением ИНС, а применяют заранее обученные ИНС. Разработчики также зачастую используют дообучение предварительно обученных ИНС. Это обусловлено не всегда выполняемыми требованиями по затратам вычислительных ресурсов для обучения ИНС и наличию массивов обучающей выборки, а также по наличию компетенций разработчиков ИНС.

Остается актуальным вопрос регистрации прав интеллектуальной собственности на обученную ИНС, включая не только регистрацию исходного кода программы для ЭВМ, баз данных, системы и (или) способа обработки данных, но также и регистрацию массивов данных обученной ИНС, в том числе фиксацию весовых коэффициентов связей нейронов параметров обученной модели с учетом допустимой вариативности их значений.

Регистрация прав интеллектуальной собственности на обученную ИНС, представленную архитектурой нейроморфных процессоров, представляет собой комплексную проблему, характеризующуюся

наличием вариативности допустимой топологии интегральных микросхем. Это обусловлено тем, что аппаратная нейроморфная платформа имеет динамическую топологию связей нейронов. В отличие от архитектуры фон-Неймана, топология связей нейронов нейроморфных процессоров может меняться не только в процессе обучения ИНС, но и в процессе ее функционирования. Использование спайковых нейронных сетей позволяет оперировать новыми данными о топологии интегральных микросхем, в том числе учитывающими расстояния между нейронами и длительность распространения сигнала, т. е. в контексте пространства и времени [20, с. 83].

Сложившиеся механизмы депонирования исходного кода программного обеспечения, баз данных и топологии интегральных микросхем базируются на методологии эвристической разработки информационных систем, при которой возможна фиксация наиболее значимых данных о регистрируемом объекте интеллектуальной собственности. Вариативность массивов данных обученной модели ИНС и топологии интегральных микросхем нейроморфных процессоров обуславливает целесообразность применения нейроматематического подхода при регистрации наиболее значимых данных для новых видов объектов интеллектуальной собственности.

В соответствии с п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. В п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» сказано, что «результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются».

Запрос пользователя является для ИНС заданием на выполнение прикладных функций вычислительного процесса и может содержать данные для обработки. Запрос пользователя не может привести к получению результата функционирования ИНС без наличия обученной модели ИНС. Составленный пользователем запрос (prompt) для ИНС не является объектом авторского права, поскольку результат функционирования ИНС создается не только автором запроса, но также и нейросетью с использованием обученной модели, содержащей результаты творческого труда создателей программного обеспечения и массивов данных обучающей выборки ИНС, а также авторов объектов (текстов, изображений, музыкальных произведений и т. п.), которые включены в массивы данных обучающей выборки.

Обученная ИНС содержит модель данных, которая может быть создана на основе данных, являющихся в том числе объектами авторского права. В соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 1259 ГК РФ к объектам авторских прав относятся: «производные произведения, то есть произведения, представляющие собой переработку другого произведения». Существующая нормативно-правовая база не регламентирует процесс использования для ИНС обучающей выборки, содержащей данные, являющиеся объектами авторского права. Причем ИНС могут применяться для автоматизации создания обучающей выборки и поэтому являться объектом, принимающим решение об использовании для обучения данных, являющихся объектом авторского права. ИНС может быть также обучена с использованием программы для ЭВМ или способа обработки данных, которые также, в свою очередь, могут быть запатентованными.

Результаты исследования показывают, что существующая нормативно-правовая база о защите интеллектуальной собственности недостаточно адаптирована к новым информационным технологи-

ям, базирующимся на применении обученных ИНС.

Проблема правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС является актуальной, многие ее аспекты не решены до настоящего времени. Решение проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС требует разработки новых правовых норм и регламентов. Действительно, системы искусственного интеллекта базируются на применении ИНС, в основе которых лежит технологическая платформа, определяемая совокупностью программного обеспечения, баз и массивов данных, а также аппаратной архитектурой.

Научная проблема правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС имеет междисциплинарный характер, что обуславливает необходимость интеграции различных научно-методических положений компьютерных технологий математической и прикладной лингвистики, научного направления «искусственный интеллект», а также правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС.

Существующая нормативно-правовая база охраны интеллектуальной собственности обеспечивает регистрацию прав на интеллектуальную собственность по отдельно существующим направлениям «регистрация программ для ЭВМ», «регистрация баз данных», «регистрация изобретений к патенту» и т. п.

Для регистрации прав интеллектуальной собственности на обученную ИНС целесообразно дополнить существующую нормативную и научно-методическую базу регистрации прав на объекты интеллектуальной собственности классов «программа для ЭВМ», «база данных для ЭВМ» и «топология интегральных микросхем».

Для ИНС необходимо обеспечить регистрацию прав на обученные модели данных ИНС, включая фиксацию данных о весовых коэффициентах связей нейронов. Поскольку результаты обучения ИНС зависят от обучающей выборки, то

при регистрации прав на результаты обучения ИНС следует учитывать права на интеллектуальную собственность данных обучающей выборки. Массивы данных обучающей выборки могут быть представлены не только открытыми общедоступными данными, на которые не оформлены права на интеллектуальную собственность, но также и данными с зарегистрированными авторскими правами. К последним следует относить не только зарегистрированные базы данных для ЭВМ и программы для ЭВМ, которые могут использоваться для обучения ИНС, но также и другие виды объектов авторского права (например, произведения литературы, музыки и т. п.).

В результате анализа комплекса актуальных научных задач и направлений решения научной проблемы можно сделать следующие выводы:

1. Государственная регистрация изобретения позволяет закрепить права на интеллектуальную собственность для системы и (или) способа обработки данных, включая все прикладные аспекты реализации технологической платформы ИНС.

2. Государственная регистрация программы для ЭВМ позволяет закрепить права на интеллектуальную собственность для экземпляра реализации программного обеспечения обучения и (или) функционирования ИНС.

3. Государственная регистрация базы данных позволяет закрепить права на интеллектуальную собственность для экземпляра реализации базы данных обучающей выборки и (или) базы данных обученной модели ИНС.

4. Государственная регистрация массивов данных не предусмотрена. Массивы данных не являются исходным кодом программного обеспечения и не представляют собой базу данных. Следовательно, отсутствует правовой механизм закрепления авторских прав на интеллектуальную собственность для массивов данных обучающей выборки и (или) мас-

сивов данных обученной модели ИНС. Имеющийся механизм депонирования объектов авторского права, которые не подлежат государственной регистрации, обеспечивают регистрацию даты, времени и эталонного файла объекта. Однако процесс обучения ИНС не обладает свойством воспроизводимости результатов обученной модели ИНС, что не соответствует методологии фиксации данных при депонировании объектов авторского права. При разработке нормативно-правовых положений по регистрации прав интеллектуальной собственности на обученные модели ИНС следует учитывать допустимую вариативность весовых коэффициентов связей нейронов для идентичных эпох обучения ИНС. Для фиксации данных при регистрации прав на интеллектуальную собственность для массивов данных обучающей выборки и (или) массивов данных обученной модели ИНС целесообразно использовать нейроматематический подход, обеспечивающий учет вариативности данных на основе математического аппарата нечеткой логики. При этом ИНС потенциально может обеспечить отождествление массивов данных обучающей выборки и (или) массивов данных обученной модели ИНС с учетом их вариативности. Таким образом, ИНС могут являться средствами, обеспечивающими фиксацию наиболее значимых данных о регистрируемом объекте интеллектуальной собственности применительно к системам искусственного интеллекта.

5. Государственная регистрация топологии интегральных микросхем предполагает фиксацию схемотехнических решений по составу и связям компонентов аппаратной архитектуры микроэлектронных устройств. Однако нейроморфные процессоры характеризуются наличием динамической топологии связей нейронов. Это обусловлено тем, что в отличие от архитектуры фон-Неймана топология связей нейронов нейроморфных процессоров может меняться не только в

процессе обучения ИНС, но и в процессе ее функционирования. Спайковые нейронные сети характеризуются новыми данными о топологии интегральных микросхем, в том числе учитывающими расстояния между нейронами и длительность распространения сигнала, т. е. в контексте пространства и времени. Таким образом, в настоящее время отсутствуют средства фиксации наиболее значимых данных и правовой механизм закрепления прав на интеллектуальную собственность для топологии интегральных микросхем нейроморфных процессоров. Вариативность массивов связей нейронов нейроморфных процессоров обуславливает целесообразность применения нейроматематического подхода для регистрации наиболее значимых данных для топологии интегральных микросхем нейроморфных процессоров.

Процедуры государственной регистрации прав интеллектуальной собственности на ИНС и экспертизы заявок на регистрацию указанных прав должны учитывать все регистрируемые и используемые авторами заявок компоненты стека технологической платформы и информационных технологий в части программного обеспечения, баз данных и аппаратной архитектуры. Заявки на регистрацию прав интеллектуальной собственности на ИНС должны содержать указания на программы для ЭВМ, используемые для обучения и для реализации исходного кода ИНС, а также указания на базы данных обучающей выборки и базы данных предобученных моделей.

Совершенствование нормативно-методической базы правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС должно базироваться на решении вопросов разработки научно-методического аппарата, правовых норм и применения регистрации прав интеллектуальной собственности не только к используемым в ИНС программам для ЭВМ и (или) базам данных, но также и другим объектам авторского права, в том числе к массивам

данных обучающей выборки, массивам данных обученных моделей ИНС, топологии интегральных микросхем нейроморфных процессоров.

Выводы

Подводя итог, важно отметить, что развитие информационных технологий всегда опережало процесс их законодательного регулирования. Решение проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС должно основываться на комплексном использовании существующей нормативно-правовой базы в части государственной регистрации изобретений, программ для ЭВМ, баз данных, топологии интегральных микросхем, а также разработке нормативных актов и директив, учитывающих новые технологические и нормативно-правовые аспекты правовой охраны интеллектуальной собственности систем искусственного интеллекта. Необходимость дополнения существующей нормативно-правовой базы регистрации прав интеллектуальной собственности новыми положениями обусловлена объективными факторами существенных системных отличий процессов разработки и обеспечения функционирования ИНС от алгоритмического подхода к организации вычислительного процесса в компьютерных системах. Основными направлениями со-

вершенствования нормативно-правовой базы регистрации прав интеллектуальной собственности на ИНС являются: разработка нормативных актов, определяющих правила закрепления прав интеллектуальной собственности на массивы данных обучающей выборки и (или) массивы данных обученной модели ИНС, а также на топологию интегральных микросхем нейроморфных процессоров.

Научная новизна результатов исследования заключается в обосновании теоретических подходов к решению научной проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности на ИНС с использованием диалектического метода познания содержания процессов регистрации прав интеллектуальной собственности, а также методологии разработки и обеспечения функционирования систем искусственного интеллекта.

Практическая значимость результатов исследования состоит в формировании результатов оценки существующей нормативно-правовой базы и разработке предложений по совершенствованию нормативных актов, определяющих содержание процессов государственной регистрации прав на новые виды объектов интеллектуальной собственности, связанные с появлением информационных технологий систем искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Ершова И. В., Петраков А. Ю., Цимерман Ю. С. Доктрина инновационного права на службе цифрового права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11. С. 191-201. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.191-201>
2. Блажеев В. В. Предисловие // Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии»: монография / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 240 с.
3. Ручкина Г. В. Искусственный интеллект, роботы и объекты робототехники: к вопросу о теории правового регулирования в Российской Федерации // Банковское право. 2020. № 1. С. 7-18. <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2020-1-7-18>
4. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61-70. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73>

5. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: научная монография. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
6. Огарок А. Л., Огарок М. А., Жаворонкова О. Г. Технологические и правовые аспекты искусственного интеллекта // Информатизация и связь. 2023. № 5. С. 35–39. <https://doi.org/10.34219/2078-8320-2023-14-5-35-39>
7. Анализ эвристического и нейроматематического подходов к разработке алгоритмов и созданию систем / А. В. Старовойтов, Ю. М. Богданов, А. Л. Огарок, С. А. Селиванов // Информатизация и связь. 2018. №1. С. 7–13.
8. Огарок А. Л., Старикив П. П. Анализ подходов к семантической обработке неструктурированной текстовой информации // Информатизация и связь. 2023. № 4. С. 42–46. <https://doi.org/10.34219/2078-8320-2023-14-4-42-46>
9. Морхат П. М. Проблемы патентования изобретений, созданных юнитом искусственного интеллекта // Закон и право. 2018. № 8. С. 40–43.
10. Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 32–40. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040>
11. Егорова М. А. Проблема правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием цифровых технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1. С. 32–40. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.101.1.127-138>
12. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция: монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М.: Проспект, 2023. 336 с.
13. Цифровое право / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с. <https://doi.org/10.31085/9785392227297-2020-640>
14. Artificial Intelligence and Civil Liability / European Parliament. Requested by the JURI committee. European Union. 133 p. <https://doi.org/10.2861/220466>
15. Головин К. С. Предложения по реформированию гражданско-правовой охраны искусственного интеллекта как единого объекта интеллектуальной собственности // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 2. С. 263–274. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-263-274>
16. Интеллектуальная собственность в современном мире: монография / под ред. И. А. Близнеца. М.: Проспект, 2018. 672 с.
17. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 512 с.
18. Гурко А. В. К вопросу о возможности правовой охраны результатов «интеллектуальной» деятельности систем искусственного интеллекта // Экономика. Право. Общество. 2022. № 1. С. 71–75. <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2022-1-71-75>
19. Tripathi S., Ghatak C. Artificial intelligence and intellectual property law // Christ University Law Journal. 2021. Vol. 7, is. 1. P. 83–98. <https://doi.org/10.12728/culj.12.5>
20. Ежов В. Нейроморфные системы как инструмент реализации искусственного интеллекта // Электроника. Наука. Технологии. Бизнес. 2021. № 2(00203). С. 82–92. <https://doi.org/10.22184/1992-4178.2021.203.2.82.9>

References

1. Ershova I.V., Petrakov A.Yu., Tsimerman Yu.S. The doctrine of innovation law at the service of digital law. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of*

O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2020;(11):191-201. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.191-201>

2. Blazheev V.V. Preface. In: Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.) Legal regulation of artificial intelligence in the context of a pandemic and infodemic". Moscow: Prospect; 2020. 240 p. (In Russ.)

3. Ruchkina G.V. Artificial intelligence, robots and robotic objects: on the issue of the theory of legal regulation in the Russian Federation. *Bankovskoe pravo = Banking law*. 2020;(1):7-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3945-2020-1-7-18>

4. Morhat P.M. Artificial intelligence unit as an electronic person. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2018;(2):61–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2018-2-61-73>

5. Morhat P.M. Artificial intelligence: legal view. Moscow: Buki Vedi; 2017. 257 p. (In Russ.)

6. Ogarok A.L., Ogarok M.A., Zhavoronkova O.G. Technological and legal aspects of artificial intelligence. *Informatizatsiya i svyaz' = Informatization and communication*. 2023;(5):35–39. <https://doi.org/10.34219/2078-8320-2023-14-5-35-39>

7. Starovoytov A.V., Bogdanov Yu.M., Ogarok A.L., Selivanov S.A. Analysis of heuristic and neuromathematical approaches to the development of algorithms and the creation of systems. *Informatizatsiya i svyaz' = Informatization and communication*. 2018;(1):7–13. (In Russ.)

8. Ogarok A.L., Starikov P.P. Analysis of approaches to semantic processing of unstructured text information. *Informatizatsiya i svyaz' = Informatization and communication*. 2023;(4):42–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.34219/2078-8320-2023-14-4-42-46>

9. Morhat P.M. Problems of patenting inventions created by an artificial intelligence unit. *Zakon i pravo = Law and Right*. 2018;(8):40–43. (In Russ.)

10. Vasilevskaya L.Yu. Artificial intelligence: problems of civil-law qualification. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)*. 2023;(5):32–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040>

11. Egorova M.A. The problem of legal protection of intellectual property objects created using digital technologies. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Carier of Kutafin Moscow state Law University (MSAL)*. 2023;(1):32–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2023.101.1.127-138>

12. Vasilevskaya L.Yu. (ed.) "Artificial Intelligence" and "artificial intelligence" technologies in contract law: civilistic concept. Moscow: Prospect; 2023. 336 p. (In Russ.)

13. Blazheev V.V., Egorova M.A. (eds.) Digital law. Moscow: Prospect; 2020. 640 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.31085/9785392227297-2020-640>

14. Artificial Intelligence and Civil Liability. European Parliament. Requested by the JURI committee. European Union. 133 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.2861/220466>

15. Golovin K.S. Proposals for reforming the civil-legal protection of artificial intelligence as a single object of intellectual property. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Actual problems of state and law*. 2023;7(2):263-274. (In Russ.) <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-2-263-274>

16. Bliznets I.A. (ed.) Intellectual property in the modern world. Moscow: Prospect; 2018. 672 p. (In Russ.)
17. Novoselova L.A. (ed.) Intellectual property law. T. 1. General provisions. Moscow: Statut; 2017. 512 p. (In Russ.)
18. Gurko A.V. On the possibility of legal protection of the results of "intellectual" activity of artificial intelligence systems. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economics. Law. Society*. 2022;(1):71–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2022-1-71-75>
19. Tripathi S., Ghatak C. Artificial intelligence and intellectual property law. *Christ University Law Journal*. 2021;7:83–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.12728/culj.12.5>
20. Ezhov V. Neuromorphic systems as a tool for implementing artificial intelligence. *Elektronika. Nauka. Tekhnologii. Biznes = Electronics. Science. Technologies. Business*. 2021;(2):82–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.22184/1992-4178.2021.203.2.82.9>

Информация об авторе / Information about the Author

Огарок Михаил Андреевич, аспирант, Московский финансово-юридический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: ogarokmike@gmail.com, ORCID: 0009-0003-7088-602X

Mikhail A. Ogarok, Post-Graduate Student, Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russian Federation, e-mail: ogarokmike@gmail.com, ORCID: 0009-0003-7088-602X

Оригинальная статья / Original article

УДК 347

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-75-84>

Дистанционное взаимодействие участников гражданского оборота и способы их индивидуализации, применявшиеся в дореволюционной России

А. А. Трофимов¹ ✉

¹ Псковский государственный университет
пл. Ленина, д. 2, г. Псков 180000, Российская Федерация

✉ e-mail: legist60@mail.ru

Резюме

Актуальность. В дореволюционной России участниками гражданского оборота использовались способы дистанционного взаимодействия, направленные на возникновение, изменение и прекращение частноправовых отношений. Дистанционное взаимодействие участников гражданского оборота обуславливало необходимость их индивидуализации. В наше время в России происходит переход к цифровой экономике, основанной на использовании цифровой среды. Дистанционное взаимодействие участников цифрового гражданского оборота инициирует решение проблемы об их индивидуализации в цифровой среде, которая осуществляется посредством коммуникативного процесса идентификации. Результаты научных исследований, касающиеся способов индивидуализации участников дистанционного взаимодействия в дореволюционной России, могут быть востребованы цивилистикой и в настоящее время. Их применение возможно для разработки теоретических положений, касающихся идентификации субъектов частного права, осуществляющих дистанционное взаимодействие с применением цифрового инструментария.

Целью исследования является рассмотрение вопроса о видах дистанционного взаимодействия участников гражданского оборота и способах их индивидуализации, применявшихся в дореволюционной России.

Задачи: исследование видов дистанционного взаимодействия участников гражданского оборота; выявление способов индивидуализации участников гражданского оборота, осуществлявших дистанционное взаимодействие.

Методология. В процессе работы над статьёй применялись методы синтеза, анализа, индукции, дедукции, историко-правовой, сравнительно-правовой, логический.

Результаты. В процессе исследования выявлены виды дистанционного взаимодействия участников гражданского оборота и присущие им способы их индивидуализации, применявшиеся в дореволюционной России.

Выводы. Дистанционное взаимодействие участников гражданского оборота в дореволюционной России было сопряжено с их индивидуализацией, осуществляемой в целях обеспечения стабильности гражданского оборота.

Ключевые слова: гражданский оборот; индивидуализация; способы взаимодействия; субъекты частного права.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Трофимов А. А. Дистанционное взаимодействие участников гражданского оборота и способы их индивидуализации, применявшиеся в дореволюционной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 75–84. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-75-84>

Поступила в редакцию 19.06.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Опубликована 30.08.2024

© Трофимов А. А., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(4):75-84

Remote interaction of participants in civil transactions and methods of their individualization, used in pre-revolutionary Russia

Anton A. Trofimov¹ ✉

¹ Pskov State University

² Lenin Square, Pskov 180000, Russian Federation

✉ e-mail: legist60@mail.ru

Abstract

Relevance. In pre-revolutionary Russia, participants in civil transactions used methods of remote interaction aimed at the emergence, change and termination of private law relations. Remote interaction between participants in civil transactions necessitated their individualization. Nowadays, Russia is undergoing a transition to a digital economy based on the use of the digital environment. Remote interaction of participants in digital civil circulation initiates a solution to the problem of their individualization in the digital environment, which is carried out through the communicative process of identification. The results of scientific research concerning the methods of individualization of participants in remote interaction in pre-revolutionary Russia may be in demand in civil law at the present time. Their application is possible for the development of theoretical provisions concerning the identification of private law entities implementing remote interaction using digital tools.

The purpose of the study is to consider the issue of types of remote interaction between participants in civil transactions and methods of their individualization, used in pre-revolutionary Russia.

Objectives: research of types of remote interaction of participants in civil transactions; identifying ways to individualize participants in civil transactions who carried out remote interaction.

Methodology. In the process of working on the article, methods of synthesis, analysis, induction, deduction, historical-legal, comparative-legal, logical.

Results. In the course of the study, the types of remote interaction between participants in civil transactions and their inherent methods of individualization, used in pre-revolutionary Russia, were identified.

Conclusions. Remote interaction of participants in civil circulation in pre-revolutionary Russia was associated with their individualization, carried out in order to ensure the stability of civil circulation.

Keywords: civil turnover; individualization; ways of interaction; subjects of private law.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Trofimov A. A. Remote interaction of participants in civil transactions and methods of their individualization, used in pre-revolutionary Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):75–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-75-84>

Received 19.06.2024

Accepted 30.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Взаимодействие участников гражданского оборота, направленное на возникновение, изменение и прекращение частноправовых отношений, в дореволюционной России осуществлялось в двух формах: во-первых, путем непосредственного взаимодействия, при котором субъекты частного права находились в том месте, где осуществлялся процесс

коммуникации, и их волеизъявления совпадали во времени; во-вторых, посредством дистанционного взаимодействия, участники которого были пространственно удалены друг от друга, а их волеизъявления не совпадали во времени. Дистанционное взаимодействие участников гражданского оборота осуществлялось путём обращения к третьим лицам, с помощью которых юридически значимые сообщения передавались от одних участ-

ников частноправовых отношений друг с другом (например, посыльный и др.) либо с использованием технических средств (например, телефон и др.). Дистанционное взаимодействие участников гражданского оборота обуславливало необходимость их индивидуализации, поскольку права и обязанности возникают у субъектов частного права, действительно изъявляющих волю на возникновение, изменение или прекращение частноправовых отношений. В противном случае (например, при неверной индивидуализации субъектов частного права), невозможно достигнуть целей, связанных с обеспечением стабильности гражданского оборота.

Методология

В процессе исследования использовались общенаучные методы (синтез, анализ, индукция, дедукция) и частнонаучные методы (историко-правовой, сравнительно-правовой, логический). Историко-правовой метод применен для исследования дистанционных способов взаимодействия участников гражданского оборота, применявшихся в дореволюционной России. Сравнительно-правовой метод использован в целях выявления сходства и различия в положениях уставов артельных товариществ (артелей посыльных). Логический метод применен для выявления смысла положений нормативных актов, действовавших в дореволюционной России.

Результаты и их обсуждение

Индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействующих с помощью посыльных (посланников). Одним из способов взаимодействия участников гражданского оборота в дореволюционной России была передача с помощью посыльного юридически значимых сообщений, направленных на возникновение, изменение или прекращение частноправовых отношений. Еще в римском праве допускалось заключение соглашений между отсутствующими, т. е.

лицами, удаленными друг от друга, а средством таких соглашений служили письма и посланцы (nuntii) [1, с. 298–299]. В юридической литературе отмечалось, что посыльный является чисто физическим посредником [2, с. 858]. Посланный (nuntius) есть такое же средство передачи, как телеграф и телефон [3, с. 132–133]. Основная задача посланного – по возможности точно передать волю пославшего [4, с. 172]. Поскольку посыльные не являлись сторонами сделок, не принимали участие в формировании воли сторон, не были представителями лиц, вручивших им письма для доставки контрагентам, а лишь исполняли функцию по доставке сообщений, необходимость в индивидуализации посланников отсутствовала. Участникам гражданского оборота необходимо было индивидуализировать субъектов частного права, направлявших юридически значимые сообщения, а не их посланников. Законодательство дореволюционной России не содержало общеобязательных требований, связанных с индивидуализацией субъектов частного права, взаимодействующих посредством посыльных. Участники частноправовых отношений самостоятельно определяли способы индивидуализации лиц, взаимодействовавших посредством посыльных, т. е. использовали диспозитивные способы индивидуализации субъектов частного права. С посыльными могли передаваться письменные сообщения (например, предложения оферента¹ о заключении договора) [5, с. 111], коммерческие письма и т. п. Обязательной частью коммерческого письма являлся бланк фирмы [6, с. 15], содержащий сведения об отправителе этого письма (название фирмы, место нахождения и др.). Индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействующих с помощью посыль-

¹ В русской дореволюционной цивилистике встречаются термины «облат» и «пропонент», первое из которых обозначает оферента, второе – акцептанта.

ных, осуществлялась в указанном случае с использованием реквизитов письменных документов, вручённых посланникам для доставки.

Таким образом, индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействовавших с помощью посыльных (посланников), осуществлялась в диспозитивном порядке, предусмотренном субъектами частного права, являвшимися участниками гражданско-правовых отношений.

Индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействующих с артельными товариществами (артелями посыльных). Одним из способов взаимодействия субъектов частного права в дореволюционной России являлось использование услуг артельных товариществ (Создание артельных товариществ предусматривалось ст. 89 Устава Торгового. Подробнее об этом [7, с. 37]). Артельные товарищества могли создаваться для оказания услуг посыльных и в таком случае именовались артелями посыльных. Основным функциональным назначением артелей посыльных являлась доставка писем, справок, сведений указанному адресату [8, с. 1]. В составе артели посыльных находились артельщики, выполнявшие обязанности посыльных, связанные с доставкой корреспонденции в пределах определенной местности. Участники гражданского оборота передавали артельщикам, состоящим в артели посыльных, письма и иные почтовые отправления, содержащие юридически значимые сообщения, для доставки в адрес своих контрагентов. Правление артелей посыльных выдавало артельщикам шнурованные книжки, содержащие марки, состоящие из двух частей, одна из которых передавалась субъекту частного права, от которого принимался заказ на доставку корреспонденции, а вторая оставалась у артельщика-посыльного. Индивидуализация субъектов частного права, взаимодействовавших посредством артелей посыльных, происходила с

использованием указанных марок, содержащих сведения, позволявшие индивидуализировать как отправителей, так и получателей корреспонденции. С помощью указанных марок субъекты частного права имели возможность, во-первых, подтвердить факт направления контрагенту соответствующего сообщения, и, во-вторых, индивидуализировать артельные товарищества для предъявления соответствующих требований в случае утраты или порчи отправленной корреспонденции.

Предъявление требований, связанных с корреспонденцией, вручённой артельщикам-посыльным для доставки, обуславливало необходимость индивидуализации как артельщиков, так и артели посыльных, в которых они состояли. Каждому артельщику присваивался индивидуальный номер [9, с. 3], который служил целям его индивидуализации и подлежал указанию на обеих частях марок, упомянутых выше. С использованием индивидуального номера артельщика и марки, выдаваемой отправителю письма и т. п., осуществлялась индивидуализация артельщика-посыльного. Индивидуализация артельщиков-посыльных осуществлялась также с использованием специальных знаков, размещавшихся на одежде, позволявших отнести их к определённой артели посыльных. Например, артельщики-посыльные, состоявшие в Первой железнодорожной артели в Санкт-Петербурге, выполнявшей работы по доставке писем, пакетов со станций железных дорог по поручению пассажиров и иных лиц, должны были иметь при исполнении своих обязанностей фуражки с зеленым околышем, нагрудный и головной номерные знаки с надписью: «Посыльный Первой Железнодорожной Артели № » [10, с. 18]. Индивидуализация артельных товариществ (артелей посыльных) достигалась благодаря использованию их наименований и данных о месте их нахождения, зафиксированных в уставах артелей. Сведения о месте

нахождения артелей подлежали опубликованию в печати для всеобщего сведения [11, с. 6].

По сути, уставы артелей посыльных относились к средствам их индивидуализации. Информация, индивидуализирующая артели посыльных, также содержалась в их печатях. Так, Саратовская артель посыльных имела печать с обозначением её наименования [12, с. 4].

Таким образом, индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействовавших с артельными товариществами, происходила в порядке, предусмотренном уставами артелей посыльных, на основе их документов, подтверждавших факт передачи корреспонденции, содержащей юридически значимые сведения (сообщения), артельщикам-посыльным для её доставки другим участникам гражданского оборота.

Индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействовавших путем обращения к нотариусам. Среди способов взаимодействия участников гражданского оборота, применявшихся в дореволюционной России, следует рассмотреть обращение к нотариусам. Положение о Нотариальной части, регулировавшее порядок совершения нотариальных действий, содержало нормы, направленные на индивидуализацию субъектов частного права, обращавшихся к нотариусам. В п. 5 ст. 128 Положения о Нотариальной части предусматривалось совершение такого нотариального действия, как засвидетельствование заявления объяснений от одной стороны другой [13, с. 44]. В соответствии со ст. 141 данного Положения, нотариусы принимали поручения о передаче каких-либо заявлений от одних лиц другим, например, от кредиторов должникам по обязательствам об уплате долга [13, с. 49–50]. Установление субъектов частного права, обращавшихся к нотариусам, осуществлялось в порядке, установленном Положением о Нотариальной части. В ст. 142 Положения предусматривалось, что в

подтверждение факта совершения нотариального действия нотариус выдавал обратившемуся к нему лицу удостоверение, содержащее сведения о нём и о субъекте, которому предназначалось юридически значимое сообщение [13, с. 50]. В удостоверении, в частности, указывались сведения об указанных лицах: звание, имя, отчество, фамилия и место жительства [14, с. 74–75].

Таким образом, индивидуализация участников гражданского оборота, обращавшихся к нотариусам за совершением нотариальных действий, направленных на передачу юридически значимых сообщений от одних участников гражданского оборота другим, являлась обязательной и осуществлялась нотариусами в порядке, предусмотренном Положением о Нотариальной части.

Индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействовавших с помощью почтовой связи. Одним из способов взаимодействия субъектов частного права являлось использование почтовой связи. Устав почтовый, регулировавший порядок почтового сообщения в дореволюционной России, включал нормы, направленные на установление лиц, являвшихся отправителями и получателями почтовой корреспонденции. В ст. 347, 348 данного устава содержались положения о том, что сведения об отправляемой почтовой корреспонденции (простой, денежной, страховой) регистрировались в специальных книгах. Записи в книгу вносились отправителями корреспонденции собственноручно и заверялись их подписями. Индивидуализация лиц, являвшихся отправителями писем, осуществлялась с помощью сведений, внесенных в книги, предназначенные для записи посылочной, денежной и страховой корреспонденции.

Статьей 354 Устава Почтового предусматривалась выдача отправителям квитанций или расписок о приёме от них страховой почтовой корреспонденции [15, с. 57–59]. Индивидуализация отпра-

вителей страховых писем происходила посредством информации, содержащейся в квитанциях и расписках, выдаваемых при приёме страховых писем. Индивидуализация субъектов частного права предполагала установление их правового статуса как отправителей корреспонденции. Это имело практическое значение и обуславливалось положениями ст. 347 Устава почтового о том, что запись, внесённая в книгу, предназначенную для записи посылочной, денежной и страховой корреспонденции, являлась удостоверением поступления почтового отправления на почту. С помощью такой записи субъекты частного права могли подтвердить совершение ими юридически значимого действия, связанного с отправлением сообщения своему контрагенту. Квитанции или расписки, выдававшиеся отправителям страховых писем, являлись документами, на основании которых они могли предъявить имущественные требования, предусмотренные ст. 354, 356 анализируемого Устава, в случае утраты или похищения отправленной ими корреспонденции.

В ст. 446 Устава почтового предусматривалось, что получателям корреспонденции направлялись объявления или повестки о поступлении в их адрес почтовых отправлений. Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что получатели корреспонденции индивидуализировались с помощью сведений, вносимых в объявление или повестку (полный адрес, чин или звание, имя, отчество и фамилия). Получение почтовой корреспонденции допускалось по доверенности, что предусматривалось ст. 440 указанного устава [15, с. 72–73]. Индивидуализация лиц, являющихся получателями почтовых отправлений, и их представителей, действующих на основании доверенностей, являлась обязательной. Индивидуализация субъектов частного права предполагала установление их правового статуса как получателей почтовой корреспонденции, что имело зна-

чение для гражданско-правовых отношений. Например, ст. 457 Устава почтового содержала правила, касающиеся получения корреспонденции, приходящей на имя лиц, в отношении которых осуществлялось производство по делам о банкротстве.

Таким образом, индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействовавших с работниками почтовой связи, являлась обязательной и осуществлялась почтовыми служащими в порядке, установленном Уставом почтовым. Индивидуализация субъектов частноправовых отношений была сопряжена с установлением их правового статуса как получателей и отправителей почтовой корреспонденции.

Индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействовавших с помощью телефонных средств. Гражданским законодательством дореволюционной России предусматривались такие формы договоров, как крепостная, явочная, нотариальная и домашняя. В домашней форме различались письменные и словесные договоры [16, с. 56]. В ст. 571 Свода законов гражданских¹ предусматривалось, что порядок заключения словесных договоров состоит в полной воле договаривающихся лиц. При этом к необходимым условиям их заключения относились: взаимное согласие лиц, отсутствие произвола и принуждения, соответствие закону. Положения Свода законов гражданских о формах договоров и его ст. 571 (по сути своей диспозитивная в части, касающейся словесных договоров), обусловили возможность заключения устных (вербальных) соглашений посредством использования теле-

¹ Свод законов гражданских // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&empire=1&collection=0&volume=100013&pg=61&contentsname=%CE+%EF%F0%E0%E2%E5+%EF%EE+%EE%E1%FF%E7%E0%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0%EC&sort=1> (дата обращения: 17.04.2024).

фонной связи как одного из способов взаимодействия субъектов частного права. Относительно заключения договоров с использованием телефона русские цивилисты указывали на два обстоятельства. Во-первых, на сложность определения лиц, взаимодействовавших посредством телефонной связи, во-вторых, на затруднительность доказывания фактов совершения договоров с использованием телефона [17, с. 299; 18, с. 78, 87]. В гражданском законодательстве рассматриваемого периода отсутствовали нормы, регулирующие процесс индивидуализации субъектов частного права, взаимодействующих посредством телефонной связи. По нашему мнению, данное обстоятельство обуславливалось диспозитивным содержанием ст. 571 Свода законов гражданских (в части, относящейся к договорам, заключаемым словесно). Данная норма, с одной стороны, предоставляла субъектам частного права легальную возможность заключать словесные (вербальные) договоры, в том числе с применением телефонных средств, а с другой стороны, возлагала на них риск негативных последствий (например, в случае отрицания недобросовестным участником гражданского оборота факта заключения договора, условий, согласованных сторонами). При взаимодействии посредством телефонной связи индивидуализация субъектов частного права могла осуществляться, например, с использованием номеров телефонов, сведения о которых указывались в коммерческих письмах на бланках фирмы [6, с. 15].

Таким образом, субъекты частного права, основываясь на диспозитивных правомочиях, предоставленных им ст. 571 Свода законов гражданских, самостоятельно определяли способы индивидуализации участников гражданского оборота, с которыми они взаимодействовали с применением телефона.

Индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействовавших с использованием телеграфа. Среди

способов взаимодействия участников гражданского оборота в дореволюционной России применялся такой вид дистанционной коммуникации, как передача юридически значимых сообщений посредством телеграфа. Устав Телеграфный [19, с. 5], регулировавший порядок осуществления телеграфной связи, содержал нормы, направленные на индивидуализацию отправителей и получателей телеграмм. Индивидуализация субъектов частного права, являвшихся отправителями и получателями телеграмм, осуществлялась посредством установления их личности. Такой вывод можно сделать из содержания ст. 36 Устава телеграфного, предусматривавшей, что выдача засвидетельствованных копий с телеграмм производится их отправителям и получателям при предоставлении доказательств о личности. К таким доказательствам относился, в частности, вид на жительство, служивший удостоверением личности [20, с. 7]. Получение участниками гражданского оборота копий телеграмм имело практическое значение для подтверждения фактов направления юридически значимых сообщений посредством телеграфной связи. К способам индивидуализации лиц, обращающихся на телеграфные станции, следует отнести фиксацию сведений о них в документации телеграфного ведомства. Так, сведения, индивидуализирующие отправителей телеграмм, подлежали регистрации в адресных книгах [21, с. 632], ведение которых осуществлялось служащими телеграфных станций. Среди сведений, служивших целям индивидуализации участников частноправовых отношений, следует отметить их адреса. В телеграмме указывался адрес лица, которому направлялась депеша. При указании в телеграмме адресов субъекты частного права имели возможность воспользоваться сведениями, опубликованными для неограниченного круга лиц, об участниках гражданского оборота, их фамилиях, именах, отчествах, званиях, местах жительства [22]. Телеграмма могла быть адресована несколь-

ким субъектам частного права. В таком случае в ней указывались адреса всех лиц, которым она предназначалась [27, с. 632]. В соответствии со ст. 21 Устава телеграфного, допускалось адресовать телеграммы, как по месту жительства получателя, так и в почтовые места и на телеграфные станции для их хранения до востребования.

Таким образом, индивидуализация участников гражданского оборота, взаимодействующих с использованием телеграфа, являлась обязательной и осуществлялась служащими телеграфных станций в порядке, предусмотренном Уставом телеграфным.

Выводы

Проведенное в настоящей статье исследование видов дистанционного взаимодействия участников гражданского оборота и способов их индивидуализации, применяемых в дореволюционной России, позволило сделать следующие выводы:

1. В процессе исследования выявлены основные виды дистанционного взаимодействия участников гражданского оборота в дореволюционной России: с помощью посыльных (посланников); с участием артельных товариществ (арте-

лей посыльных); путем обращения к нотариусам; посредством почтовой связи; с применением телефона; с использованием телеграфа.

2. Установлено, что каждому из видов дистанционного взаимодействия, применявшихся участниками гражданского оборота в дореволюционной России, присущи определённые способы индивидуализации субъектов частного права: диспозитивные (установленные волеизъявлением участников гражданско-правовых отношений) и императивные (установленные законодательством дореволюционной России).

3. Диспозитивные способы индивидуализации участников гражданского оборота применялись в дореволюционной России при использовании следующих видов дистанционного взаимодействия: с помощью посыльных (посланников); с участием артельных товариществ (артелей посыльных); с использованием телеграфа.

4. Императивные способы индивидуализации участников гражданского оборота применялись в дореволюционной России при использовании таких видов дистанционного взаимодействия, как: обращение к нотариусам; почтовая связь; использование телеграфа.

Список литературы

1. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1883. 697 с.
2. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Введение и часть общая. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 286 с.
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. 736 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань: Изд. кн. магазина Бр. Башмаковых, 1902. 793 с.
5. Евецкий А. А. О договоре между отсутствующими // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. № 9. С. 110–121.
6. Чеботарев Г. А. Коммерческая корреспонденция. Руководство к изучению правил, обычаев и форм торговых сношений. Теория и практика. Ростов н/Д: Тип. А. Славгородского, 1907. 144 с.
7. Устав торговый. О приказчиках, поверенных и комиссионерах, товариществах: полном, на вере и артельном / сост. Г. В. Бертгольдт. М.: Изд. юрид. кн. магазина Ф. В. Бусыгина, 1900. 326 с.

8. Устав Одесской артели посыльных. Одесса: Славянская тип., 1882. 23 с.
9. Устав Харьковской артели посыльных. Харьков: Тип. И. М. Варшавчика, 1895. 18 с.
10. Устав Первой железнодорожной артели в Санкт-Петербурге. СПб.: Типо-литогр. К. Фельдман, 1910. 33 с.
11. Устав Второй Одесской артели посыльных. Одесса: Тип. Гладкова и Прищенова, 1904. 24 с.
12. Устав Саратовской артели посыльных. Саратов: Тип. «Энергия», 1911. 24 с.
13. Сборник узаконений по нотариальной части. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1868. 340 с.
14. Нотариальный сборник для руководства младших нотариусов, составленный из Нотариального положения и необходимых статей IX, X, XI томов Свода законов / сост. М. А. Терский. Киев: Тип. аренд. Д. Повальским, 1877. 271 с.
15. Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Т. 12. Ч. 1. Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный и пожарный. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. 664 с.
16. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2003. 622 с.
17. Ельяшевич Ф. Договор по телефону // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 7. С. 294–300.
18. Катков В. Д. Заключение договоров при посредстве электричества // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 7. С. 77–88.
19. Устав телеграфный. Изд. 1876 г. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1876. 19 с.
20. Новый закон о видах на жительство. СПб.: Изд. книгопродавца В. И. Губинского, 1897. 33 с.
21. Русский купец или руководство для занимающихся или желающих заниматься коммерческими делами / сост. А. Березовский. М.: Изд. книгопродавца Я. О. Богданова, 1867. 636 с.
22. Адресная книга С.-Петербургского биржевого купечества, биржевых маклеров и браковщиков при С.-Петербургском порте...: [текст по 1 апреля 1877 г.]. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1877. 151 с.

References

1. Muromtsev S.A. The civil law of Ancient Rome. Moscow: Tip. A.I. Mamontova i Ko; 1883. 697 p. (In Russ.)
2. Dyuvernua N.L. Readings on civil law. Introduction and general part. St. Petersburg.: Tip. M. M. Stasyulevicha; 1905. 286 p. (In Russ.)
3. Meier D.I. Russian civil Law. St. Petersburg: Tip. M. Merkusheva; 1910. 736 p. (In Russ.)
4. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. Kazan': Izd. kn. magazina Br. Bashmakovykh; 1902. 793 p. (In Russ.)
5. Evetskii A.A. About the contract between the absent. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava* = *Journal of Civil and Criminal Law*. 1880;(9):110–121. (In Russ.)
6. Chebotarev G.A. Commercial correspondence. A guide to the study of rules, customs and forms of trade relations. Theory and practice. Rostov-on-Don: Tip. A. Slavgorodskago, 1907. 144 p. (In Russ.)

7. Bertgol'dt G.V. (ed.) The trade charter. About clerks, attorneys and commission agents, partnerships: full, on faith and artel. Moscow: Izd. Yurid. kn. magazina F. V. Busygina; 1900. 326 p. (In Russ.)
8. The charter of the Odessa artel of messengers. Odessa: Slavyanskaya tip.; 1882. 23 p. (In Russ.)
9. The charter of the Kharkov artel of messengers. Khar'kov: Tip. I. M. Varshavchika; 1895. 18 p. (In Russ.)
10. The charter of the First railway artel in St. Petersburg. St. Petersburg: Tipo-litogr. K. Fel'dman; 1910. 33 p. (In Russ.)
11. The Charter of the Second Odessa artel of messengers. Odessa: Tip. Gladkova i Prishchenova; 1904. 24 p. (In Russ.)
12. The charter of the Saratov artel of messengers. Saratov: Tip. "Energiya"; 1911. 24 p. (In Russ.)
13. Collection of legalizations on the notarial part. St. Petersburg: Tip. A. Morigerovskago; 1868. 340 p. (In Russ.)
14. Terskii M.A. (ed.) A notarial collection for the guidance of junior notaries, compiled from the Notarial Regulations and the necessary articles of the IX, X, XI volumes of the Code of Laws. Kiev: Tip. arend. D. Poval'skim; 1877. 271 p. (In Russ.)
15. Code of Laws of the Russian Empire, editions of 1857. Vol. 12. Part 1. Charters of communication routes, postal, telegraphic, construction and fire. St. Petersburg: Tip. 2 Otd. Sobstv. E.I. V. kantselyarii; 1857. 664 p. (In Russ.)
16. Pobedonostsev K.P. The course of civil law. Part 3: Contracts and obligations. Moscow: Statut; 2003. 622 p. (In Russ.)
17. El'yashevich F. Contract by phone. *Zhurnal Ministerstva yustitsii = Journal of the Ministry of Justice*. 1910;(7):294–300. (In Russ.)
18. Katkov V.D. Conclusion of contracts through electricity. *Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete = Journal of the Law Society at the Imperial St. Petersburg University*. 1896;7:77–88. (In Russ.)
19. The Charter is telegraphic. Izd. 1876 g. St. Petersburg: Tip. 2 Otd. Sobstv. E. I. V. Kantselyarii; 1876. 19 p. (In Russ.)
20. New law on residence permits. St. Petersburg: Izd. knigoprodavtsa V.I. Gubinskago; 1897. 33 p. (In Russ.)
21. Berezovskii A. (ed.) The Russian merchant or a guide for those engaged or willing to engage in commercial affairs. Moscow: Izd. knigoprodavtsa Ya. O. Bogdanova; 1867. 636 p. (In Russ.)
22. Address book of the St. Petersburg stock exchange merchants, stockbrokers and brokers at the St. Petersburg Port...: [Text to April 1, 1877]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk; 1877. 151 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Трофимов Антон Александрович, аспирант кафедры гражданского права и процесса, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, e-mail: legist60@mail.ru, ORCID 0009-0001-9832-4729

Anton A. Trofimov, Post-Graduate Student, Department of Civil Law and Process, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, e-mail: legist60@mail.ru, ORCID 0009-0001-9832-4729

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.1

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-85-98>

Право на изображение: эволюция правового регулирования и трансформация доктринальных воззрений

В. В. Саркисян¹ ✉¹ Южный федеральный университет

ул. Большая Садовая, д. 105/42, г. Ростов-на-Дону 344006, Российская Федерация

✉ e-mail: veronika.sarkisian@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В условиях стремительного технологического прогресса, цифровизации и глобализации возрастают риски несанкционированного использования визуальных данных и иных элементов персонализации личности. Хронологический анализ позволяет выявить эволюцию теоретических и законодательных подходов, начиная с Русской правды до современных норм Гражданского кодекса Российской Федерации. Понимание периодизации формирования законодательства о праве на собственное изображение способствует более глубокому осмыслению релевантных проблем и вызовов, таких как защита цифровых изображений и виртуальных аватаров, создание цифровых двойников и их правовое регулирование. Современные технологии требуют адекватных правовых механизмов для защиты визуальной идентичности личности, что особенно актуально в условиях цифровой трансформации общества. Таким образом, исследование правового регулирования права на изображение и его исторических аспектов не только обогащает теоретическую базу, но и позволяет разработать эффективные правовые инструменты для охраны интересов граждан в современных реалиях.

Цель состоит в исследовании истории и современного состояния законодательного регулирования права на изображение в России, а также рассмотрении различных подходов к определению понятия изображения.

Задачи исследования: определить исторические этапы становления и развития права на изображение в законодательных актах России; исследовать теоретические разработки ученых о праве на собственное изображение; определить признаки и сущностные свойства различных подходов к определению понятия изображения; оценить современное состояние законодательного регулирования права на изображение.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались общенаучные методы (анализ, синтез), исторический метод и методы юридической науки (формально-юридический).

Результаты исследования отличает прикладной характер, направленный на повышение эффективности гражданско-правового регулирования права на изображение.

Вывод. Технологические инновации требуют адаптации действующего законодательства о праве на изображение для пресечения злоупотреблений и неправомерных действий, введение права на образ и включение положений о неприкосновенности поможет защитить права граждан в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: изображение; авторское право; нематериальные блага; личные неимущественные права; биометрические данные; цифровой профиль.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Саркисян В. В. Право на изображение: эволюция правового регулирования и трансформация доктринальных воззрений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 85–98. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-85-98>

Поступила в редакцию 28.06.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Image rights: the evolution of legal regulation and the transformation of doctrinal views

Veronika V. Sarkisyan¹ ✉

¹ Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

✉ e-mail: veronika.sarkisian@yandex.ru

Abstract

Relevance. In the context of rapid technological progress, digitalization and globalization, the risks of unauthorized use of visual data and other elements of personality personalization are increasing. Chronological analysis reveals the evolution of theoretical and legislative approaches, starting from the Russian Truth to the modern norms of the Civil Code of the Russian Federation. Understanding the periodization of the formation of legislation on the right to one's own image contributes to a deeper understanding of relevant issues and challenges, such as the protection of digital images and virtual avatars, the creation of digital doubles and their legal regulation. Modern technologies require adequate legal mechanisms to protect the visual identity of a person, which is especially important in the context of digital transformation of society. Thus, the study of the legal regulation of the right to an image and its historical aspects not only enriches the theoretical base, but also allows us to develop effective legal tools to protect the interests of citizens in modern realities.

The purpose is to study the history and current state of legislative regulation of the right to an image in Russia, as well as to consider various approaches to defining the concept of an image.

The objectives of the study: to determine the historical stages of the formation and development of the right to an image in the legislative acts of Russia; to investigate the theoretical developments of scientists on the right to one's own image; to determine the signs and essential properties of various approaches to defining the concept of an image; to assess the current state of legislative regulation of the right to an image in Russia.

Methodology. In the process of working on the research, general scientific methods (analysis, synthesis), historical method and methods of legal science (formal legal) were used.

Results. The study found distinguished by their applied nature, aimed at improving the effectiveness of civil law regulation of the right to an image.

Conclusion. Technological innovations require the adaptation of current legislation on the right to an image to curb abuse and misconduct, the introduction of the right to an image and the inclusion of provisions on inviolability will help protect the rights of citizens in the context of digital transformation.

Keywords: image; copyright; intangible benefits; personal non-property rights; biometric data; digital profile.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation Sarkisyan V.V. Image rights: the evolution of legal regulation and the transformation of doctrinal views. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):85–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-85-98>

Received 28.06.2024

Accepted 30.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Появление фотографии в 1830-х гг., затем кинематографа, телевидения и Интернета остро поставили вопрос о праве лица на собственное изображение. В эпоху до изобретения названных средств фиксации и распространения изображе-

ний визуализации людей были ограничены портретной живописью и другими формами изобразительного искусства, которые для создания требовали значительных затрат времени и ресурсов. Вместе с тем техническое развитие сделало возможным быстрое и массовое воспроизведение внешности человека, что вы-

звало необходимость регулирования правовых аспектов использования таких фиксаций облика. В связи с тем, что визуальный поворот обладает онтологическим и эпистемологическим статусом, и зрительный элемент начал доминировать над вербальным, в современном мире образы медийных личностей активно используются в компьютерных играх, рекламе, дизайне интерьеров и других коммерческих целях. Подобное повсеместное применение поднимает важные вопросы о праве на использование изображения, о защите личных прав и возможности контроля за распространением визуальных образов. В действующем законодательстве нет определения права на изображение, не раскрывается содержание названного права, что не позволяет определить его место в системе гражданских прав, выбрать и реализовать надлежащие способы защиты нарушенных прав, что осложняет правоприменительную практику и порождает дискуссии в научном сообществе. Одни исследователи рассматривают изображение как объект материального мира, другие понимают как нематериальное благо, существуют также мнения о необходимости рассматривать изображение как вид персональных данных, биометрическую информацию или даже цифровой профиль человека. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и создания цивилизованной практики использования изображений, чтобы обеспечить защиту личных прав и интересов граждан в условиях современной информационной среды.

Методология

Для решения поставленных задач применялись общенаучные методы (анализ, синтез), исторический метод и методы юридической науки (формально-юридический).

Методология настоящего исследования во многом базируется на общелогических методах, в частности таких, как

анализ и синтез, что позволяет сравнивать и противопоставлять буквальное и системное толкование правовых актов. Используя их, автор провел детальный анализ проблематики, связанной с определением права на изображение. Исторический метод позволил исследовать хронологию развития отечественного правового регулирования отношений, возникающих по поводу использования изображений.

Формально-юридический метод исследования заключался в изучении российского законодательства, регулирующего право на изображение, а также применимой судебной практики, на основании чего были сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства.

Результаты и их обсуждение

Развитие законодательного регулирования права на изображение в России

Право на изображение – важный аспект защиты нематериальных благ, который имеет долгую и сложную историю развития в России. Понимание и регулирование этого права эволюционировали на протяжении веков, начиная с древнерусских правовых норм и до современного законодательства. Историю становления права на изображение необходимо рассматривать комплексно, как с точки зрения формирования концепции естественных прав человека, так и возникновения правовых представлений об институте интеллектуальных прав.

Некоторые авторы отмечают [1], что охрана нематериальных благ в том или ином виде обнаруживается в Русской правде (например, ст. 67 «О бороде» действительно скорее была направлена на защиту чести и достоинства, чем на возмещение вреда, причинённого здоровью потерпевшего), в Уставе Князя Ярослава о церковных судах (в частности, ст. 30 регламентировала ответственность за оскорбление супруги) и т. п., однако жизнь, здоровье, свобода и честь челове-

ка в качестве объектов защиты впервые были названы в 1832 г. в Своде законов Российской империи (том XV, раздел 10). В период подготовки названного кодифицированного акта поднимался и вопрос юридического обоснования авторского права в России. Можно выделить ряд особенностей, присущих интеллектуальному праву XIX в.: во-первых, первоначально к объектам правовой охраны относились только литературные произведения, во-вторых, на них распространялся правовой режим движимых вещей (§ 135 Цензурного устава 1828 г. «...имущество благоприобретенное»), в-третьих, права на созданное произведение принадлежали автору, что представляется явным противопоставлением ранее принятому порядку выдачи привилегий государством определенным издателям в ущерб интересам создателей. В 1860-х гг. Россия подписала двусторонние международные соглашения о признании исключительных прав иностранных граждан, в связи с чем существенно расширилось понятие интеллектуальной собственности (драматические и музыкальные издания, картины, рисунки, скульптуры ...и другие произведения искусства и культуры – ст. 2 Конвенции между Россией и Францией 1861 г., ст. 2 Конвенции между Россией и Бельгией 1862 г. [2, с. 560, 564]).

В рамках настоящего исследования важным этапом представляется принятие в 1911 г. Закона об авторском праве, где отдельная глава посвящена фотографиям. Особый интерес представляет ст. 59, в которой по общему правилу исключительные права на произведение принадлежат автору, вместе с тем если речь идет о создании портрета, то права принадлежат заказчику. Несмотря на то, что в доктрине уже имелись разработки относительно прав на собственное изображение, в данном случае, как отмечает И. А. Покровский, нормативному закреплению подлежали «соображения не авторского права, а права собственности [3]», защита

интересов лица, оплатившего услуги по созданию снимка. С данной позицией следует согласиться, поскольку в законе не упоминается лицо, чья визуализация представлена в произведении, речь идет лишь о заказчике.

В советский период ситуация существенно не изменилась: ГК РСФСР 1922 г. не включал ни норм о нематериальных благах, ни положений авторского права. В 1925–1928 гг. был принят ряд постановлений «Об основах авторского права», задача которых состояла в установлении новой социально-политической идеологии и которые не содержали догматических изменений относительно понимания природы интеллектуальных прав. Отметить можно лишь закрепление открытого перечня объектов авторских прав и упоминание фотографических произведений (ст. 4). В 1929–1930 гг. было издано несколько ситуативных актов, регулирующих отдельные аспекты правоотношений в сфере авторского права, тем не менее основным способом заполнения правовых пробелов вплоть до 1960-х гг. стали типовые авторские договоры, которые оперативно решали казуистические задачи.

Существенные преобразования произошли с принятием Основ гражданского законодательства СССР 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г. Так, ст. 1 ГК РСФСР 1964 г. в качестве предмета гражданско-правового регулирования закрепила личные неимущественные отношения, ст. 7 устанавливала последствия умаления чести и достоинства, ст. 10 раскрывала содержание правоспособности человека, включая субъективные права автора произведения и иные личные неимущественные права, ст. 499 предусматривала способы защиты нарушенных личных неимущественных прав автора. Центральное значение для целей настоящей работы имеет ст. 514, установившая правило о необходимости получения согласия изображенного в произведении искусства лица на опубликование, воспроизведение и распростра-

нение, которое действует и в современной России в несколько адаптированной к текущим реалиям редакции. Последним этапом формирования советского интеллектуального права можно признать присоединение в 1973 г. к Всемирной конвенции об авторском праве.

В 1993 г. был принят Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах», ст. 6 которого называла в качестве объекта авторских прав изображение, вместе с тем ни названный акт, ни ГК РФ 1994 г. в первоначальных редакциях не содержали положений о праве на изображение. При этом в Модельный ГК СНГ 1994 г. была включена ст. 20 «Право на собственное изображение», закреплявшая порядок использования визуализации и случаи свободного опубликования и распространения¹. В свою очередь, в 1999 г. в Модельном законе «О персональных данных» хотя прямо и не называется наружность человека в качестве идентифицирующей информации, но упоминаются «опознавательные данные, личные характеристики» (ст. 2)².

Действующее законодательство РФ содержит нормы о праве на изображение в гл. 8 ГК РФ (специальная норма – ст. 152.1 – впервые была закреплена в 2006 г.), вместе с тем дефиниция в ГК РФ не раскрывается, лишь перечисляются формы восприятия образа. Статья 152.1 указывает на необходимость получения согласия изображенного лица (в случае

его смерти – детей, супруга, в случае их отсутствия – родителей) для обнародования и использования визуализации, обозначаются три исключения из общего правила. Следует обратить внимание на законодательное упущение и отсутствие упоминания права на неприкосновенность изображения. В то же время лицо, получившее согласие гражданина в соответствии со ст. 152.1 ГК РФ, может понимать термин «использование» широко и считать себя уполномоченным на внесение в изображение изменений. На наш взгляд, недопустимо подразумевать согласие на модификацию изображения с учетом уровня развития текущих цифровых средств, в частности технологий, направленных на соединение и наложение изображений, и аппаратно-программных методов изменения изображения. Кроме того, в статье регламентированы способы восстановления нарушенного права, а отдельные квалифицированные виды правонарушений, такие как ответственность за распространение интимных фотографий несовершеннолетних, предусмотрены в УК РФ (ст. 242.1) и КоАП РФ (ст. 6.20). Термин «изображение» также встречается в Основах законодательства РФ о нотариате (ст. 84).

Высшие судебные инстанции давали некоторые разъяснения относительно применения ст. 152.1 ГК РФ. Так, в Обзоре практики Конституционного Суда РФ за 2019 год (п. 45) толкованию подверглось понятие «публичный интерес» и сделан вывод о недопустимости без согласия гражданина осуществлять публикацию его фотографий, если целью указанных действий является «удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни либо извлечение прибыли». Ранее по этому вопросу уже высказывалась аналогичная позиция в Постановлении Пленума ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16 (п. 25) и в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 (п. 44). В последнем из упомянутых актов вдобавок раскрывается понятие обнародования

¹ Модельный Гражданский кодекс для государств-участников СНГ (часть первая): [принят постановлением Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 29.10.1994] // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 1995. № 6.

² Модельный закон «О персональных данных»: [принят постановлением на четырнадцатом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 16.10.1999 № 14–19] // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 2000. № 23.

(пп. 43) и определяется правовая природа согласия на использование изображения (п. 45–47, 49). Постановление Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 отмечает недопустимость применения норм об интеллектуальной собственности, в том числе специальных способов защиты, и в целом понимания права на изображение как исключительного (п. 34).

История развития правовой мысли о праве на собственное изображение в отечественной доктрине

Параллельно с законотворческой деятельностью право на изображение активно разрабатывалось в научных исследованиях. В конце XIX в. юридическая доктрина занималась попытками определения места авторских прав в системе гражданских прав, установления баланса между интересами автора, издателя, государства и созданием эффективных нормативных правил. Большое внимание уделялось переводу и анализу зарубежных исследований, установлению влияния книгопечатания и законодательных решений о выдаче привилегий на индустрию в целом, а также осуществлялись попытки обозначения структуры авторских правоотношений [2]. В дополнение можно выделить пласт исследований, направленных на критику проектов закона об авторском праве, где обосновывалась необходимость разработки нового подхода к пониманию «принадлежности» прав авторов и уход от «устарелой теории авторского права как собственности *sui generis*», предлагалось изменение формулировок [4] или исключение некоторых объектов, например фотографий, в связи с «примыканием к области механического производства» и отсутствием «выражения идей» [5, с. 92] и т. п.

Однако права лиц, изображенных в произведениях, не обсуждались и приоритет отдавался защите прав авторов результатов творческой деятельности, в связи с чем отдельного освещения заслуживает доклад А. В. Завадского, уделившего внимание интересам изображаемого

лица. Автор, изучив немецкие, английские, французские и бельгийские судебные споры, впервые отмечает необходимость получения согласия лица на воспроизведение и распространение его художественного образа, предлагает, как минимум, предоставлять исключительные права на портрет заказчику либо рассматривать право на собственное изображение как право личности сообразно немецкому подходу [6, с. 5]. Впоследствии Я. А. Канторович в своем труде в обособленную группу выделяет такие объекты авторских прав, как портреты и бюсты, поскольку они связаны с «личным интересом лица, с которого написаны», и указывает на необходимость определения баланса между правом на собственное изображение и имущественными интересами художника [7, с. 258, 263, 266]. Исследователь справедливо отмечает, что этот вопрос должен решаться не в рамках закона об авторских правах, а посредством разработки концепции личных прав, и приводит в качестве примера обобщения французских судей о необходимости получения согласия изображенного лица (в случае его гибели – членов семьи) вне зависимости от его рода деятельности (политик, артист и т. д.), поскольку «воспроизведение есть право личное», а также делает вывод о необходимости рассмотрения посягательств на личность не с точки зрения авторского закона, а в «общеуголовной области».

В дальнейшем И. А. Покровский подчеркивал, что экономическое и культурное развитие усиливает осознание личности как носителя субъективных прав и наращивает потребность в праве на индивидуальность [3, с. 98, 99, 103], что способствует выделению нематериальных интересов и прав на «интимные стороны». В качестве наиболее значимого личного права ученый называет право на имя, вместе с тем защита внешности также упоминается, и нарушением назы-

вается не просто воспроизведение облика, но и словесный портрет.

В связи с общественно-политической трансформацией изыскания в области личных и авторских прав в начальный период советской истории были приостановлены, и следующим значимым этапом следует признать работу Е. А. Флейшиц о личных правах, где в отдельную категорию были выделены «высоко личные» права человека, к которым относятся право на имя, честь, изображение, голос, тайна переписки и неимущественные права авторов [8, с. 91]. Ученый, несмотря на рассмотрение зарубежных судебных тяжб и нормативных актов, приходит к заключению о неотчуждаемости и неограниченности названных прав, однако основывается данный тезис на социалистических реалиях («нет места связанным со специфическими приемами капиталистической рекламы договорам об использовании фамилии граждан»). Вместе с тем присутствуют попытки представить ситуацию, в которой советским гражданином может быть применена договорная конструкция, направленная на предоставление права использования личными правами, и в том случае, во-первых, должно быть предоставлено право на односторонний отказ с обязанностью возмещения понесенных другой стороной расходов, во-вторых, должен допускаться «перенос на другое лицо осуществление права», но не отчуждение [9, с. 164].

В современных научных работах можно выделить два основных подхода к определению понятия «изображение». Первая группа ученых, к которой можно отнести Н. А. Аблятипову [10], К. Н. Евдокимову [11], А. А. Николаеву [1], понимают изображение как объект материального мира, содержащий объективные признаки человека, позволяющие установить его личность. Правоприменители также склоняются к предметной концепции и под изображением понимают «индивидуальный облик, запечатленный в

какой-либо объективной форме»¹. Другие правоведы, такие как А. М. Эрделевский [12], А. С. Мограбян [13], А. А. Алтухова [14], М. Н. Малеина [15], Т. А. Фадеева [16], С. П. Гришаев [17], понимают изображение (внешний облик) как нематериальное благо, неотделимый элемент личности, направленный на индивидуализацию в социуме. Многие исследователи обращали внимание на необходимость разграничения названных категорий [18] (изображение как воспроизведение облика и как визуальные объективные признаки человека), подчеркивая двойственный характер [19], наличие как неимущественного, так и имущественного компонентов [20, с. 6], именуя изображение правовым гибридом [1]. На основании исследованной литературы можно представить следующую классификацию применения термина «изображение»:

1. *Внешний облик как нематериальное благо*, которое характеризуется неотчуждаемостью и неотделимостью от личности, отсутствием экономического содержания, направленностью на обеспечение жизнедеятельности личности, неприкосновенностью и изменчивостью (во-первых, речь идет о гетерокинетики, во-вторых, по воле лица могут быть произведены вмешательства, как связанные с эстетическими предпочтениями, так и по состоянию здоровья или в результате несчастного случая). В данном случае презюмируется наличие личных неимущественных прав, однако существует дискуссия о месте рассматриваемого права в системе личных прав. Так, некоторые придерживаются самостоятельности названного абсолютного субъективного гражданского права [21], другие

¹ Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 30.09.2013 // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/116855519/>; Апелляционное определение Московского городского суда от 12.09.2017 по делу N 33-36381/2017 // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/149620666/> (дата обращения: 23.05.2024)

считают структурным элементом права на неприкосновенность [10], часть исследователей обозначают связь с правом на личную неприкосновенность, тайной личной и семейной жизни, достоинством, честью и добрым именем [22].

2. *Изображение как объективная форма*, которая представляет собой фиксацию на любом носителе, как аналоговом, так и цифровом, индивидуальных черт человека, обладающая такими специфическими характеристиками, как предметность и отличимость.

В свою очередь, объективируемый образ может воплощаться в двух формах:

– как произведение искусства (объект авторских прав), к определяющим критериям которого следует относить объективную форму и творческий вклад автора, который предполагается. В рассматриваемой ситуации пересекаются как личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности, неимущественные права изображенного лица, так и исключительные права создателя или иного правообладателя и права собственника оригинала;

– как копирование свойств реального объекта, созданное без творческого труда [19], простое описание [23], воплощенное в действительность как посредством автономных систем и технических средств [1] (камерами наблюдения), так и посредством точной фиксации [24] (фотографии для паспорта). В таком примере можно выделить только право на собственное изображение и в некоторых случаях вещные права обладателя материального объекта.

3. *Средство индивидуализации гражданина*, объединяющее объективные признаки наружности человека, социальные и физиогномические данные [25]. Изображение относится к средствам индивидуализации наряду с подписью, именем, псевдонимом, доменным именем, местом жительства и определяется как информация, позволяющая идентифицировать человека как субъекта граж-

данских правоотношений. Некоторые исследователи считают, что необходимо дополнить законодательство правами на средства индивидуализации, другие предлагают расширить ст. 1225 ГК РФ, соответственно, распространить на них исключительные права [26].

4. *Форма предоставления информации о наружности человека как вид персональных данных* [27]. Здесь выделяют:

– биометрические данные, которые визуализируются и становятся неотъемлемой частью изображения для создания цифрового образа [28], служащие для идентификации личности. Статья 11 Федерального закона «О персональных данных» определяет биометрические данные как сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на которые у лица возникают так называемые информационные права [20]: право на доступ (ст. 14), право на обжалование действий оператора (ст. 17) и т. д.;

– виртуальные данные (аватары) [29, с. 221], целью создания которых является самопрезентация и персонификация пользователя на платформах протоселенной (подробнее о понятии и правовой природе аватара см. [30]) и возникающие по поводу них права гражданина на цифровую личность.

5. *Цифровая трехмерная модель (цифровое воплощение)*, под которой понимается моделирование внешности человека для целей биопринтинга [31, с. 687]. Для материальной реализации, т. е. печати органов и тканей, необходимо создание очень подробного и точного «цифрового шаблона» (CAD-files). В литературе высказывается мнение об установлении исключительных прав на подобные модели, в связи с чем возникает вопрос об их соотношении с личными неимущественными правами субъекта-заказчика, чье тело было модифицировано посредством клеточной печати.

6. *Цифровой профиль (копия личности)* [28, с. 28] определен в ст. 3 Модель-

ного закона «О цифровых правах» СНГ¹ как объемное изображение гражданина в информационной системе и иная информация о нем, позволяющая с помощью нейросетей моделировать поведение субъекта в метавселенной. Статья 6 закрепляет право на цифровой образ, которое очень схоже с закрепленным в ст. 152.1 ГК РФ правом на изображение: во-первых, устанавливается возможность использования синтетического облика только с согласия физического лица, а в случае его смерти – родителей, детей и пережившего супруга, закрепляется исключение из названного правила; во-вторых, устанавливается ответственность за противоправное поведение. Однако в связи с симулятивной природой объекта закрепляется и ряд особенностей: так разрешается создание цифрового образа по договору, обозначается неимущественный характер, неотчуждаемость и непередаваемость образа, а также отсутствие у цифровой копии правосубъектности.

7. *Визуальный образ*, который охватывает внешний вид, отличительные черты в манерах поведения, голосе, стиле, жестах, одежде и др. [32, с. 145] Предложения о дополнении нематериальных благ категорией «голос» и о его «товаризации» неоднократно встречаются в юридической литературе [1; 33], кроме того, предлагалось включение в ГК РФ «личностных прав» [34, с. 12], вместе тем доктринального развития названные идеи не получили. Тем не менее термин «образ» уже используется как в международных правовых актах, как было показано выше, так и в национальном законодательстве Российской Федерации, к примеру, в ст. 5, 21, 26, 27 Закона «О ре-

кламе», где речь идет об использовании образов медицинских работников, несовершеннолетних, людей и животных.

Под образом следует понимать визуальное представление о человеке, состоящее из широкого спектра физических, выразительных, контекстуальных, психологических и социальных элементов, которое включает в себя, но не ограничивается следующими характеристиками: внешность, манера речи, голос, жесты, стиль одежды и любые другие уникальные признаки, которые могут позволить идентифицировать человека. Технологическое развитие способствует необходимости законодательного расширения понятия изображения, которое в нынешней редакции регулирует статический иконический образ человека, оставляя вне правового поля все сопутствующие особенности личности, что приводит к недостаточной защите интересов личности в цифровом пространстве. Например, благодаря нейросетям голографические двойники людей могут несанкционированно воспроизводить их голос, движения, жесты и т. п., что приводит к недостаточной защите прав личности в цифровом пространстве. Для адекватной охраны личности и обеспечения правовой определенности необходимо введение права на образ в ГК РФ, которое охватит все аспекты визуального и аудиовизуального представления человека, включая голос, манеры и другие индивидуальные черты, и позволит распространить регулирование на такие формы фиксации и использования облика, как цифровые двойники, голограммы и синтетические голоса, создав правовые механизмы для защиты от неправомерного использования и модификации. Введение собирательной категории позволит создать комплексную систему правовой поддержки прав личности, учитывающую все аспекты идентичности человека, обеспечит правовую определенность и потенциально снизит количество судебных споров.

¹ Модельный закон «О цифровых правах» (приложение к постановлению Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 14.04.2023 N 55–12) // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 2023. № 78, ч. 2.

Выводы

Нормы о праве на изображение развивались постепенно и находились под влиянием социальных, экономических и технологических изменений, кроме того, можно обнаружить непосредственную взаимосвязь развития законодательства о личных и интеллектуальных правах и естественно-правовой теории происхождения права, признания прав личности, защиты прав и свобод гражданина. Начиная с эпохи Просвещения особое внимание уделялось разуму, самоценности и правам человека, поскольку такие мыслители, как Джон Локк, отстаивали неотъемлемые права личности, включая жизнь, свободу и собственность, в том числе интеллектуальную, чем заложили основу как для личных прав человека, так и для авторского права. Расцвет индивидуализма способствовал формированию и правовой культуры, в которой начали цениться свобода, самовыражение и персональные достижения. Российская юриспруденция постепенно принимала рассматриваемые идеи, пытаясь обеспечить компромисс между свободой творчества, личными правами, экономическими и общественными интересами.

Эволюция права на изображение в России демонстрирует сложный путь от фрагментарных упоминаний в древнерусских правовых актах до прямого закрепления в современном законодательстве.

В современных научных работах отмечается дифференцированный подход к понятию изображения: некоторые ученые считают, что изображение – это неотделимый элемент личности, направленный на индивидуализацию в социуме, а другие – что оно является объективной формой, представляющей собой фиксацию индивидуальных черт человека. В последние годы появились новые понятия, такие как цифровая модель, цифровой профиль, цифровая копия личности, нуждающиеся в дополнительном изучении и определении правовых аспектов. Технологические инновации (в частности, цифровые изображения, голографические двойники и биопринтинг), требуют адаптации действующего законодательства для пресечения злоупотреблений и неправомерных действий. Введение права на образ и включение положений о его неприкосновенности позволит эффективнее защитить права граждан в условиях цифровой трансформации.

Список литературы

1. Николаева А. А. Актуальные проблемы использования изображения граждан в процессе творческой деятельности // Право и политика. 2014. № 11. С. 1709–1717.
2. Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. СПб.: Тип. М. И. Попова, 1878. 568 с.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. СПб.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 328 с.
4. Пиленко А. А. К вопросу о Проекте закона об авторском праве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 6(34). С. 127–138.
5. Беляцкий С. А. Новое авторское право в его основных принципах. СПб.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1912. 151 с.
6. Завадский А. В. О праве на собственное изображение. Казань: Типо-литогр. Импер. ун-та, 1909. 29 с.
7. Канторович Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. 2-е изд., знач. доп. Пг.: Тип. АО б. «Брокгауз-Ефрон», 1916. 791 с.

8. Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1941. 207 с.
9. Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. 512 с.
10. Аблятипова Н. А., Волкова И. Ю. Право гражданина на неприкосновенность изображения: анализ эффективности правоприменительной практики при определении критериев неправомерности использования // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 251–260.
11. Евдокимова К. Н. Понятие и правовое регулирование изображения человека в гражданском праве // Инновационная наука. 2021. № 12–1. С. 67–69.
12. Эрделевский А. М. Об охране изображения гражданина // Законодательство. 2007. № 7. С. 9–13.
13. Мограбян А. С. Внешний облик физического лица как объект субъективного права на неприкосновенность внешнего облика // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2011. № 9. С. 102–106.
14. Алтухова А. А. Охрана изображения в социальных сетях // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 195–207.
15. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. 242 с.
16. Фадеева Т. А. Личные права и обязанности граждан в семейных правоотношениях // Правоведение. 1988. № 2. С. 62–65.
17. Гришаев С. П. Право гражданина на изображение // Гражданин и право. 2012. № 9. С. 48–53.
18. Ширшикова М. В. Согласие на использование изображения гражданина как элемент системы защиты неприкосновенности частной жизни // Вестник магистратуры. 2018. № 5–4 (80). С. 161–162.
19. Фридман В. Э. Право на изображение: особенности правового регулирования и способы защиты // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 8. С. 45–56.
20. Донников Ю. Е. Значение институтов согласия на использование изображения гражданина и согласия на обработку персональных данных для регулирования рынка гражданского оборота данных // Хозяйство и право. 2022. № 3. С. 53–61.
21. Шерстобитов А. Е. Гражданско-правовое регулирование права на честь, достоинство и деловую репутацию и права на изображение гражданина // Гражданское право. 2023. № 2. С. 8–13.
22. Мазаев Д. В. Охрана изображения гражданина в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 6 (113). С. 103–113.
23. Свиридова Е. А. Основные подходы в правоприменительной практике при защите права на изображение // Образование и право. 2016. № 1. С. 92–101.
24. Никиташина Н. А. Фотография как источник исторического исследования и объект авторского права // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2019. № 27. С. 133–135.
25. Омарова Ю. А. О гражданско-правовых средствах индивидуализации граждан // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4 (100). С. 36–40.
26. Бодров Р. И. Средства индивидуализации физических лиц: эволюция и расширение сферы их применения в условиях рынка // Право и государство. 2015. № 2 (67). С. 39–42.

27. Иванов А. В. Изображение гражданина и биометрический образ как объект гражданских прав в Российской Федерации и Республике Беларусь // Закон и право. 2024. № 4. С. 141–146.
28. Богустов А. А. Цифровой образ (цифровая копия личности) в системе объектов гражданских прав: опыт модельного законодательства // Юридический вестник Самарского университета. 2023. № 4. С. 25–31.
29. Четвергов Д. С. Правовой режим аватара: регулирование оборота цифрового образа личности в метавселенной // Юридическая наука. 2023. № 7. С. 217–223.
30. Саркисян В. В., Федорова И. В. К вопросу о правосубъектности аватара в метавселенной // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. № 1. С. 114–119.
31. Богданов Д. Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 50. С. 678–704.
32. Гринь Е. С. Виртуальный образ как объект правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 143–148.
33. Слипченко С. А. Некоторые вопросы теории и практики личных неимущественных прав // Цивилист. 2011. № 2. С. 42–47.
34. Колосов В., Шварц М. Право на изображение в российском праве с учетом зарубежного опыта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2008. № 3. С. 4–12.

References

1. Nikolaeva A.A. Actual problems of using images of citizens in the process of creative activity. *Pravo i politika = Law and politics*. 2014;(11):1709–1717. (In Russ.)
2. Tabashnikov I.G. Literary, musical and artistic property from the point of view of the science of civil law and according to the regulations of the legislatures of Northern Germany, Austria, France, England and Russia. St. Petersburg: Tip. M.I. Popova; 1878. 568 p. (In Russ.)
3. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. St. Petersburg: Pravo; 1917. 328 p. (In Russ.)
4. Pilenko A.A. On the issue of the Draft law on copyright. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2017;(6):127–138. (In Russ.)
5. Byalyatskin S.A. New copyright in its basic principles. St. Petersburg: Pravo; 1912. 151 p. (In Russ.)
6. Zavadsky A.V. On the right to own an image. Kazan: Typolithogr. Imp. un-ta; 1909. 29 p. (In Russ.)
7. Kantorovich Ya.A. Copyright for literary, musical, artistic and photographic works. 2nd ed. Petrograd: Typ. AO b. "Brockhaus-Efron", 1916. 791 p. (In Russ.)
8. Fleishits E.A. Personal rights in the civil law of the USSR and capitalist countries. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR; 1941. 207 p. (In Russ.)
9. Fleishits E.A. Selected works on civil law. Vol. 1. Moscow: Statut; 2015. 512 p. (In Russ.)
10. Ablyatipova H.A., Volkova I.Y. The right of a citizen to the inviolability of an image: an analysis of the effectiveness of law enforcement practice in determining criteria for misuse. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*. 2021;7(1):251–260. (In Russ.)

11. Evdokimova K.N. The concept and legal regulation of the image of a person in civil law. *Innovatsionnaya nauka = Innovative science*. 2021;(12-1):67–69. (In Russ.)
12. Erdelevsky A.M. On the protection of the image of a citizen. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2007;(7):9-13. (In Russ.)
13. Mograbyan A.S. The appearance of an individual as an object of the subjective right to inviolability of appearance. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh = Sciences Journal of Volgograd State University. Young Scientists Research*. 2011;(9):102–106. (In Russ.)
14. Altukhova A.A. Image protection in social networks. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian justice*. 2022;(17):195–207. (In Russ.)
15. Maleina M.N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection. Moscow: MZ Press; 2000. 242 p. (In Russ.)
16. Fadeeva T.A. Personal rights and obligations of citizens in family relations. *Pravovedenie = Law studies*. 1988;(2):62–65. (In Russ.)
17. Grishaev S.P. The right of a citizen to an image. *Grazhdanin i pravo = Citizen and law*. 2012;(9):48–53. (In Russ.)
18. Shirshikova M.V. Consent to the use of a citizen's image as an element of the privacy protection system. *Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy*. 2018;(5-4):161-162. (In Russ.)
19. Friedman V.E. The right to an image: features of legal regulation and methods of protection. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*. 2019;(8):45–56. (In Russ.)
20. Donnikov Yu.E. The importance of institutions of consent to the use of a citizen's image and consent to the processing of personal data for regulating the market of civil data turnover. *Khozyaistvo i pravo = Economy and law*. 2022;(3):53–61. (In Russ.)
21. Sherstobitov A.E. Civil law regulation of the right to honor, dignity and business reputation and the right to the image of a citizen. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*. 2023;(2):8–13. (In Russ.)
22. Mazaev D.V. Protection of a citizen's image on the Internet. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2016;(6):103–113. (In Russ.)
23. Sviridova E.A. Basic approaches in law enforcement practice in protecting the right to an image. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2016;(1):92–101. (In Russ.)
24. Nikitashina N.A. Photography as a source of historical research and an object of copyright. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova = Bulletin of the Khakassian State University named after N. F. Katanov*. 2019;(27):133-135. (In Russ.)
25. Omarova Y.A. On civil law means of individualization of citizens. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*. 2017;(4):36–40. (In Russ.)
26. Bodrov R.I. Means of individualization of individuals: evolution and expansion of their scope in market conditions. *Pravo i gosudarstvo = Law and the State*. 2015;(2):39–42. (In Russ.)
27. Ivanov A.V. The image of a citizen and a biometric image as an object of civil rights in the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Zakon i pravo = Law and Law*. 2024;(4):141–146. (In Russ.)
28. Bogustov A.A. Digital image (digital copy of personality) in the system of objects of civil rights: experience of model legislation. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Legal Bulletin of Samara University*. 2023;(4):25–31. (In Russ.)

29. Chetvergov D.S. The legal regime of the avatar: regulation of the turnover of the digital image of a personality in the metaverse. *Yuridicheskaya nauka = Yuridicheskaya nauka*. 2023;(7):217–223. (In Russ.)

30. Sarkisyan V.V., Fedorova I.V. On the question of the legal personality of an avatar in the metaverse. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023;(1):114–119. (In Russ.)

31. Bogdanov D.E. Technodeterminism in private law: the impact of bioprinting on the development of the concept of protecting the right to a digital image. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskije nauki = Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2020;(50):678–704. (In Russ.)

32. Grin E.S. Virtual image as an object of legal protection. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of the Russian rights*. 2020;(6):143–148. (In Russ.)

33. Slipchenko S.A. Some questions of theory and practice of personal non-property rights. *Tsivilist = Civilist*. 2011;(2):42–47. (In Russ.)

34. Kolosov V., Schwartz M. The right to an image in Russian law, taking into account foreign experience. *Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual property. Copyright and related rights*. 2008;(3):4–12. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Саркисян Вероника Варгановна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: veronika.sarkisian@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7328-3828

Veronika V. Sarkisyan, Candidate of Sciences (Juridical), Senior Lecturer of the Department of Civil, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: veronika.sarkisian@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-7328-3828

**Актуальные вопросы определения условий правомерности
причинения вреда при пресечении сотрудниками
правоохранительных органов преступлений
и административных правонарушений**

А. В. Никуленко¹✉, М. А. Смирнов²

¹Санкт-Петербургский университет МВД России
ул. Лётчика Пилютова, д. 1, г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация

²Администрация Окуловского муниципального района Новгородской области
ул. Кирова, д. 6, г. Окуловка Новгородской области, 174350, Российская Федерация

✉ e-mail: nikulenkoa@mail.ru

Резюме

Актуальность. Актуальным представляется рассмотрение вопроса об условиях правомерности причинения вреда при пресечении общественно опасных посягательств сотрудниками правоохранительных органов, в частности теоретическое осмысление условий правомерности, закрепленных в «специальном законодательстве», и определение ситуаций, когда нарушение данных условий правомерности может повлечь наступление ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны. Исследование данного вопроса будет осуществляться на примере сотрудников полиции и Росгвардии.

Цель исследования заключается в теоретическом осмыслении условий правомерности причиняемого вреда на примере деятельности сотрудников полиции и Росгвардии при пресечении последними преступлений и административных правонарушений.

Задачи: выявить возможные проблемы, связанные с реализацией сотрудниками правоохранительных органов права на необходимую оборону.

Методология. Методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод познания явлений и процессов окружающей действительности. В ходе разработки теоретических положений работы также применялись формально-логический, формально-юридический, статистический, метод толкования правовых норм и другие методы.

Результаты. При решении вопроса о правомерности причиняемого вреда правоприменитель делает акцент на соблюдении сотрудниками полиции и Росгвардии условий правомерности применения силы и оружия, закрепленных в «специальном законодательстве», без учета «общих» условий правомерности необходимой обороны. Вместе с тем даже при их соблюдении сотрудники полиции и Росгвардии подвергаются уголовному преследованию за причинение вреда при применении силы и оружия.

Выводы. В рамках проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что при оценке вреда, причиняемого сотрудниками правоохранительных органов при пресечении общественно опасных посягательств, должны учитываться как общие условия правомерности необходимой обороны, так и дополнительные, закрепленные в «специальном» законодательстве.

Ключевые слова: необходимая оборона; превышение должностных полномочий; сотрудники полиции; специальные средства; оружие.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Никуленко А. В., Смирнов М. А. Актуальные вопросы определения условий правомерности причинения вреда при пресечении сотрудниками правоохранительных органов преступлений и административных правонарушений // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 99–114. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-99-114>

Поступила в редакцию 25.06.2024

Принята к публикации 01.08.2024

Опубликована 30.08.2024

Topical issues of determining the conditions for the legality of harm caused by the suppression of crimes and administrative offenses by law enforcement officers

Andrey V. Nikulenko¹ ✉, Maxim A. Smirnov²

¹St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
1 Pilyutov Pilot Str., St. Petersburg 198206, Russian Federation

²Administration of the Okulovsky Municipal District of the Novgorod Region
6 Kirova Str., Okulovka Novgorod region 174350, Russian Federation

✉ e-mail: nikulenkoa@mail.ru

Abstract

Relevance. *it seems relevant to consider the issue of the conditions for the legality of causing harm when suppressing socially dangerous attacks by law enforcement officers, in particular, the theoretical understanding of the conditions of legality enshrined in “special legislation” and the identification of situations where violation of these conditions of legality may entail liability for causing harm. harm if the limits of necessary defense are exceeded. The study of this issue will be carried out using the example of police officers and the National Guard.*

The purpose of the study *is to theoretically understand the conditions for the legality of harm caused using the example of the activities of police officers and the National Guard, when the latter suppress crimes and administrative offenses.*

Objectives. *Identify possible problems associated with the exercise by law enforcement officers of the right to necessary defense.*

Methodology. *The methodological basis of the study was the general dialectical method of cognition of phenomena and processes of the surrounding reality. In the course of developing the theoretical provisions of the work, formal-logical, formal-legal, statistical, method of interpretation of legal norms and other methods were also used.*

Results. *When deciding on the legality of the harm caused, the law enforcement officer focuses on compliance by police officers and the National Guard with the conditions for the legality of the use of force and weapons, enshrined in “special legislation” without taking into account the “general” conditions for the legality of necessary defense. At the same time, even if they are observed, police officers and the National Guard are subject to criminal prosecution for causing harm when using force and weapons.*

Conclusions. *As part of the study, the authors come to the conclusion that when assessing the harm caused by law enforcement officers when suppressing socially dangerous attacks, both the general conditions for the legality of necessary defense and additional ones enshrined in “special” legislation should be taken into account.*

Keywords: *necessary defense; abuse of official authority; police officers; special means; weapons.*

Conflict of interest: *The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.*

For citation: Nikulenko A.V., Smirnov M.A. Topical issues of determining the conditions for the legality of harm caused by the suppression of crimes and administrative offenses by law enforcement officers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(4):99–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-99-114>

Received 25.06.2024

Accepted 01.08.2024

Published 30.08.2024

Введение

По данным исследования, проведенного А. А. Кобозевым, В. Б. Коробовым, в 2022 г. впервые за последние годы зафиксирован прирост количества убийств и покушений на убийства – всего 7628 фактов (+4,0% к АППГ 2021 г.). Организованными группами или преступными сообществами совершено 26 796 тяжких и особо тяжких преступлений (+21,4% к АППГ 2021 г.). Одновременно в 2022 г. существенно увеличилось число террористических актов – до 127 (+209,8% к АППГ 2021 г.), количество разбойных нападений – на 36,0% (34 преступления) и фактов незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей и боеприпасов – на 13,5% (109 преступлений). Указанные тенденции продолжились и в 2023 г. В прошлом году организованными группами или преступными сообществами совершено 30,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+11,4% к АППГ 2022 г.), зарегистрировано 2382 преступления террористического характера (+6,7% к АППГ 2022 г.)» [1, с. 34–41].

Считаем, что изменение криминальной ситуации привело к более частому применению сотрудниками правоохранительных органов физической силы, специальных средств и оружия, в чьи обязанности входит пресечение преступлений, административных правонарушений, а также задержание преступников и правонарушителей. Так, в 2022 г. сотрудниками полиции при исполнении служебных обязанностей огнестрельное оружие применялось 1198 раз, или на 8,6% чаще, чем в 2021 г. (1103 раза)¹. Практически аналогичные данные по

применению оружия сотрудниками полиции в 2023 г.²

Вместе с тем по результатам оперативно-служебной деятельности МВД России в 2022–2023 гг. 245 случаев применения огнестрельного оружия признаны неправомерными, что составляет 80,6% от общего количества случаев неправомерного применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия³. Аналогичной статистики применения силы и оружия сотрудниками Росгвардии обнаружить в общем доступе не представилось возможным.

Полагаем, что причина неправомерного применения сотрудниками правоохранительных органов силы и оружия заключается в том, что большинство из них не имеют четкого представления об условиях правомерности причиняемого вреда при пресечении общественно опасных посягательств ввиду отсутствия хотя бы главного ориентира, будь им Уголовный кодекс или «специальное» законодательство. Так, в рамках проведенного авторами опроса 136 сотрудников полиции и Росгвардии (Новгородская область, Калининградская область, Краснодарский край, Мурманская область) с января по июль 2024 г. было установлено, что 53% опрошенных сотрудников полагают, что при пресечении ими преступлений и ад-

² Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2023 год: сб. аналитических и информационных материалов. М.: ГУРЛС МВД России, 2024. С. 63.

³ Обзор практики применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач. М.: ДГСК МВД России, 2022; Обзор практики применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия при выполнении оперативно-служебных задач. М.: ДГСК МВД России, 2023.

¹ Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2022 год: сб. аналитических и информационных материалов. М.: ГУРЛС МВД России, 2023. С. 61.

министративных правонарушений имеются пределы правомерного причинения вреда. Вместе с тем данные пределы настолько размыты, что они не могут их определить, даже находясь в учебном классе, не говоря уже о применении силы и оружия в условиях реального противостояния с правонарушителем на практике, в связи с чем сотрудники «силовых» ведомств ждут начала совершения активных действий со стороны посягателя в их отношении либо в отношении иных лиц, и только после этого решаются на активные действия – применение силы и оружия, что, к сожалению, нередко приводит к получению травм среди сотрудников силовых ведомств и даже к смерти.

Учитывая вышесказанное, представляется актуальным рассмотрение вопроса об условиях правомерности причиняемого вреда при пресечении общественно опасных посягательств в деятельности сотрудников правоохранительных органов на примере сотрудников полиции и Росгвардии.

Методология

В основу исследования положен всеобщий диалектический метод. В целях обоснования актуальности исследования был использован статистический метод. Формально-логический метод исследования использован при построении общей линии изложения материала и теоретической аргументации суждений. Формально-юридический метод позволил сопоставить положения нормативных правовых актов, практику их применения и сформулировать предложения, направленные на их совершенствование. В работе использовались и другие методы исследования.

Результаты и их обсуждения

Исходя из содержания ст. 37 УК РФ, для признания причиняемого вреда правомерным необходимо соблюдение условий правомерности, относящихся как к посягательству, так и к защите.

Анализ положений ст. 37 УК РФ показывает, что данная норма не содержит условий правомерности необходимой обороны, но данная норма закрепляет важное положение о пределах причинения вреда [2, с. 287–292].

Так, в том случае, если совершаемое общественно опасное посягательство представляет угрозу для жизни обороняющегося лица либо других лиц, то в таких случаях, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, посягающему лицу возможно причинение любого вреда, в том числе причинение смерти. В теории уголовного права такая оборона называется «беспредельной». «Беспредельная» оборона также имеет место быть и в случае внезапности нападения, когда обороняющийся из-за скоротечности нападения не в силах оценить характер и степень нападения, хотя оценить «внезапность» бывает крайне сложно, даже если делать это непредвзято.

При защите от всех иных посягательств у необходимой обороны имеются свои пределы, за превышение которых наступает уголовная ответственность по ч. 1 ст. 108 УК РФ либо по ч. 1 ст. 114 УК РФ [3, с. 49–53].

Для того чтобы причиняемый в состоянии необходимой обороны вред был признан правомерным, необходимо, как уже отмечалось выше, соблюдение определенных условий правомерности. Условия правомерности необходимой обороны выработаны доктриной уголовного права, а также судебной практикой и подразделяются на условия, которые относятся к посягательству и к защите от него.

Принято считать, что посягательство должно быть общественно опасным, наличным, действительным. В свою очередь, оборона должна быть направлена на защиту охраняемых законом интересов, вред должен причиняться исключительно посягающему лицу, и должны быть соблюдены пределы правомерного причи-

нения вреда, т. е. не превышены пределы необходимой обороны.

Немаловажно отметить, что закрепленный в ч. 3 ст. 37 УК РФ постулат, критический анализ которого позволяет сделать вывод о том, что условия правомерности необходимой обороны являются одинаковыми для всех лиц.

Но существует категория лиц, для которых законодатель существенно сужает рамки правомерного причинения вреда. Речь идет о сотрудниках правоохранительных органов, к примеру сотрудников полиции и Росгвардии, которые в силу закона наделены обязанностью по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и, как следствие, должны пресекать преступления и административные правонарушения.

Для реализации данных полномочий сотрудники правоохранительных органов наделены правом на применение физической силы, специальных средств, оружия (далее – сила и оружие), а порядок и основания применения силы и оружия закреплен в так называемом «специальном» законодательстве, например, в главе 5 Федерального закона «О полиции»¹ и в главе 3 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»² для сотрудников полиции и Росгвардии соответственно.

Учитывая, что от правильного понимания и применения на практике как положений ст. 37 УК РФ, так и положений «специального» законодательства, зависит не только порядок и покой на

улицах наших городов, но и правовая защищенность сотрудников силовых ведомств, предлагаем рассмотреть условия правомерности необходимой обороны на примере деятельности сотрудников полиции и Росгвардии, т. к. сотрудникам указанных силовых ведомств чаще всего в своей повседневной деятельности приходится сталкиваться с пресечением преступлений, административных правонарушений, с проявлением агрессии, насилием со стороны правонарушителей и, как следствие, применять силу и оружие.

Итак, посягательство должно быть общественно опасным. Сразу стоит отметить, что имеется некая рассогласованность между доктриной уголовного права, а также позицией Высшей судебной инстанции, закрепленной в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»³ (далее – постановление Пленума ВС РФ № 19), в той части, в которой уголовный закон определяет, что в рамках необходимой обороны возможно пресечение любого общественно опасного посягательства, при этом, не связывая, как нам кажется, признак общественной опасности именно с преступным деянием, а связывая его с угрозой причинения вреда правоохраняемым отношениям [4, с. 17–25]. Вместе с тем угрозу причинения вреда охраняемым правоотношениям представляет как преступное деяние, так и административное правонарушение. Но, к сожалению, судебная практика говорит об обратном. Ряд ученых также считают, что в рамках необходимой обо-

¹ О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: [послед. ред.] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 20.06.2024).

² О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ: [ред. от 08.08.2024] // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506/ (дата обращения: 20.06.2024).

³ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2012 г. № 19 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

роны возможно пресечение исключительно преступных деяний¹.

Нельзя в полной мере согласиться с такой позицией Верховного Суда РФ, т. к. она явно негативно сказывается на правовой защищенности не только сотрудников силовых ведомств, но и «обычных» граждан, решившихся исполнить свой служебный или гражданский долг – дать отпор правонарушителю. Впрочем, как очевидно показывает анализ правоприменительной практики, нередко грань между преступлением и административным правонарушением оказывается ничтожно мала, как, например, в случае причинения побоев.

Но тогда возникает вопрос, по каким правилам оценивать правомерность причинения вреда сотрудниками силовых ведомств в случае причинения вреда при пресечении административных правонарушений?

Ряд ученых, например, А. М. Сильников [5, с. 61–63] и Д. О. Ляпин [6, с. 73–84], высказывают точку зрения, что любой вред, причиняемый сотрудниками силовых ведомств, который соответствует условиям применения силы и оружия в соответствии со «специальным» законодательством, должен признаваться правомерным. В том случае, если нарушается порядок и основания применения сотрудниками силовых ведомств силы и оружия, то ответственность должна наступать за превышение должностных полномочий.

И все бы ничего, если бы так обстояли дела и на практике. Но на практике дела обстоят иначе, и за причинение вреда даже в соответствии со «специальным» законодательством сотрудников привлекают к ответственности за превышение должностных полномочий. К аналогичным выводам приходят в своих ис-

следованиях ученые Д. В. Боев [7, с. 161–166] и А. Г. Блинов [8, с. 606–618]. Соответственно, можно сделать вывод, что пределы правомерного причинения вреда при применении сотрудниками полиции и Росгвардии силы и оружия все же существуют.

По нашему мнению, такие пределы должны существовать, чтобы защитить посягающее лицо от необоснованного применения насилия уже по отношению к нему.

Полагаем, именно уголовное законодательство должно выступать незыблемым столпом для «специального» законодательства в части определения пределов правомерного причинения вреда применительно к деятельности сотрудников полиции и Росгвардии при пресечении последних преступлений и административных правонарушений, а нормы «специального» законодательства, в свою очередь, лишь развивать, дополнять, раскрывать обстоятельства, исключаящие преступность деяния, закрепленные в главе 8 УК РФ, являясь своего рода перечневой системой благ, при защите которых допустимо использовать те или иные способы защиты².

Вместе с тем, закрепив возможность пресечения в состоянии необходимой обороны административных правонарушений, резонно встанет вопрос о соразмерности причиняемого вреда, т. е. вопрос об ответственности за превышение пределов необходимой обороны необходимо будет ставить в случае причинения смерти или тяжкого вреда здоровью либо данный вопрос будет актуален и при причинении наименьшего вреда. Согласитесь, все же общественная опасность административного правонарушения и преступления различаются [9, с. 88–92], и, по нашему мнению, повышенной сте-

¹ Краснов А. А. Реализация института обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 102.

² Теренков И. Е. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 15–16.

пению общественной опасности как раз обладают преступления.

Ряд авторов предлагают внести изменения в административное законодательство, закрепив в нем норму о превышении пределов необходимой обороны в случае причинения вреда здоровью средней тяжести¹. Мы, в свою очередь, считаем, что данные изменения размоют и без того весьма нечеткие границы правомерного причинения вреда в состоянии необходимой обороны, что еще больше затруднит разрешение вопроса о признании причиненного вреда правомерным, и горе-обороняющийся будет занят мыслями не о защите, а о том, как бы соблюсти все условия правомерности и не оказаться в роли обвиняемого. В связи с изложенным выступаем за то, чтобы вопрос о превышении пределов необходимой обороны при пресечении административных правонарушений ставился исключительно при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти посягающему лицу.

Считаем, что данный факт будет способствовать и профилактике совершения преступлений и правонарушений, т. к. осознание возможности того, что обороняющийся вправе правомерно причинить тяжкий вред здоровью или смерть посягающему лицу, заставит последнего задуматься о целесообразности нарушения общественного спокойствия, потому как за такое поведение можно поплатиться собственной жизнью либо здоровьем.

Стоит также отметить проблему определения правомерности причинения вреда в рамках ведения специальной военной операции на Украине. Так, С. А. Дробот в своем исследовании делает правильное замечание, что в настоящее время, в условиях ведения самой настоящей войны с Западом на территории Украины, глава 8 УК РФ не содержит отдельного обстоятельства, исключающего преступ-

ность деяния при причинении вреда в период ведения военных действий [10, с. 44–49]. Это обстоятельство также отмечалось и авторами в своей недавней работе [11, с. 101–109]. И, на наш взгляд, пока не будут внесены соответствующие изменения в уголовное законодательство, правомерность причинения вреда Вооруженными силами РФ должна оцениваться в соответствии с условиями правомерности, закрепленными в главе 8 УК РФ. В дальнейшем, при раскрытии условий правомерности, относящихся к защите, мы более подробно рассмотрим, как указанные в «специальном» законодательстве способы защиты тех или иных благ могут повлиять на оценку причиняемого вреда.

Общественно опасное посягательство должно быть наличным. Признак наличности является временным интервалом оборонительных действий, т. е. посягательство должно начаться либо должна существовать реальная угроза начала его осуществления и не закончиться. В случае нарушения данного условия правомерности необходимая оборона будет преждевременной либо запоздалой, что не исключает уголовную ответственность за причинение вреда [12, с. 108–111].

Соответственно, возникает вопрос, когда правомерным будет начало осуществления оборонительных действий?

Некоторые ученые связывают возможность начала и окончания осуществления акта необходимой обороны, соответственно, с юридическим началом и окончанием совершения преступления [13, с. 33]. Но в правоприменительной практике, а также в доктрине уголовного права выделяют 3 стадии совершения преступления: приготовление, покушение и оконченное преступление.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 30 УК РФ очевидно, что стадия приготовления к преступлению создает опасность для правоохраняемых интересов в целом, но не всегда представляет непосредствен-

¹ Перцев Д. В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. С. 90.

ную угрозу для обороняющегося лица. При таких обстоятельствах у обороняющегося лица имеется время и возможность сообщить о готовящемся покушении на преступление в правоохранительные органы либо задержать преступника в порядке ст. 38 УК РФ. Но стоит отметить, что, по мнению законодателя, не всякое приготовление к преступлению представляет опасность для правоохраняемых уголовным законом интересов. Так, ответственность за приготовление к преступлению наступает только в случаях приготовления к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, поэтому необходимо быть предельно внимательным в части причинения вреда в соответствии со ст. 38 УК РФ [14, с. 199–202].

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что начальным моментом акта необходимой обороны является стадия покушения на преступление. В свою очередь, зачастую грань между приготовлением к преступлению и покушением на него достаточно размыта, в связи с чем считаем, что в таких случаях акт необходимой обороны возможен и на стадии приготовления к совершению преступления, но с одной лишь оговоркой, что по завершении приготовительных действий подразумевается немедленный переход к совершению общественно опасного посягательства.

Момент окончания акта необходимой обороны, также считаем, не всегда можно связывать с юридическим окончанием преступления, потому что, например, в формальных (усеченных) составах преступлений стадия покушения приводит фактически к окончанию преступлению, но в действительности преступление может продолжаться, и фактически, право на необходимую оборону сохраняется, в связи с чем считаем правильной позицию Высшей судебной инстанции, согласно которой «при несовпадении юридического и фактического окончания посягательства право на необ-

ходимую оборону сохраняется до его фактического окончания»¹.

Стоит также отметить, что право на необходимую оборону сохраняется до момента окончания посягательства, которое носит длящийся или продолжаемый характер (например, бандитизм, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание).

Как уже было отмечено выше, право на необходимую оборону возникает не только с началом совершения посягательства, но и при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии реальной угрозы совершения общественно опасного посягательства [15, с. 21–26], в связи с чем актуальным является вопрос определения критериев такой угрозы.

Анализ положений постановления Пленума ВС РФ № 19 показывает, что такие критерии разработаны судебной практикой. Вместе с тем не можем не согласиться с мнением В. В. Меркурьева и И. А. Тараканова о необходимости уточнения признаков поведения посягающего лица либо окружающей обстановки, которые свидетельствуют о непосредственной угрозе совершения общественно опасного посягательства [16, с. 91–95].

Действительность посягательства подразумевает под собой, что посягательство существует в реальной действительности, а не в воображении обороняющегося лица. Соответственно, если оборона присутствует только в воображении лица, а на самом деле общественно опасное посягательство отсутствует, то имеет место быть так называемая «мнимая оборона». И оценка причинения вреда в состоянии «мнимой обороны» происходит по правилам о фактической ошибке.

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сент. 2012 г. № 19 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2012. № 11.

Так, если обстановка давала основания обороняющемуся лицу полагать, что воображаемое посягательство осуществляется в действительности, то оценка такого вреда происходит по правилам необходимой обороны, и вред признается правомерным в том случае, если не нарушены пределы необходимой обороны.

В том случае, если лицо, причинившее вред, не осознавало, что в действительности посягательство не совершается, но при должной осмотрительности могло это понять, то ответственность наступает как за причинение вреда по неосторожности. Если же посягательство не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала оснований лицу полагать, что оно происходит, такое лицо несет ответственность за причинение вреда на общих основаниях.

Стоит отметить, что понятие «мнимой обороны» в ст. 37 УК РФ не закреплено, в связи с чем некоторые авторы выступают за включение данного понятия в положения ст. 37 УК РФ [17, с. 283–290]. Вместе с тем определение данного понятия закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19, которое также содержит правила квалификации действий лица, причинившего вред в условиях «мнимой обороны». Учитывая, что разъяснения высшей судебной инстанции играют важную роль в вопросах квалификации, полагаем, что в настоящее время достаточно разъяснений высшей судебной инстанции по вопросам причинения вреда в состоянии «мнимой обороны» и основания для немедленного внесения изменений в уголовное законодательство отсутствуют.

Для признания вреда правомерным необходимо, чтобы были соблюдены не только условия правомерности, относящиеся к посягательству, но и условия правомерности, относящиеся к защите.

Необходимая оборона возможна при защите законных интересов не только

личности, но и общества и государства. Возникает резонный вопрос о том, какие именно общественно опасные посягательства возможно пресечь в рамках необходимой обороны. Несомненно, институт необходимой обороны прежде всего предназначен для отражения посягательств, сопряженных с применением насилия в отношении обороняющегося лица либо иных лиц. Но если мы ограничимся исключительно таким видом посягательств, то мы существенно ограничим право на необходимую оборону, в связи с чем считаем правильным разъяснение Высшей судебной инстанции о том, что право на необходимую оборону, а также пределы правомерного причинения вреда ставятся в зависимость от интенсивности совершаемого посягательства, поэтому в рамках необходимой обороны возможно пресечение не только насильственных посягательств, но и иных посягательств, в том числе совершенных по неосторожности. В качестве примера таких посягательств высшая судебная инстанция приводит повреждение путей сообщения, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и прочие посягательства. К тому же в условиях специальной военной операции такие преступления приобретают повышенную общественную опасность и могут оцениваться как террористический акт, акт государственной измены, диверсии и т. п.

На наш взгляд, к таким посягательствам можно отнести случаи защиты сотрудниками полиции и Росгвардии охраняемых объектов, когда посягательство, например, совершается без применения насилия в отношении сотрудников силовых ведомств либо иных лиц, находящихся на территории охраняемого объекта. Напомним, что в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 21, п. 6 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции», п. 10 ч. 1 ст. 20, п. 6 ч. 1 ст. 21 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», сотрудники указанных силовых ведомств наделены правом на применение

специальных средств, а в случае группового или вооруженного нападения на объекты органов власти, общественных организаций и граждан (либо проникнуть на территорию, охраняемую Росгвардией) – также и оружия.

Таким образом, в рамках необходимой обороны возможно пресечение практически любого посягательства, но обороняющемуся всегда следует обращать внимание на интенсивность самого посягательства.

Все предельно ясно при соблюдении условия причинения вреда непосредственно посягающему лицу и принадлежащего ему имуществу. В том же случае, если вред причиняется третьим лицам, то должен решаться вопрос о привлечении к ответственности за причинение вреда по неосторожности либо на общих основаниях. Но, по нашему мнению, при решении вопроса о привлечении к ответственности за причинение вреда третьим лицам в состоянии необходимой обороны следует учитывать положения ст. 28 УК РФ о невиновном причинении вреда. Это могут быть, например, случаи причинения вреда от различного рода рикошетов при применении оружия сотрудниками полиции и Росгвардии при пресечении общественно опасных посягательств.

Исходя из вышесказанного, считаем, что в случае причинения вреда посягающему лицу оценка такому вреду должна даваться по правилам необходимой обороны, а в случае причинения вреда третьим лицам необходимо учитывать многие факторы, в зависимости от которых причиненный вред может быть признан как причиненный невиновно, так может наступить ответственность за причинение вреда по неосторожности либо за умышленное причинение вреда.

При решении вопроса о том, превышены пределы необходимой обороны сотрудниками полиции или Росгвардии или нет, следует отметить, что уголовное законодательство не раскрывает понятие и признаки эксцесса обороны, указывая

лишь на то, что превышение проявляется в явном несоответствии оборонительных действий характеру и степени общественной опасности посягательства.

Анализ положений постановления Пленума ВС РФ № 19 показывает, что при решении данного вопроса должен учитываться как признак соразмерности (отражение посягательства при помощи способов и средств, не отвечающих общественной опасности посягательства), так и признак необходимости (причинение вреда, который не был необходим при пресечении конкретного посягательства) [18, с. 48–54]. Данные правила оценки правомерности вреда применимы и к деятельности сотрудников полиции и Росгвардии. Так, например, один из авторов настоящей статьи¹, а также В.Р. Малкин [19, с. 23] выступают за законодательное закрепление данных принципов. Мы также продолжаем считать, что разработанное судебной доктриной понятие превышения пределов необходимой обороны является наиболее оптимальным и приемлемым для применения на практике.

На примере применения сотрудниками полиции и Росгвардии специальных средств и оружия разберем ситуацию, когда действия сотрудников указанных силовых ведомств, по нашему мнению, должны признаваться правомерными, а в каких ситуациях – это явное нарушение закона.

Так, сотрудники полиции и Росгвардии для пресечения преступлений и административных правонарушений вправе применять физическую силу и специальные средства. Анализ положений федеральных законов «О полиции» и «О Войсках национальной гвардии Российской Федерации» показывает, что прямого запрета на применение оружия при пресе-

¹ Никуленко А. В. Обстоятельства, включающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2019. С. 135–143.

чении административных правонарушений нет, но, по сути, он вытекает из закона. Как в таких ситуациях тогда оценивать причинение вреда?

Считаем, что в случаях причинения вреда при пресечении общественно опасных посягательств оценка правомерности вреда должна проходить по правилам необходимой обороны. И, например, в том случае, если сотрудник «силового» ведомства применяет оружие при пресечении административного правонарушения, данные действия не должны автоматически оцениваться, как превышение должностных полномочий, как и превышение пределов необходимой обороны. Согласимся, что применение оружия является несоразмерным способом пресечения посягательства в форме совершения административного правонарушения. В то же время вопрос о превышении пределов необходимой обороны должен ставиться исключительно в случаях причинения правонарушителю смерти или тяжкого вреда здоровью. В остальных случаях причинение вреда должно признаваться правомерным.

И наоборот, при пресечении административного правонарушения сотрудник силового блока применяет специальное средство в виде палки резиновой, но причиняет умышленно правонарушителю тяжкий вред здоровью. С одной стороны, по мнению законодателя, сотрудник выбрал соразмерный способ пресечения общественно опасного посягательства, но причинил вред, при наступлении которого уже должен ставиться вопрос о превышении пределов необходимой обороны. И в том случае, если интенсивность посягательства не давала оснований сотруднику полиции на причинение такого вреда, то ответственность должна наступать за причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

Таким образом, ответственность за превышение пределов необходимой обороны в деятельности сотрудников поли-

ции и Росгвардии должна наступать при нарушении одновременно двух принципов: принципа соразмерности и необходимости.

Мы рассмотрели общие условия правомерности необходимой обороны, которые также применимы и к деятельности сотрудников полиции и Росгвардии, которые наделены правом на пресечение общественно опасных посягательств в рамках охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Но анализ положений «специального» законодательства показывает, что к сотрудникам силовых ведомств предъявляются и иные требования. В начале данной статьи мы упоминали о расширении для отдельной категории граждан условий правомерности необходимой обороны и, как следствие, сужении права на необходимую оборону.

Так, в ст. 19 Федерального закона «О полиции», ст. 18 Федерального закона «О Войсках национальной гвардии Российской Федерации» закреплено, что сотрудники указанных силовых ведомств обязаны предупреждать о применении силы и оружия правонарушителя. Отступление от данного условия правомерности возможно в тех случаях, когда создается непосредственная угроза жизни и здоровью сотрудников силовых ведомств или иных лиц либо промедление в части применения силы и оружия может повлечь иные тяжкие последствия.

О непосредственной угрозе посягательства может говорить готовность правонарушителя перейти к активным действиям после высказывания угроз, прискания предметов, с помощью которых будет совершено посягательство. Таким образом, трактовка признака непосредственной угрозы должна быть открытой и зависеть не только в целом от обстановки посягательства, но и от субъективного восприятия данной обстановки самими сотрудниками полиции или Росгвардии.

Анализ правоприменительной практики показывает, что к вреду, опасному

для жизни и здоровья, относится тяжкий, средней тяжести и легкий вред здоровью. Получается, что если есть угроза причинения такого вреда здоровью, то сотрудник полиции или Росгвардии вправе не предупреждать о своем намерении применить силу и оружие. Учитывая, что в момент причинения возможного вреда оценить характер последствий в дальнейшем невозможно и, как правило, умысел у нападавшего в таких ситуациях неопределенный, то исходить необходимо из того, воспринимает ли сотрудник данную сложившуюся обстановку как непосредственную угрозу для своей жизни и здоровья, так и жизни и здоровью иных лиц.

Таким образом полагаем, что при решении вопроса о том, нарушено ли данное условие правомерности или нет, правоприменителю необходимо учитывать не только обстановку защиты, но и субъективное отношение сотрудника полиции или Росгвардии к сложившейся обстановке и причины такого отношения.

Вместе с тем стоит отметить, что соблюдение либо несоблюдение данного условия правомерности может прямо влиять на правомерность причиняемого вреда в части соблюдения принципа необходимости при решении вопроса о превышении пределов необходимой обороны, т. к. предупреждение о применении силы и оружия, в том числе при производстве выстрела в воздух, может способствовать пресечению общественно опасного посягательства без необходимости причинения вреда посягающему лицу.

Кроме того, в «специальном законодательстве» закреплён принцип минимизации любого вреда, причиняемого сотрудником полиции в рамках исполнения возложенных законом обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Но в рамках необходимой обороны правомерным должен признаваться вред, если соблюдены все условия правомерности, при

этом обороняющийся не обязан стремиться к минимизации причиняемого вреда [20, с. 129–131]. «Минимизация вреда» скорее соотносится с крайней необходимостью, нежели необходимой обороной.

Специальным законодательством также закреплена обязанность сотрудников полиции и Росгвардии по оказанию помощи гражданину в случае причинения телесных повреждений, полученных при пресечении общественно опасного посягательства, а также сообщению прокурору в течение 24 часов о случаях убийства или ранения лица.

Вышеуказанные обязанности мы не относим к непосредственным условиям правомерности причиняемого сотрудниками полиции и Росгвардии вреда, т. к. они не учитываются при непосредственном причинении вреда, а являются больше следствием совершения действий, направленных на пресечение посягательства, и за несоблюдение данных условий предусмотрена самостоятельная ответственность, как уголовная, так и дисциплинарная.

Так, например, вред здоровью может быть причинен правомерно, но в том случае, если обороняющийся заведомо оставит такое лицо в состоянии, опасном для жизни и здоровья, может наступить ответственность по ст. 125 УК РФ за оставление в опасности. Стоит отметить, что за неоказание помощи гражданину после получения им телесных повреждений, ответственность за оставление в опасности может наступить и у «обычного» гражданина.

Выводы

В рамках настоящей работы на примере сотрудников полиции и Росгвардии мы рассмотрели условия правомерности необходимой обороны при пресечении общественно опасных посягательств при исполнении последними обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Ис-

ходя из проведенного выше анализа, можно сделать вывод, что при оценке вреда, причиняемого сотрудниками полиции и Росгвардии, должны учитываться как общие условия правомерности необходимой обороны, так и дополнительные, закрепленные в «специальном» законодательстве.

Вместе с тем «дополнительные» условия правомерности необходимой обороны, как мы видим, соотносятся с общими условиями правомерности, что говорит о том, что при оценке правомерности причиняемого вреда оценке должны подлежать все обстоятельства, характеризующие как посягательство, так и защиту.

Кроме того, мы пришли к выводу, что нарушение порядка и оснований применения силы и оружия сотрудника

ми полиции или Росгвардии при пресечении общественно опасных посягательств, которое стало следствием причинения вреда правонарушителю, не должно являться основанием для привлечения последних к ответственности за превышение должностных полномочий. Нарушение данных запретов, а также несомерно выбранный способ пресечения общественно опасного посягательства не может прямо свидетельствовать и о превышении пределов необходимой обороны. Для наступления ответственности требуется, помимо прочего, одновременное нарушение принципов соразмерности и необходимости, которые характеризуют такое условие правомерности необходимой обороны, как «непревышение ее пределов».

Список литературы

1. Кобозев А. А., Коробов В. Б. Законодательное регулирование применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия: проблемы и пути решения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 1(69). С. 34–41.
2. Николаева Т. В. К вопросу об уголовно-правовой регламентации условий правомерности необходимой обороны // Актуальные проблемы современных общественных наук в условиях социально-политических и экономических трансформаций: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных / отв. ред. А. М. Шаяхметов. Уфа: Башкирская акад. гос. службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 2022. С. 287–292.
3. Вестов Ф. А., Якубжонов Ж. М. Отдельные аспекты установления признаков необходимой обороны или ее превышения // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и экологической безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза: материалы IX Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов. Саратов: Саратовский источник, 2023. С. 49–53.
4. Гармышев Я. В., Ишигеев В. С. Необходимая оборона: проблемные аспекты теории и практики, пути совершенствования законодательства России // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 3(41). С. 17–25. <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.17-25>
5. Сильников А. М. Особенности правового регулирования применения сотрудниками полиции специальных средств // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 61–63.
6. Ляпин Д. О. Соотношение норм главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации и предписаний иноотраслевого законодательства о применении оружия // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2022. № 10(303). С. 73–84.

7. Боев Д. В. Декриминализация в правоприменении причинения вреда сотрудниками правоохранительных органов при выполнении должностных обязанностей // Юридическая наука. 2024. № 2. С. 161–166.
8. Российское уголовное право. Общая часть / А. Г. Блинов, Н. А. Лопашенко, С. Ю. Бытко [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2024. 680 с.
9. Никуленко А. В. Общественная опасность как «рудимент» уголовного права // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 88–92.
10. Дробот С. А. Участие в военных действиях и обстоятельства, исключающие преступность // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8, № 4. С. 46–49. <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2023-8-4-46-49>
11. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Проблемы правовой оценки причинения вреда сотрудниками полиции, Росгвардии, военнослужащими федеральной службы безопасности России и Вооружённых сил Российской Федерации при проведении контртеррористических операций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(97). С. 101–109. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-101-109>
12. Боев Д. В. Критерии, определяющие моменты начала и окончания состояния необходимой обороны // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 1. С. 108–111.
13. Кириченко В. Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.-Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. 108 с.
14. Озерова Ю. С., Кирикова М. В. К вопросу о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД РФ, 2023. С. 199–202.
15. Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Вопросы необходимой обороны в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: изменения, обусловленные потребностями правоприменения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1(93). С. 21–26.
16. Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Необходимая оборона: проблема своевременности оборонительных действий при угрозе посягательства // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. 2017. № 6(239). С. 91–95.
17. Акимочкин В. И. Мнимая оборона или фактическая ошибка: сравнительно-правовой анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 3(832). С. 283–290.
18. Тараканов И. А. Особенности учета наличия оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия, при разрешении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 1(31). С. 48–54.
19. Малкин В. Р. Пределы необходимой обороны. Законодательная регламентация и правоприменительная практика // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 135–143.
20. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов. СПб.: Юридический центр, 2023. 480 с.

References

1. Kobozev A.A., Korobov V.B. Legislative regulation of the use of firearms by police officers: problems and solutions. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the All-Russian Institute*

for Improving the Qualification of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2024;(1):34–41. (In Russ.)

2. Nikolaeva T.V. On the issue of criminal law regulation of the conditions for the legality of necessary defense. In: Shayakhmetov A.M. (ed.) *Aktual'nye problemy sovremennykh obshchestvennykh nauk v usloviyakh sotsial'no-politicheskikh i ekonomicheskikh transformatsii: materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh = Actual problems of modern social sciences in the context of socio-political and economic transformations: materials of the XI All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists*. Ufa: Bashkirskaya akad. gos. sluzhby i upravleniya pri Glave Respubliki Bashkortostan; 2022. P. 287–292. (In Russ.)

3. Vestov F.A., Yakubzhonov Zh.M. Certain aspects of establishing signs of necessary defense or exceeding it. In: *Transformatsiya pravovykh institutov i metodov obespecheniya sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya i ekologicheskoi bezopasnosti v Rossii, stranakh SNG i Evropeiskogo soyuza: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, prakticheskikh sotrudnikov, studentov, magistrantov, aspirantov = Transformation of legal institutions and methods of ensuring sanitary and epidemiological well-being and environmental safety in Russia, the CIS countries and the European Union: materials of the IX International Scientific and Practical Conference of Teachers, Practitioners, Students, Undergraduates, Postgraduates*. Saratov: Saratovskii istochnik; 2023. P. 49–53. (In Russ.)

4. Garmyshev Ya.V., Ishigeev V.S. Necessary defense: problematic aspects of theory and practice, ways to improve the legislation of Russia. *Sibirskie ugovovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian criminal Procedural and criminalistic readings*. 2023;(3):17–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.17150/2411-6122.2023.3.17-25>

5. Sil'nikov A.M. Features of the legal regulation of the use of special means by police officers. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*. 2011;(9):61–63. (In Russ.)

6. Lyapin D.O. The ratio of the norms of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation and the regulations of industry legislation on the use of weapons. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh - Voennopravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces - Military Law Review*. 2022;(10):73–84. (In Russ.)

7. Boev D.V. Decriminalization in law enforcement of harm caused by law enforcement officers in the performance of official duties. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2024;(2):161–166. (In Russ.)

8. Blinov A.G., Lopashenko N.A., Bytko S.Yu., et al. Russian criminal law. The general part. Moscow: Yurlitinform; 2024. 680 p. (In Russ.)

9. Nikulenko A.V. Public danger as a "vestige" of criminal law. *Obshchestvennaya opasnost' v ugovnom, ugovno-ispolnitel'nom prave i kriminologii: materialy XIV Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava = Public danger in criminal, penal enforcement law and criminology: materials of the XIV Russian Congress of Criminal Law*. Moscow: Yurlitinform; 2024. P. 88–92. (In Russ.)

10. Drobot S.A. Participation in military operations and circumstances excluding crime. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2023;8(4):46–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2618-8236-2023-8-4-46-49>

11. Nikulenko A.V., Smirnov M.A. Problems of legal assessment of harm caused by police officers, the Russian Guard, military personnel of the Federal Security Service of Russia and the Armed Forces of the Russian Federation during counter-terrorism operations. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):101–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-1-101-109>

12. Boev D.V. Criteria determining the moments of the beginning and end of the state of necessary defense. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Problems of economics and legal practice*. 2024;20(1):108–111. (In Russ.)
13. Kirichenko V.F. The main issues of the doctrine of necessary defense in Soviet criminal law. Moscow, Leningrad: Izd-vo i 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR; 1948. 108 p. (In Russ.)
14. Ozerova Yu.S., Kirikova M.V. On the issue of causing harm during the detention of a person who committed a crime. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra: materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Criminal law: yesterday, today, tomorrow: materials of the annual International scientific and practical conference*. Sankt-Petersburg: Sankt-Peterburgskii un-t MVD RF; 2023. P. 199–202. (In Russ.)
15. Merkur'ev V.V., Tarakanov I.A. Issues of necessary defense in the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation: changes due to the needs of law enforcement. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2023;(1):21–26. (In Russ.)
16. Merkur'ev V.V., Tarakanov I.A. Necessary defense: the problem of timeliness of defensive actions in case of threat of encroachment. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh - Voennopravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces - Military Law Review*. 2017;(6):91–95. (In Russ.)
17. Akimochkin V.I. Imaginary defense or an actual mistake: comparative legal analysis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences*. 2019;(3):283–290. (In Russ.)
18. Tarakanov I.A. Features of accounting for the presence of weapons or other items used as weapons when resolving the issue of the presence or absence of signs of exceeding the limits of necessary defense. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice*. 2022;(1):48–54. (In Russ.)
19. Malkin V.R. The limits of necessary defense. Legislative regulation and law enforcement practice. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova = Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*. 2023;(2):135–143. (In Russ.)
20. Nikulenko A.V., Smirnov M.A. The institute of necessary defense in the activities of law enforcement officers. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr; 2023. 480 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Никулenco Андрей Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: nikulenkoa@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1332-4621

Andrey V. Nikulenko, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg University, Russian Federation,
e-mail: nikulenkoa@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-1332-4621

Смирнов Максим Андреевич, кандидат юридических наук, глава Окуловского муниципального района, Администрация Окуловского муниципального района Новгородской области, Окуловка, Российская Федерация,
e-mail: gazan87@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-3805-2933

Maxim A. Smirnov, Candidate of Sciences (Juridical), Head of the Okulovsky municipal District, Administration of the Okulovsky Municipal District of the Novgorod Region, Okulovka, Russian Federation,
e-mail: gazan87@rambler.ru,
ORCID: 0000-0003-3805-2933

Оригинальная статья / Original article

УДК 343

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-115-124>**Детерминанты роста и меры предупреждения профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х годов****К. А. Зарубина¹** ✉¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Значительный научный интерес представляет анализ детерминант развития профессиональной преступности в моменты кризисов, когда в стране особо неустойчива политическая, социально-экономическая, культурная сферы жизни. Анализ данных условий на примере отдельных исторических периодов позволит спрогнозировать возможные изменения направлений развития отечественной профессиональной преступности в настоящем и определить эффективные меры противодействия роста профессиональной преступной деятельности в разных исторических реалиях.

Цель исследования: анализ причин, факторов и условий роста профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х годов, а также мер предупреждения этой опасной разновидности преступной деятельности.

Задачи: проанализировать основные детерминанты роста профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х годов; изучить отдельные меры предупреждения развития профессиональной преступности в России в исследуемый хронологический период; определить эффективность применяемых мер противодействия профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х годов.

Методология. В процессе работы над исследованием использовались методы синтеза, анализа, систематизации, обобщения, а также сравнительно-правовой и хронологический методы.

Результаты исследования. В статье рассмотрены отдельные факторы, причины и условия роста профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х годов. Установлено, что на фоне роста активности профессиональных преступников в России в этот период реализовывалась целенаправленная политика по противодействию развитию этой разновидности преступности, однако в дальнейшем она была свёрнута.

Вывод. Определено, что на развитие профессиональной преступности в обозначенный период оказывали влияние такие детерминанты, как общее ухудшение материального положения большей части населения страны, рост детской беспризорности, отсутствие эффективно функционирующих правоохранительных органов, а также некоторые другие факторы. Для борьбы с различными проявлениями профессиональной преступности советской властью предпринимались необходимые усилия, однако «мнимая победа» над этим опасным антисоциальным явлением, декларируемая советским правительством, и отказ от целенаправленной борьбы с профессиональной преступностью не привели к позитивным результатам.

Ключевые слова: профессиональная преступность; детерминанты преступности; меры противодействия; криминальный профессионализм; революция; Гражданская война.

Финансирование: НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Зарубина К. А. Детерминанты роста и меры предупреждения профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х годов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 115–124. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-115-124>

Поступила в редакцию 13.06.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Опубликована 30.08.2024

© Зарубина К. А., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(4):115-124

Determinants of growth and measures to prevent professional crime in Russia in 1917 – early 1920s

Kristina A. Zarubina¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract

Relevance. Considerable scientific interest is the analysis of the determinants of the development of professional crime in times of crisis, when the political, socio-economic, and cultural spheres of life are particularly unstable in the country. The analysis of these conditions on the example of individual historical periods will make it possible to predict possible changes in the directions of development of domestic professional crime in the present and to determine effective measures against the growth of professional criminal activity in different historical realities.

The purpose of the study is to analyze the causes, factors and conditions of the growth of professional crime in Russia in the 1917 – early 1920s, as well as measures to prevent this dangerous type of criminal activity.

Objectives: to analyze the main determinants of the growth of professional crime in Russia in 1917 – early 1920s; to study individual measures to prevent the development of professional crime in Russia in the chronological period under study; to determine the effectiveness of measures used to counteract professional crime in Russia in 1917 – early 1920s.

Methodology. In the process of working on the study, methods of synthesis, analysis, systematization, generalization, as well as comparative legal and chronological methods were used.

The results. The article examines individual factors, causes and conditions of the growth of professional crime in Russia in 1917 – early 1920s. It was established that against the background of the growing activity of professional criminals in Russia during this period, a targeted policy was implemented to counter the development of this type of crime, but later it was curtailed.

Conclusion. The results of the study allowed us to determine that the development of professional crime in the designated period was influenced by such determinants as the general deterioration of the financial situation of a large part of the country's population, the growth of child homelessness, the lack of effectively functioning law enforcement agencies, as well as some others. The Soviet government made the necessary efforts to combat various manifestations of professional crime, but the "imaginary victory" over this dangerous anti-social phenomenon declared by the Soviet government and the curtailment of certain measures to combat professional crime did not lead to positive results, as a result of which the Soviet criminal world became even more consolidated and monolithic.

Keywords: professional crime; determinants of crime; measures to counter; criminal professionalism; revolution; Civil War.

Funding: The research was prepared within the framework of the state task for 2024 «Transformation of private and public law in the conditions of evolving personality, society and the state» (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zarubina K.A. Determinants of growth and measures to prevent professional crime in Russia in 1917 – early 1920s. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(4):115–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-115-124>

Received 13.06.2024

Accepted 30.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

В 1917 – начале 1920-х гг. всё российское общество было вовлечено в фарватер политической борьбы. После революционных событий февраля 1917 г. грянула Великая Октябрьская революция, навсегда «похоронившая» монархию в

России. Однако это не принесло успокоения обществу, и страна погрузилась в длительное противостояние «красных» и «белых», именуемое в отечественной историографии Гражданской войной. В этих условиях эволюционировали не только общественно-политические силы,

но и преступность, питаемая в период войн и революций анархией и всеобщим беспорядком. Атмосфера вездесущего хаоса и нестабильности как в политике, так и в иных сферах жизни государства благоприятствовала криминализации общества и обуславливала дальнейший генезис наиболее опасных форм преступной деятельности, одной из которых стала активно развивающаяся в этот период времени профессиональная преступность.

Методология

Для достижения цели исследования использовались принципы объективности, всесторонности и научной достоверности, что позволило комплексно изучить детерминанты и меры предупреждения роста профессиональной преступности в России в 1917 – начале 1920-х гг. В данной работе использовались такие научные методы исследования, как метод анализа, синтеза, обобщения, систематизации, сравнительно-правовой и хронологический методы. Хронологический метод исследования позволил определить и изучить перечень детерминант роста профессиональной преступности в России в исторической ретроспективе. Сравнительно-правовой метод применялся для установления особенностей реализации уголовной политики советской России в период борьбы с активно развивающейся профессиональной преступностью. Методы синтеза, систематизации, обобщения, анализа использовались при формулировании выводов исследования.

Результаты и их обсуждение

По справедливому замечанию известного российского юриста, государственно-го и политического деятеля А. И. Гурова, именно в период революций 1917 г. и первые годы утверждения советской власти в результате воздействия различных криминогенных факторов, а также отвлечения «значительных сил молодой Советской республики на подавление

контрреволюции», отсутствия опыта борьбы с криминальным профессионализмом в данный период отмечался рост профессиональной преступности [1]. При этом детерминирующие этот рост факторы, причины и условия характеризовались в это время разнообразием и определяли самые разные последствия происходивших в стране в обозначенный период революционных событий и внутренних столкновений между противоборствующими общественно-политическими силами. В связи с этим считаем для определения сущности описываемых процессов особо важным выявить и исследовать «перечень» данных детерминант.

В первую очередь отметим, что одним из самых «ярких» последствий революций 1917 г. и существующей анархии в годы Гражданской войны в России стало общее ухудшение материального положения большей части населения, что толкало её на совершение преступлений корыстной и (или) корыстно-насильственной направленности, к которой относится в том числе и профессиональная преступность. Так, итальянский социолог А. Ничифоро, характеризуя черты криминальной субкультуры профессионального преступника, отмечает, что «жаргон вора – это весёлая маска, скрывающая часто совсем грустные общественные условия глубокой нужды, беспризорного детства, сиротства, непригодности к труду, приведшие к воровству...» [2, с. 145–162]. Соглашаясь с данным утверждением, укажем, что именно условия «глубокой нужды» в период революций 1917 г. и Гражданской войны в России были одними из важнейших детерминант роста не только традиционной общеуголовной преступности, но и криминального профессионализма. Известный отечественный правовед М. Н. Гернет в труде «Революция, рост преступности и смертная казнь» 1917 г. отмечал, что среди наиболее «профессионализированных» преступлений, таких как грабежи и кражи, большинство обвиняемых в революционный

период были представители именно беднейшего класса. Исследователь указывал: «...Громадное большинство их родилось не на мягкой, барской постели, а на жесткой койке, иногда даже под забором. Их детство прошло не в светлых и просторных комнатах, а в сырых и темных углах, конурах и подвалах. Улица была их кормилицей...». Также М. Н. Гернет добавлял, что, попав в тюрьмы, данные лица «выходили оттуда хуже, чем вошли в неё», что превращало их в «упорных преступников» [3, с. 25–26]. Так, преступный мир в этот период заметно рекрутировался из новых социальных групп, попавших за черту бедности.

Отдельно стоит подчеркнуть, что основу профессиональной преступности в годы революций и Гражданской войны составляла детская беспризорность, которая, по справедливому утверждению А. И. Гурова, достигала колоссальных размеров. В этот период было зарегистрировано около 7 млн беспризорных, большинство из которых «воспитывала улица», в том числе обучая добывать себе средства для существования противозаконным путём. Типичным преступлением для несовершеннолетних в этот период становилась кража, которая позволяла за счёт совершения однотипных преступлений минимально обеспечить себя средствами к существованию [1]. Также исследователи отмечали, что опасные рецидивисты и профессиональные преступники в этот период обычно начинали свою преступную деятельность именно с детства или в юношеском возрасте, в результате чего за счёт растущей беспризорности росла и «армия профессиональных преступников»¹. Так, «улица» становилась для беспризорников местом, где они под контролем наиболее опытных преступников проходили обучение криминальному ремеслу, добывали себе

средства к существованию и вели противозаконный образ жизни.

Ещё одним негативным фактором, детерминирующим рост профессиональной преступности в России в период 1917 – начала 1920-х гг., являются последствия необдуманных «мартовских амнистий» 1917 г., в результате которых Временное правительство в поиске социальной поддержки своей власти выпустило «на волю» тысячи уголовников, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Так, в соответствии с п. 1 Декларации Временного правительства «О его составе и задачах» от 3 марта 1917 г. учреждалось провести полную и немедленную амнистию по всем делам религиозным, политическим, террористическим покушениям, аграрным преступлениям, военным восстаниям и некоторым другим². Вследствие этого долгожданную свободу получили не только «мученики революции», политические преступники, как их красноречиво называл русский социолог Ф. А. Степун [4, с. 56–61], но и лица, отбывающие «сроки» за совершение «реальных» преступлений, например, посягательств на собственность. После вышло Постановление Временного правительства «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления» от 17 марта 1917 г., которое являлось актом общего помилования. В результате этих действий, по оценкам отдельных исследователей, с 1 марта по 1 апреля 1917 г. количество заключённых в стране сократилось на 75% [5, с. 29–34], что усилило процесс криминализации российского общества за счёт приращения преступного мира уже единожды осуждёнными уголовниками или, другими словами, лицами, которые априори были более склонны к ведению преступного образа жизни, нежели «мирные» граждане.

¹ Сборник трудов Иркутского государственного университета. Т. 13: Факультет права и местного хозяйства. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1927. С. 420.

² Декларация Временного правительства о его составе и задачах от 3 марта 1917 г. // Гарант: сайт. <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201/> (дата обращения: 06.06.2024)

Другой детерминантой роста профессиональной преступности в исследуемый период было внутреннее состояние дестабилизации политической системы, вызванное сменой власти и разрушением традиционных институтов государства. Царящая вокруг анархия толкала граждан на противозаконное поведение, нередко перерастающее в преступный промысел. Кроме того, нередко в политических течениях находили себя различные уголовные элементы, прикрывающие свою преступную деятельность, совершенно не связанную с противодействием новой идеологии, высокими лозунгами борьбы за «идею» [6, с. 61–63]. Как результат десятки тысяч уголовников восприняли революционные события как открывшуюся возможность для совершения преступлений [7, с. 82–92]. Советский юрист М. Н. Гернет отмечал, что в это время повсеместно царило всеобщее неуважение к праву и закону. Исследователь описывал это состояние следующим образом: «Пусть старое право неудовлетворительно, но пока оно не отменено народом – оно право. Если наше платье износилось, и загрязнилось, и мы решили приобрести новое, то сбрасываем с себя старую одежду лишь тогда, когда приобрели новую. Нельзя же остаться голым! Точно также нельзя остаться и без закона...» [3, с. 25–26]. Вследствие этого, как справедливо отмечают отдельные современные исследователи, в годы Гражданской войны власть на большей части территории Советской России принадлежала ни «красным» и ни «белым», а «зеленым» – различным преступным формированиям, основную часть которых составляли дезертиры и профессиональные преступники [8, с. 35–45].

Кроме того, отдельно стоит подчеркнуть, что в период революций и в первые годы утверждения советской власти отсутствовали эффективно функционирующие правоохранительные органы, обеспечивающие противодействие не только общеуголовной преступности, но

и активно развивающемуся криминальному профессионализму. «Буржуазные» институты власти были упразднены, а новые компетентные правоохранительные органы ещё не были созданы. Построение новой системы правоохранительных органов велось методом проб и ошибок, о чём свидетельствует не совсем успешный опыт учреждения всеобщего обязательного вооружения народа и создания «народной» милиции [9, с. 19–24]. К тому же, отстранив от выполнения профессиональных обязанностей по классовому признаку опытных правоохранителей, в советскую рабоче-крестьянскую милицию были набраны малоквалифицированные кадры, не имеющие необходимых знаний, опыта работы в правоохранительной сфере. С мест приходили многочисленные сообщения о том, что советская милиция «находится в жалком виде», кадры не соответствуют квалификационным требованиям, и большинство смотрят на милицию, как на вспомогательный орган, не способный выполнять поставленные перед ним задачи борьбы с активно развивающейся преступностью [7, с. 82–92]. Это ещё больше способствовало росту анархии и вседозволенности в криминальной среде, обуславливая её дальнейшую профессионализацию.

Оценивая меры предупреждения активно развивающейся в указанный период профессиональной преступности, отметим, что уже в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. впервые нормативно было закреплено понятие «профессиональный преступник». Так, в п. «г», ст. 12 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. декларировалось: «При определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать, совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным»¹. В первом

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // Электронный фонд

Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., в свою очередь, появляется «специальная статья», ужесточающая наказания за совершение преступления профессиональным преступником. Пункт «е» ст. 25 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. предусматривал для определения меры наказания учитывать наряду с иными обстоятельствами, совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом или оно совершено в первый раз, а п. «б» ст. 180 того же кодекса особо выделял среди иных уголовников лиц, занимающихся кражами как профессией¹. Кроме того, в ряде нормативных правовых актов раннего советского периода также предусматривалась более высокая степень уголовной ответственности за совершение преступлений повторно, в виде промысла [10, с. 60]. Однако уже в 1926 г. понятие «профессиональный преступник» из уголовного закона было изъято, а привлечение к более суровой ответственности за совершение преступлений преступником-профессионалом ограничивалось разными формами множественности², что не отвечало в полной мере задачам борьбы с профессиональной преступностью.

Также в исследуемый период предпринимались организационно-управленческие меры противодействия активно развивающейся профессиональной преступности. Так, например, особо в первые годы утверждения советской власти боролись с детской беспризорностью, яв-

ляющейся «питательной средой» для профессиональной преступности. Были приняты декреты, постановления, приказы, инструкции, направленные на ликвидацию детской беспризорности, создана система интернатов, государственных учреждений, межведомственных комиссий и объединений, осуществляющих контроль за детской беспризорностью, а в крупных городах учреждена Детская социальная инспекция [11, с. 96–103]. Для несовершеннолетних преступников в начале 1920-х гг. созданы трудкоммуны Объединённого государственного политического управления, где исправление правонарушителей базировалось на их привлечении к общественно полезному созидательному труду [12, с. 229–234]. Это и многое другое способствовало декриминализации подростковой среды, минимизации вовлечения несовершеннолетних в различные преступные формирования «профессионального типа». Кроме того, в рассматриваемый период правоохранительными органами совместно с военными силами Рабоче-крестьянской красной армии активно велась деятельность по ликвидации мест сосредоточения опасных криминальных элементов, таких как Хитров рынок в Москве, Дерибасовская улица в Одессе, в результате чего многие «центры притяжения» преступных сил, способствующие дальнейшей консолидации профессионального мира уголовников, утратили своё значение и перестали «подпитывать» профессиональную преступность [1].

В дальнейшем целенаправленные меры по предупреждению роста профессиональной преступности в советском обществе практически не предпринимались, поскольку правящая верхушка, укрепив свою собственную власть и обретя некоторую уверенность в завтрашнем дне, считала, что преступность в целом является пережитком капитализма, и по мере утверждения социализма в стране она автоматически будет исчезать.

правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901870462> (дата обращения: 10.06.2020).

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 06.06.2024).

² Законы и постановления. Уголовный кодекс РСФСР: [ред. 1926 года: с изм. и доп. до 1 июля 1927 г.]. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. С. 1–36.

Криминологическое исследование явления профессиональной преступности также практически прекратилось [13, с. 43–47]. Красноречиво об этом отзывался известный советский правовед А. А. Пионтковский, заявлявший, что постепенно в обстановке развивающегося социализма в обществе «должен вымирать» и тип профессионального преступника, «который является в буржуазном обществе в значительной мере продуктом деклассации», в то время как планомерно организованный хозяйственная жизнь должна устранить «промышленную резервную армию, постоянного поставщика наиболее опасных форм профессиональной преступности» [14, с. 46].

Так, большинство исследователей полагали, что общеуголовная преступность в виде тяжёлого наследия досталась советскому государству именно от царизма и буржуазного правительства, и она полностью исчезнет по мере развития социализма [15, с. 45], а такого опасного антиобщественного явления, как профессиональная преступность, в Советской России быть вообще не может [16, с. 67]. Хотя справедливости ради стоит отметить, что данная проблема в действительности не была решена, и появление такого устойчивого преступного «сообщества» [17, с. 98], занимающего высшее положение в криминальной иерархии [18, с. 18–22] и консолидирующего деятельность всего уголовного мира [19, с. 36–39], как «воры в законе», в конце 1920-х – начале 1930-х гг. тому яркое подтверждение [20, с. 109–110].

Как видим, поспешные выводы о постепенном «вымирании» общеуголовной преступности как пережитка капитализма, и ликвидации профессиональной преступности как чего-то недопустимого и чуждого советскому государству уже после окончания Гражданской войны можно оценивать только лишь как формальное отрицание существующей действительности, что явно не соответствовало реальности.

Выводы

Таким образом, на основании анализа представленных материалов можно сделать вывод о том, что на развитие профессиональной преступности в этот период оказывали влияние такие факторы, как общее ухудшение материального положения большей части населения страны, рост детской беспризорности и активное вовлечение несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, «старшими» преступниками в криминальную деятельность, опрометчивую уголовную политику Временного правительства в части проведения необдуманных амнистий в отношении криминальных элементов, дестабилизацию политической системы жизни общества, вызванную сменой власти и разрушением традиционных институтов государства, а также отсутствие эффективно функционирующих правоохранительных органов, обеспечивающих противодействие не только общеуголовной преступности, но и активно развивающемуся криминальному профессионализму. Между тем для борьбы с различными проявлениями профессиональной преступности советской властью в годы Гражданской войны всё же предпринимались усилия по минимизации действия отдельных негативных факторов, детерминирующих рост криминального профессионализма, однако «мнимая победа» над этим опасным антисоциальным явлением, декларируемая в научных трудах советскими учёными и правящей верхушкой после значительного укрепления собственной власти, и свертывание некоторых мер противодействия профессиональной преступности (например, отдельных правовых мер) не привели к позитивным результатам, вследствие чего советский преступный мир «профессионалов» стал ещё более консолидированным и монолитным, возглавляемый уже в конце 1920-х гг. представителями такой негласной новой высшей криминальной «кастой», как «воры в законе».

Список литературы

1. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 301 с.
2. Преступный мир Москвы: сборник статей / под ред. М. Н. Гернета. М.: Право и жизнь, 1924. 246 с.
3. Гернет М. Н. Революция, рост преступности и смертная казнь. М.: Начало, 1917. 30 с.
4. Пузин Р. С. Мартовские амнистии 1917 года и их социально-политические последствия // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 56–61.
5. Твердюкова Е. Д. Общество и преступный мир: некоторые аспекты взаимоотношений после Февральской революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 2. С. 29–34.
6. Фарышев Е. В. Основные этапы эволюции профессиональной преступности в России // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодар. ун-т, 2016. Т. 2. С. 61–66.
7. Фадеев П. В. Противодействие уголовной преступности в Пермской губернии в 1917–1922 годах // Технологос. 2022. № 2. С. 82–92.
8. Евдокимов В. Б., Степанов М. М., Залоило М. В. Поиск наиболее эффективных способов охраны правопорядка в годы Гражданской войны в России: становление и деятельность органов милиции основных государственных образований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. № 1. С. 35–45.
9. Петров А. В. Основные направления деятельности правоохранительных органов Сибирского и Уральского регионов в период Гражданской войны в России (1918–1919) // Сибирский юридический вестник. 2006. № 1. С. 19–24.
10. Кривошеин П. К. Повторность в советском уголовном праве (теоретические и практические проблемы). Киев: Вища школа, 1990. 159 с.
11. Кожевникова А. М., Безверхова С. В. Борьба с детской беспризорностью в первое десятилетие советской власти // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 96–103.
12. Славко А. А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–4. С. 229–234.
13. Воронцов А. В., Фомин А. В. Из опыта формулирования некоторых понятий для описания организованной и профессиональной преступности // Теория и практика правоохранительной деятельности. 2011. № 4. С. 43–47.
14. Пионтковский А. А. Уголовное право Р.С.Ф.С.Р. Общая часть. М.: Гос. изд-во, 1924. 235 с.
15. Денисов Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности (Социол. и юрид. аспекты). Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1983. 142 с.
16. Малков В. П. Множественность преступлений и её формы по советскому уголовному праву. М.: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 176 с.
17. Ефимкин М. С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98.

18. Важенин В. В., Васильченко Д. А., Зуев Е. А. Закономерности формирования и развития высшего криминального сословия в России // *Общество и право*. 2015. № 4 (54). С. 18–22.
19. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 4 (26). С. 36–39.
20. Мальчук О. И. История развития феномена «вор в законе» // *Пробелы в российском законодательстве*. 2018. № 5. С. 109–110.

References

1. Gurov A.I. Professional crime: past and present. Moscow: Yurid. lit.; 1990. 321 p. (In Russ.)
2. Gernet M.N. (ed.) The underworld of Moscow. Collection of articles. Moscow: Pravo i zhizn', 1924. 246 p. (In Russ.)
3. Gernet M.N. Revolution, the growth of crime and the death penalty. Moscow: Nachalo; 1917. 30 p. (In Russ.)
4. Puzin R.S. The March amnesties of 1917 and their socio-political consequences. *Voprosy rossijskoj justicii = Issues of Russian justice*. 2019;(1):56–61. (In Russ.)
5. Tverdjukova E.D. Society and the criminal world: some aspects of relations after the February Revolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Bulletin of the St. Petersburg University. History*. 2007;(2):29–34. (In Russ.)
6. Faryshev E.V. The main stages of the evolution of professional crime in Russia. In: *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii = Criminal policy and culture of combating crime: materials of the International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Krasnodar. un-t; 2016. Vol. 2. P. 61–66. (In Russ.)
7. Fadeev P.V. Countering criminal crime in the Perm province in 1917-1922. *Tehnologos*, 2022;(2):82–92. (In Russ.)
8. Evdokimov V.B., Stepanov M.M., Zaloilo M.V. Search for the most effective ways to protect law and order during the Civil war in Russia: formation and activity of police bodies of the main state formations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Sciences Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Area Studies. International relations*. 2022;(1):35–45. (In Russ.)
9. Petrov A.V. The main directions of activity of law enforcement agencies of the Siberian and Ural regions during the civil war in Russia (1918–1919). *Sibirskij juridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*. 2006;(1):19–24. (In Russ.)
10. Krivoshein P.K. Repetition in Soviet criminal law (theoretical and practical problems). Kiev: Vishcha shkola; 1990. 159 p. (In Russ.)
11. Kozhevnikova A.M., Bezverhova S.V. The fight against child homelessness in the first decade of Soviet power. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*. 2022;(3):96–103. (In Russ.)
12. Slavko A.A. The beginning of the formation of a regulatory framework to combat child homelessness and neglect in Russia in the early years of Soviet power. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*. 2009;(4-4):229–234. (In Russ.)
13. Voroncov A.V., Fomin A.V. From the experience of formulating some concepts to describe organized and professional crime. *Teoriya i praktika pravoohranitel'noj deyatel'nosti = Theory and practice of law enforcement*. 2011;(4):43–47. (In Russ.)

14. Piontkovskij A.A. Criminal law R.S.F.S.R. General part. Moscow: Gos. izd-vo, 1924. 235 p. (In Russ.)
15. Denisov Ju.A. General theory of offense and responsibility (Sociol. and jurid. aspects). Leningrad: LGU, 1983. 142 p. (In Russ.)
16. Malkov V.P. The multiplicity of crimes and its forms in Soviet criminal law. Moscow: Izd-vo Kazan. un-ta, 1982. 176 p. (In Russ.)
17. Efimkin M.S. The role of “Thieves in law” in the organization of criminal activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;(4):98. (In Russ.)
18. Vazhenin V.V., Vasil'chenko D.A., Zuev E.A. Patterns of formation and development of the higher criminal class in Russia. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2015;(4):18–22. (In Russ.)
19. Shalagin A.E. Criminological characteristics of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(4):36–39. (In Russ.)
20. Mal'chuk O.I. The history of the development of the phenomenon of “thief in law”. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2018;(5):109–110. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Зарубина Кристина Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Kristina A. Zarubina, Candidate of Sciences (Historical), Lecturer of Departments of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.791

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-125-133>

Характеристика бандитизма и незаконного оборота оружия в период Гражданской войны и первые послевоенные годы в Белгородском уезде Курской губернии

А. В. Чинёнов¹✉, Н. Г. Новоселов¹

¹Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
ул. Горького, д. 71, г. Белгород 308024, Российская Федерация

✉e-mail: Ale-chinenov2011@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В статье рассматриваются меры нормативного правового регулирования, применяемые Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Советом Народных Комиссаров в области бандитизма и незаконного оборота оружия в период Гражданской войны и первые послевоенные годы. Авторами исследовано территориальное деление волостей Белгородского уезда Курской губернии и штатная расстановка Губотделов ГПУ и милиции в уезде, волостях и районах в начале 1920-х годов. В соответствии с отчетами проведен анализ деятельности Белгородской уездной милиции по борьбе с бандитизмом и незаконным оборотом оружия.

Цель: исследование генезиса бандитизма и незаконного оборота оружия в период Гражданской войны и первые послевоенные годы в Белгородском уезде Курской губернии.

Задачи: изучение характеристик банд и шайек, осуществлявших свою преступную деятельность на территории региона, на основе проведения анализа миграционных процессов, происходивших на территории г. Белгорода и уезда, в контексте влияния на уровень преступности в период Гражданской войны и первые послевоенные годы.

Методология. Основными методологическими принципами исследования явились историзм и объективность. Также авторы придерживались общенаучных методов анализа, синтеза и историко-описательного метода.

Результаты исследования носят теоретико-прикладной характер, построенный на основе исследования архивных документов, определены основные мероприятия, используемые правоохранными органами уезда в начале 1920-х годов по противодействию бандитизму и незаконному обороту оружия, а также уделено внимание статистической отчетности ОГПУ и милиции в рассматриваемой сфере.

Выводы. Проведенным исследованием установлено, что правоохранными органами Белгородского уезда Курской губернии удалось определить основные направления, разработать и применить комплекс фундаментальных мер по борьбе с бандитизмом и незаконным оборотом оружия в период Гражданской войны и первые послевоенные годы на территории уезда.

Ключевые слова: бандитизм; незаконный оборот оружия; советская власть; милиция.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Чинёнов А. В., Новоселов Н. Г. Характеристика бандитизма и незаконного оборота оружия в период Гражданской войны и первые послевоенные годы в Белгородском уезде Курской губернии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 125–133. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-125-133>

Поступила в редакцию 18.06.2024

Принята к публикации 26.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Characteristics of banditry and illegal arms trafficking during the Civil War and the first post-war years in the Belgorod district of the Kursk province

Alexey V. Chinenov^{1✉}, Nikolay G. Novoselov¹

¹ Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin
71 Gorky Str., Belgorod 308024, Russian Federation

✉ e-mail: Ale-chinenov2011@yandex.ru

Abstract

Relevance. The article examines the measures of regulatory legal regulation applied by the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars in the field of banditry and illegal arms trafficking during the Civil War and the first post-war years. The authors studied the territorial division of the volosts of the Belgorod district of the Kursk province and the staffing of the GPU and police departments in the county, volosts and districts in the early 1920s. In accordance with the reports, an analysis of the activities of the Belgorod District police in the fight against banditry and illegal arms trafficking was carried out.

Purpose: to study the genesis of banditry and illegal arms trafficking during the Civil War and the first post-war years in the Belgorod district of the Kursk province.

Objectives: to study the characteristics of gangs and gangs that carried out their criminal activities in the region based on the analysis of migration processes that took place in the territory of Belgorod and the county in the context of the impact on crime levels during the Civil War and the first post-war years.

Methodology. The main methodological principles of the research were historicism and objectivity, and the authors adhered to general scientific methods of synthesis analysis and the historical-descriptive method.

The results of the study are theoretical and applied in nature, based on the study of archival documents, the main measures used by the law enforcement agencies of the county in the early 1920s to combat banditry and illegal arms trafficking are identified, and attention is paid to statistical reporting by the OGPU and the police in this area.

Conclusions. The conducted research has established that the law enforcement agencies of the Belgorod district of the Kursk province managed to identify the main directions, develop and apply a set of fundamental measures to combat banditry and illegal arms trafficking during the Civil War and the first post-war years on the territory of the county.

Keywords: banditry; illegal arms trafficking; Soviet government; police.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Chinenov A.V., Novoselov N.G. Characteristics of banditry and illegal arms trafficking during the Civil War and the first post-war years in the Belgorod district of the Kursk province. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):125–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-125-133>

Received 18.06.2024

Accepted 26.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Сегодня российское государство стремится изменить мировой порядок, основанный на либеральной идеологии, выстроить международные отношения на основе государственного суверенитета и национальных интересов [1]. Ведение специальной военной операции по денимитализации и денацификации Украины,

противодействие враждебной политики со стороны недружественных стран, экономические, социальные и многие другие проблемы обязывают президента и правительство принимать меры по стабилизации ситуации, декларировать приоритетные направления внешней и внутренней политики, предпринимать для их реализации активные концептуальные ме-

ры. Одним из приоритетных направлений государственной политики является борьба с организованной преступностью, незаконным оборотом оружия и боеприпасов, от результативности которой во многом зависит и внутригосударственная криминогенная ситуация [2].

В октябре 2023 г. на оперативном совещании с постоянными участниками Совета безопасности России Президент Российской Федерации В. В. Путин обратил внимание всех коллег на важность и актуальность вопроса, касающегося оборота оружия, и призвал выработать меры, направленные на выявление каналов поставок оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, проанализировать предпринимаемые действия ведомственного контроля, посмотреть, что необходимо сделать дополнительно для укрепления нормативной правовой базы¹.

Методология

Основными методологическими принципами исследования стали историзм и объективность. Принцип историзма указал на необходимость оценки состояния противодействия бандитизму и незаконному обороту оружия в период Гражданской войны и первые послевоенные годы в Белгородском уезде Курской губернии. Принцип объективности требовал независимого анализа и оценки этой деятельности ОГПУ и милиции в рассматриваемой сфере. Общенаучные методы анализа и синтеза способствовали накоплению и обобщению исторического материала. Историко-описательный метод применялся при изложении действий правоохранительных органов советской власти в правовом и организационно-тактическом аспекте в борьбе с бандитизмом и

незаконным оборотом оружия в Белгородском уезде Курской губернии.

Результаты и их обсуждение

Вопросы борьбы с бандитизмом и незаконным оборотом оружия и боеприпасов были актуальны и в Советской России. Исследование исторического генезиса деятельности правоохранительных органов в данной сфере в период Гражданской войны и первые послевоенные годы позволит провести анализ мероприятий [3], которые проводились на территории Белгородского уезда, оценить их результативность, имплементировать положительные правовые контенты и организационно-тактические аспекты оперативно-розыскной деятельности в современную, повседневную деятельность правоохранительных органов [4].

Необходимо отметить, что в первые годы советской власти государство столкнулось с рядом фундаментальных проблем. Ведение боевых действий на фронтах Первой мировой и Гражданской войны, борьба с общеуголовной преступностью, экономический, промышленный, социальный кризис и всеобщая политическая изоляция обязывали советскую власть предпринимать беспрецедентный и глобальный комплекс мер по стабилизации деструктивных проявлений и антикризисных мер в государстве [5]. Одним из таких приоритетных направлений советское руководство определило и борьбу с бандитизмом и незаконным оборотом оружия.

20 июня 1919 г. издаётся Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении»², который закрепляет ответственность (вплоть

¹ Тема незаконного оборота оружия в России обсуждалась во время совещания президента с членами Совета безопасности // Информационный портал «ltv». URL: <https://www.ltv.ru/news> (дата обращения 18.04.2024).

² Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении: декрет ВЦИК // Собр. узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. М., 1943. 886 с.

до расстрела) за бандитизм, контрреволюционную террористическую деятельность, сокрытие оружия, совершение вооруженные грабежей и разбоев [6, с. 29–32].

В 1920-е г. советское государство стремится упорядочить и нормативно определить вопросы выдачи и хранения огнестрельного оружия. 12 июля 1920 г. Совет Народных Комиссаров издает Декрет «О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним»¹.

Он предписывает право на хранение и использование оружия только военными и милицией, а также вводит запрет на его передачу третьим лицам [7]. Кроме этого, декрет устанавливал ответственность за:

- незаконное хранение огнестрельного оружия, в том числе если лицо не имело умысла использовать его при совершении преступления;
- стрельбу в воздух в местах массового нахождения граждан;
- беспричинную стрельбу лицам, кому оружие разрешено использовать в соответствии с выполнениями ими служебных обязанностей;
- незаконную выдачу оружия лицам, не имеющим соответствующего разрешения;
- небрежное обращение с огнестрельным оружием, которое привело к несчастному случаю;
- прицеливание в общественных местах;
- выдачу оружия лицам, не умеющим обращаться с ним, и не принявшим мер к обучению правилам обращения с оружием, если привело к несчастному случаю [6, с. 29–32].

17 октября 1921 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР издает Декрет «О порядке реквизиции и конфискации

имущества частных лиц и обществ» [7], где в п. 10 власти сообщают требования об обязательной безвозмездной сдаче оружия и боеприпасов государству гражданами, а при выявлении фактов их хранения санкционируют привлечение таких лиц к уголовной ответственности.

Контроль за исполнением декрета возлагается на чрезвычайную комиссию и милицию, от которых советская власть требует активную работу по исполнению декларативных норм.

Не осталась в стороне от этой деятельности и Белгородская уездная милиция. В декабре 1919 г. в Белгородском уезде и г. Белгороде окончательно была установлена советская власть. Функции административного управления передаются уездным и волостным Советам, в том числе и с непосредственным руководством Рабоче-крестьянской милицией и Уголовным розыском. Общее руководство за деятельностью этих государственных органов возлагалось на народные комиссариаты внутренних дел.

С 1919 по 1922 г. постоянно пересматривался состав и название волостей и сельсоветов, входящих в состав Белгородского уезда. К концу 1922 г. окончательно было утверждено их территориальное деление и штатная расстановка милиции в уезде. 27 ноября 1922 г. начальником управления Белгородской уездной милиции был издан приказ № 331 об утверждении в Белгородском уезде штатной численности милиции. В 1-й район уезда – село Долбино (Бессоновская, Никольская, Пушкарская, Толоконовская волости); 2-й район уезда – слобода Томаровка (Болховецкая, Карповская, Сабынинская, Томаровская, Висловская волости); 3-й район уезда – село Шебекино (Масловская, Мелиховская, Муромская, Старогородская, Шебекинская волости); 4-й район – слобода Савино; 5-й район – слобода Жилая. Была определена штатная расстановка в каждый район: начальник района, помощник, ст. делопроизводитель, ст. конный мили-

¹ О выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним: декрет Совета Народных Комиссаров от 12 июля 1920 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1920. № 160.

ционер, мл. конный милиционер, мл. пеший милиционер [8].

Управление рабоче-крестьянской Белгородской уездной милиции находилось в г. Белгороде в здании современного медицинского училища на пересечении улиц Попова и проспекта Славы.

11 января 1922 г. во всех губерниях в ВЧК формируются отделения по борьбе с бандитизмом. 6 февраля 1922 г. в соответствии с постановлением Председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета М. Калинина упраздняются ВЧК, а их обязанности возлагаются на Народный комиссариат внутренних дел. Губернские ЧК реорганизовываются в Губотделы ГПУ (Госполитуправления), а основной задачей их определяется подавление открытых контрреволюционных выступлений, в том числе бандитизма. В уездные уполномоченные ГПУ по штату: уполномоченных – один, помощников – два, для получения – один, курьер – один [9].

В то время незаконный оборот оружия как вид преступности рассматривался в рамках противодействия бандитизму, который, в свою очередь, декларировался преступностью против завоевания революции или как контрреволюционные преступления.

Советские специалисты в области юриспруденции и науки в 1920-х гг. определяли банду как группу лиц, объединившихся для подготовки и совершения нескольких преступлений, которой были свойственны признаки устойчивости, единства, наличие авторитетного лидера, правил взаимоотношений между участниками шайки и др.

В соответствии п. 16 Постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 27 апреля 1922 г. «О чрезвычайных полномочиях ГПУ в борьбе с бандитизмом»: «ГПУ предоставляется право непосредственных расстрелов на месте бандитских элементов (участников вооруженных ограблений) (предложение тов. Уншлихта), захваченных при совершении ими преступ-

ления. Юридическая формулировка постановления от имени Президиума ВЦИК была поручена комиссии в составе т.т. Курского, Крыленко, Калинина, Уншлихта» [10].

Анализ архивных данных позволяет сделать вывод о том, что борьба с бандитизмом и незаконным оборотом оружия милицией Белгородского уезда проходила в сложных условиях. Большая часть всех зарегистрированных преступлений, в том числе и данного вида, оставались нераскрытыми, и принципиальное противостояние милиции и банд продолжалось на протяжении всех 1920-х гг. Необходимо отметить, что в соответствии с отчетами Белгородской уездной милиции за восемь месяцев 1921 г. на территории уезда совершено 27 преступлений, связанных с бандитизмом [11]. За совершение преступлений было задержано 104 гражданина¹, из них 38 – советские служащие, 4 – военнотружущих и 62 – частные граждане [12]. Заведующий Курским губернским управлением в приказе № 11 от 3 февраля 1920 г. выражал озабоченность активизацией банд: «В некоторых уездах Курской губернии начали проявлять свою деятельность бандиты, участвовали убийства, грабежи и другие преступления» [13].

Необходимо отметить, что и состав банд был разнообразен. Особую угрозу несли военизированные банды. Так, в 1921 г. от рейда банды Махно 10 сотрудников милиции Николаевской слободы 3 суток держали оборону в местной церкви, а у с. Коровино Волоконовской волости остановили продвижение банды, тем самым защитив Волоконовскую и Валуйскую волости от разграбления [14]. Немало проблем советской уездной милиции доставляли и дезертиры. Так, в сводке секретного отдела ВЧК за 16–30 июня 1920 г. сообщалось, что в Курской и Воронежской губерниях было зафиксирова-

¹ Без учета статистических данных за март и август 1921 г. Сведения в архиве отсутствуют.

но массовое скопление вооруженных дезертиров в местностях, прилегающих к сахарным заводам. Данные группы были вооружены винтовками и револьверами. Несомненно, в те времена предприятия сахарной промышленности являлись местами активного товарно-денежного оборота и представляли интерес для разного вида преступников и мошенников. Активность проявляли и банды, на восемьдесят процентов состоящие из выходцев беднейших слоев крестьянства, а руководство ими осуществляли представители профессиональной преступности – рецидивисты и воры-специалисты [15]. В небольшом количестве на территории уезда действовали антисоветские банды, которые, по архивным данным, в определенных волостях пользовались поддержкой местного населения из-за установления Советской властью непомерно завышенного продовольственного налога и проведения репрессивных мер по его изъятию. Необходимо отметить, что в основном свою преступную деятельность в уезде осуществляли многочисленные вооруженные шайки, действия которых были направлены на завладение продовольственными товарами, имуществом и денежными средствами, как граждан, так и государственных учреждений. Как правило, члены шайек проживали и совершали преступления на территории определенной волости или района уезда.

Белгородский уезд являлся одним из крупных узловых центров, соединявших центральную часть страны с южными губерниями, поэтому это время характеризуется значительными миграционными процессами. Приток в город сельского населения, переселение беженцев из прифронтовых регионов, граждан голодающего Поволжья во многом предопределял состояние преступности в регионе. Достаточно обратиться к отчету начальника Белгородского уголовного розыска о состоянии и причинах динамики преступности в уезде в начале 1921 г. [13] Одной из причин роста преступности он

связывал с территориальным положением уезда, «который является базой для остановок проходящих элементов уголовного характера» [16].

Необходимо отметить, что, согласно архивным документам до мая 1921 г., средняя численность миграции в г. Белгороде составляла 600–700 граждан в месяц (прибывало от 230 до 500 человек, убывало 70–100 человек). Активная работа правоохранительных органов в середине 1921 г. позволила стабилизировать не только уровень преступности, но и миграционные процессы. Так, в июне 1921 г. прибыло в г. Белгород 307, а выехало 466 граждан [17].

Также необходимо обратить внимание на организационно-тактические формы и методы, принимаемые Белгородской милицией для борьбы не только с бандитизмом и незаконным оборотом оружия, но и с преступностью в общем. Анализ архивных документов позволил нам определить основные мероприятия, используемые в начале 1920-х гг. К ним относятся:

- введение ночных конных и пеших патрулей;
- в населенных местах губернии, селах, деревнях в ночное время осуществление охраны из граждан под наблюдением сельсоветов [18, л. 121];
- проведение «наблюдения за всеми притонами, постоянными дворами, а также определенными местностями, появляющимися в г. Белгороде и проживающими без определенных зданий лицами» [18, л. 178];
- постоянная проверка рынков и базаров [18, л. 38];
- упорядочение ношения, хранения и регистрации огнестрельного и холодного оружия [18, л. 152];
- выставление в городе Белгороде постов милиции;
- противодействие самогоноварению, пьянству, хулиганству [19];
- проведение облав, обысков, засадных мероприятий и др.

Необходимо отметить и контроль за аналитической деятельностью и статистической отчетностью ГубЧК (Губотделов ГПУ) и милиции. Так до 12 часов каждой субботы начальнику Уголовного розыска Белгородского уезда в уездный партийный комитет предписывалось присылать точные сведения о всех случаях бандитских налетов, грабежей и убийств как в городе, так и в уезде.

В информации о фактах бандитизма, передаваемой сотрудниками госбезопасности для отправки в вышестоящие органы, в обязательном порядке должны были содержаться сведения о:

- времени и месте бандитских налетов;
- количестве членов банды;
- вооруженности;
- социальной принадлежности руководителей и членов банд (местные жите-

ли, рецидивисты, крестьяне, дезертиры и т. д.);

– пособниках и сочувствующих банде;

– ущербе, причинённом деятельностью банды.

Выводы

Таким образом, борьба с бандитизмом и незаконным оборотом оружия в период Гражданской войны и первые послевоенные годы в Белгородском уезде Курской губернии проходила в сложных условиях. Но несмотря на все трудности правоохранительные органы смогли определить основные направления в противодействии данному виду преступлений, разработать и применить комплекс фундаментальных мер по ликвидации многочисленных шаяк и банд, осуществляющих свою преступную деятельность на территории уезда.

Список литературы

1. Криминальная мотивация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1998. 302 с.
2. Новичков В. Е. Преступления против мира и безопасности человечества: проблемы конфликта российского, зарубежного и международного права // Таврический научный обозреватель. 2016. № 4(9). С. 60–68.
3. Новичков В. Е. Некоторые проблемы, связанные с понятиями и классификацией преступлений против жизни, в связи с криминологией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2-1. С. 13–19.
4. Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю. Фельштинского, Г. Чернявского. М.: Террп : Книж. Клуб, 2004. 512 с.
5. Никулин В. В. Потребность в безопасности. Правовой статус ВЧК – ГПУ – ОГПУ в структуре Советского государства // НВ: Исторические исследования. 2013. № 6. С. 25–84.
6. Невский С. А. Развитие законодательства об уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в Советском государстве // Военно-юридический журнал. 2007. № 10. С. 29–32.
7. Декрет Совета Народных Комиссаров от 17 октября 1921 года «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» // Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922. М.: Юстицинформ, 2009. 384 с.
8. Моисеев Н. А., Новоселов Н. Г., Флоря Д. Ф. Становление Белгородской уездной милиции в первые годы Советской власти // Современное общество и право. 2021. № 2(51). С. 3–9.
9. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 519. Л. 138–140.

10. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 3. Д. 290. Л. 4.
11. Ельчанинов П. М. Преступность в российской провинции в период новой экономической политики Советского государства в 1921–1928 гг. (на материалах Курской губернии) // Власть. 2018. № 1. С. 170–175.
12. ГАБО (Государственный архив Белгородской области). Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 34. Л. 8, 9, 14, 17, 18, 19, 20, 21.
13. ГАБО. Ф. Р-1017. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.
14. Меняйло Д. В., Меняйло Л. Н. История создания советской милиции в Белгородском уезде Курской губернии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 2. С. 2–9.
15. ЦА ФСБ РФ (Центральный архив ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 23. Д. 1047. Л. 272.
16. Богданов С. В., Ельчанинов П. М. Преступность и борьба с ней на территории Центрального Черноземья в 1920-е годы (на материалах Курской и Воронежской губерний): монография. М.: Русайнс, 2017. 273 с.
17. ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 67. Л. 47.
18. ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 56.
19. ГАБО. Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 19. Л. 33.

References

1. Kudryavtsev V.N. (ed.) Criminal motivation. Moscow: Nauka; 1998. 302 p. (In Russ.)
2. Novichkov V.E. Crimes against the peace and security of mankind: problems of conflict in Russian, foreign and international law. *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel' = The Tauride Scientific Observer*. 2016;(4):60–68. (In Russ.)
3. Novichkov V.E. Some problems related to the concepts and classification of crimes against life in connection with criminology. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2012;(2-1):13–19. (In Russ.)
4. Fel'shtinskii Yu., Chernyavskii G. (eds.) The Red Terror during the Civil War: based on the materials of the Special investigative commission to investigate the atrocities of the bolsheviks. Moscow: Terrp, Knizh. Klub; 2004. 512 p. (In Russ.)
5. Nikulin V.V. The need for security. The legal status of the Cheka – GPU – OGPU in the structure of the Soviet State. *NB: Istoricheskie issledovaniya = NB: Historical Research*. 2013;(6):25–84. (In Russ.)
6. Nevskii S.A. The development of legislation on criminal liability for illegal trafficking of weapons, ammunition and explosives in the Soviet state. *Voenno-yuridicheskii zhurnal = Military Law Journal*. 2007;(10):29–32. (In Russ.)
7. Decree of the Council of People's Commissars of October 17, 1921 "On the procedure for the requisition and confiscation of property of individuals and societies." In: Culture in the normative acts of the Soviet government. 1917–1922. Moscow: Yustitsinform; 2009. 384 p. (In Russ.)
8. Moiseev N.A., Novoselov N.G., Florya D.F. The formation of the Belgorod county militia in the early years of Soviet power. *Sovremennoe obshchestvo i pravo = Modern society and Law*. 2021;(2):3–9. (In Russ.)
9. GARF (The State Archive of the Russian Federation). F. R-9401. Op. 2. D. 519. L. 138–140. (In Russ.)
10. RGASPI (The Russian State Archive of Socio-Political History). F. 17. Op. 3. D. 290. L. 4. (In Russ.)

11. El'chaninov P.M. Crime in the Russian province during the period of the new economic policy of the Soviet State in 1921-1928. (based on the materials of the Kursk province). *Vlast' = Power*. 2018;(1):170–175. (In Russ.)
12. GABO (The State Archive of the Belgorod region). F. P-426. Op. 1. D. 34. L. 8, 9, 14, 17, 18, 19, 20, 21. (In Russ.)
13. GABO. F. R-1017. Op. 1. D. 6. L. 28. (In Russ.)
14. Menyailo D.V., Menyailo L.N. The history of the creation of the Soviet militia in the Belgorod district of the Kursk province. *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina = Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*. 2020;(2):2–9. (In Russ.)
15. TsA FSB RF (The Central Archive of the FSB of the Russian Federation). F. 2. Op. 23. D. 1047. L. 272. (In Russ.)
16. Bogdanov S.V., El'chaninov P.M. Crime and the fight against it on the territory of the Central Chernozem region in the 1920s (based on materials from the Kursk and Voronezh provinces). Moscow: Rusains; 2017. 273 p. (In Russ.)
17. GABO. F. R-426. Op. 1. D. 67. L. 47. (In Russ.)
18. GABO. F. P-426. Op. 1. D. 56. (In Russ.)
19. GABO. F. R-426. Op. 1. D. 19. L. 33. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Чинёнов Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: Ale-chinenov2011@yandex.ru

Alexey V. Chinenov, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: Ale-chinenov2011@yandex.ru

Новоселов Николай Георгиевич, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pomosh2017.pomosh@yandex.ru

Nikolay G. Novoselov, Deputy Head of the Department of Operational Investigative Activities, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pomosh2017.pomosh@yandex.ru

Приоритеты взаимодействия общественных объединений и государственной власти Российской Федерации в условиях специальной военной операции

А. А. Саломатина¹ ✉

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС)

ул. Октябрьская, д. 12, г. Орел 302028, Российская Федерация

✉ e-mail: aleksandrasalomatina98@mail.ru

Резюме

Актуальность. В данной статье рассматривается проблема трансформации государственно-гражданского диалога в условиях политической нестабильности. В российской политологии нарастает потребность в осмыслении развития гражданского общества Российской Федерации в период после начала специальной военной операции 2022 года. Представляется необходимым провести политологический анализ приоритетов сотрудничества общественных объединений и государственной власти в сфере обеспечения национальной безопасности и защиты национально-государственных интересов Российской Федерации.

Цель исследования заключается в определении приоритетных направлений сотрудничества государственной власти и общественных объединений в условиях специальной военной операции.

Задачи исследования состоят в систематизации научных представлений о характере взаимоотношений между гражданским обществом и государственной властью в постсоветской России, в анализе эволюции взаимодействия общественных объединений с государством после начала специальной военной операции, в выявлении ключевых приоритетов сотрудничества «третьего сектора» и власти в деле защиты национальной безопасности современной России.

Методология проведенного исследования основана на междисциплинарном теоретическом подходе. Для решения поставленных задач применялись исторический, сравнительный и структурно-функциональный методы.

Комплексный характер методологической основы исследования опирается на научные разработки современного политологического знания в постсоветской России и зарубежной научной мысли.

Результаты исследования заключаются в обосновании модернизации устоявшихся представлений о содержании и приоритетах государственно-гражданского диалога в России XXI столетия. Доказывается, что российское общество в своем большинстве осознает масштаб и направленность вызовов и угроз национальной безопасности страны, ввиду чего в условиях специальной военной операции основным фактором развития и деятельности общественных объединений выступает «гражданская мобилизация» российского социума. Значительная часть общественных организаций классического типа и неструктурированные волонтерские объединения нацелены прежде всего на содействие государству в защите национально-государственных интересов современной России.

Выводы. Патриотический подъем российского общества после начала специальной военной операции способствует формированию новых приоритетов и направлений взаимодействия между «третьим сектором» и органами федеральной и региональной государственной власти. В обозримой перспективе участие общественных объединений в гуманитарной поддержке Вооруженных сил России будет оставаться ключевым вектором их политической социализации.

Ключевые слова: специальная военная операция; гражданское общество; общественные объединения; взаимодействие; государство; «третий сектор».

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Саломатина А. А. Приоритеты взаимодействия общественных объединений и государственной власти Российской Федерации в условиях специальной военной операции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 134–144. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-134-144>

Поступила в редакцию 27.06.2024

Принята к публикации 29.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Priorities of interaction between public associations and the government of the Russian Federation in the context of a Special military operation

Alexandra A. Salomatina¹✉

¹Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Central Russian Institute of Management-RANEPA branch)
12 Oktyabrskaya Str., Orel 302028, Russian Federation

✉e-mail: aleksandrasalomatina98@mail.ru

Abstract

Relevance. This article examines the problem of transformation of the state-civil dialogue in conditions of political instability. In Russian political science, there is a growing need to understand the development of civil society in the Russian Federation in the period after the start of the Special Military Operation in 2022. It seems necessary to conduct a political analysis of the priorities of cooperation between public associations and government authorities in the field of ensuring national security and protecting the national and state interests of the Russian Federation.

The purpose of the study is to identify priority areas of cooperation between state authorities and public associations in the context of a special military operation. The objectives of the study are to systematize scientific ideas about the nature of the relationship between civil society and government in post-Soviet Russia, to analyze the evolution of interaction between public associations and the state after the start of a Special military operation, to identify key priorities for cooperation between the "third sector" and the authorities in protecting the national security of modern Russia.

The methodology of the research is based on an interdisciplinary theoretical approach. Historical, comparative, and structural-functional methods were used to solve the tasks set. The complex nature of the methodological basis of the research is based on scientific developments of modern political science knowledge in post-Soviet Russia and foreign scientific thought.

The results of the study are to substantiate the modernization of well-established ideas about the content and priorities of public-civil dialogue in Russia of the 21st century. It is proved that the majority of Russian society is aware of the scale and direction of challenges and threats to the national security of the country. Therefore, in the conditions of a Special military operation, the main factor in the development and activity of public associations is the "civil mobilization" of Russian society. A significant part of classical-type public organizations and unstructured volunteer associations are primarily aimed at assisting the state in protecting the national and state interests of modern Russia.

Conclusions. The patriotic rise of Russian society after the start of a Special military operation contributes to the formation of new priorities and areas of interaction between the "third sector" and federal and regional government authorities. In the foreseeable future, the participation of public associations in humanitarian support of the Russian armed forces will remain a key vector of their political socialization.

Keywords: Special military operation; civil society; public associations; interaction; state; "third sector".

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Salomatina A.A. Priorities of interaction between public associations and the government of the Russian Federation in the context of a Special military operation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):134–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-134-144>

Received 27.06.2024

Accepted 29.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

В условиях полномасштабных политических трансформаций современной России, отсчет которых связан с началом специальной военной операции 2022–2024 гг., в значительной степени изменились связи и коммуникации между основными субъектами политического процесса. Особенно показательна модернизация функций и структурного состава институтов гражданского общества, объединения и организации которого активно привлекаются для решения проблем государственной политики в условиях СВО. В результате придается новое содержание такой отрасли развития российского «третьего сектора», как взаимодействие между публичной властью и гражданским обществом.

Проблематика эволюции общественных объединений традиционно пребывает в эпицентре усилий исследовательского сообщества постсоветской России. Определение реального содержания деятельности неправительственных организаций в контексте партнерства с властными институтами Российской Федерации отражено в трудах современных политологов: Х. А. Кобелевой [1, с. 32], Д. А. Ленькова [2, с. 2662], Т. В. Растимшиной [3, с. 168], И. В. Рукавишниковой [4, с. 66], А. К. Сковикова [5, с. 38], В. В. Скоробогатова [6, с. 44].

Однако исследование конкретных параметров государственно-гражданского взаимодействия только начинает привлекать внимание научного сообщества, отражаясь в разработках таких авторов, как А. Л. Андреев [7, с. 104], А. Р. Бочкаев [8, с. 41], А. Ю. Пинчук [9, с. 28], Д. Л. Цыбаков, Ж. Ю. Данкова [10, с. 80], И. С. Шушпанова [11, с. 97].

Базовым фундаментом становления российской политической науки в сфере государственно-общественных отношений назовем «экономический детерминизм». Сущность названной методологии, на наш взгляд, заключается в признании за гражданскими инициативами

преимущественно нацеленности на достижение оптимального баланса между интересами бизнес-сообществ, государственной власти и третьего сектора.

Наиболее емко отмеченный подход проявился в работах Ю. В. Ирхина, который выделял в качестве приоритетных задач общественных объединений содействие урегулированию отношений между государством и бизнес-сообществом. Поэтому среди функций «третьего сектора» обозначались такие задачи, как обеспечение становления свободного рынка и всеобъемлющей конкуренции, обеспечение прав граждан как потребителей услуг государственного и муниципального управления, развитие модели менеджизма, взаимодействие с международными неправительственными организациями и «глобальным гражданским обществом» [12, с. 16]. Одновременно с этим в научных подходах обоснована особая роль государственных институтов в формировании отечественной модели гражданского общества [13, с. 55], в развитие чего объективным вектором построения «третьего сектора» признавалось поощрение деятельности некоммерческих организаций социальной направленности, в той или иной степени аффилированных с государственной или муниципальной властью.

Первоочередными проблемами развития отечественной модели государственно-гражданского взаимодействия следует назвать: низкий уровень устойчивости механизмов кооперации и взаимопомощи «третьего сектора»; дегитимизация общественных организаций в общественном мнении; неспособность гражданских институтов к постановке и реализации стратегических задач; нивелирование самостоятельных инициатив со стороны постсоветского «политического класса»; внедрение патронажных форм институционализации общественных акторов; отчужденность от общественной активности экономически и социально влиятельных граждан [3, с. 179].

Однако мировой опыт показывает, что в системе социальной действительности изначально содержится необходимый мобилизационный потенциал негосударственного сектора, способный к воспроизводству в обстановке полномасштабной или ограниченной дестабилизации. Например, исследуя «военное измерение» государственно-гражданских отношений, Р. Даль доказывал тождество между формированием политического режима демократии и наличием «вооруженной нации» [14, с. 374].

Наиболее развернуто подобная аргументация прорабатывалась в работах итальянского политолога Р. Маркетти. Следует полагать оправданным акцентирование внимания Р. Маркетти на теме «гражданской мобилизации» [15], исходя из чего поражение в вооруженном конфликте понимается обществом не только как поражение власти или правящей элиты, но и как катастрофа общенационального масштаба. Именно в случае понимания своего потенциала в массовом сознании в социальной практике происходит институционализация новых приоритетов деятельности общественных субъектов в сфере обеспечения национально-государственных интересов. Применительно к ситуации в российском гражданском обществе вступление социума в конфликтный период неизбежно должно было сопровождаться трансформациями в сфере отношений власти и «третьего сектора».

Примерами может быть названо распространение многообразных практик государственно-частного партнерства не только в мирное время, но и в периоды военного времени или системных цивилизационных кризисов. Как показывает проведенный анализ, государственная власть, *независимо от преобладания* в управленческих практиках авторитарных или же демократических тенденций, заинтересована в максимальной общественной поддержке именно в кризисные периоды. Для политических элит в отмеченной обстановке объективно обоснова-

но обращение к социальной поддержке со стороны широких общественных слоев, именно подобным образом укрепляется легитимность государственных магистратур на фоне актуализации внешних и внутренних вызовов принципиального характера.

Отметим, что в российском экспертном сообществе выделяются существенные проблемы в отношениях между властными институтами и общественными структурами не только в постсоветской России, но и в странах, ранее преподносимых в качестве эталона развитой демократии. Опираясь на данные социологических опросов, исследователи аргументируют нарастающее отчуждение общества от публичной власти в условиях либерально-демократических режимов [11, с. 98], причинами чего называют дистанцирование социальных групп от государственной политики, пессимизм относительно дееспособности правительств, исполнительно-распорядительных и представительских институтов.

Несмотря на проведенные в последние годы исследования в отечественной политологии сохраняются лакуны представлений о приоритетах функционирования общественных объединений в условиях военно-политической нестабильности. Становится очевидным, что распространенные в настоящее время представления о роли отечественного «третьего сектора» в политическом процессе оформились в своем большинстве в период устойчивого развития России и баланса международных отношений, характерных для первых десятилетий XXI столетия. Оценка современного теоретико-политического дискурса показывает, что пересмотр содержания взаимоотношений по линии «общество – государственная власть» выдвигается в перечень актуальных задач российской политической мысли.

В современных реалиях представляется очевидным, что оценка содержания государственно-гражданского диалога

современной России требует обращения внимания на фактор внешнего вызова в состоянии постсоветского политического процесса, наличие которого долгое время не принималось во внимание научным и экспертным сообществами. Одновременно с чем конфронтация между Россией и Западом, развернувшаяся после событий «Русской весны» 2014 г. и начала специальной военной операции, объективно должна иметь последствия не только для непосредственно сферы оборонной политики, но и для всего спектра государственно-гражданских отношений.

Методология

Обращение к методологическому инструментарию политической науки содействует пониманию проблематики развития общественных объединений 2020-х гг. Использование сравнительного метода и контент-анализа позволяет выявить наиболее эффективные субъекты взаимодействия с государством со стороны акторов самостоятельных общественных инициатив. Проведенный при написании статьи сравнительный анализ способствует осмыслению специфики различных сфер и направлений государственно-гражданского диалога накануне специальной военной операции и после ее начала.

Компоративистский анализ способствует определению перспектив мобилизации социальной и гражданской активности граждан России, возможности преодоления проявлений абсентеизма и инфантилизма с их стороны.

Обращение к историческому методу исследования позволило уяснить хронологию вовлечения общественных субъектов в процесс взаимодействия с государственной властью в условиях специальной военной операции. Применение структурно-функционального подхода способствует пониманию общей структуры институтов гражданского общества, принимающих участие во взаимодействии с государством, а также проясняет

объем исполняемых ими функциональных задач.

Результаты и обсуждение

На основе обработки массива эмпирических данных и корпуса научных источников имеет смысл аргументировать, что политическая субъектность гражданского общества может проявляться в способности его объединений генерировать социальный запрос и доносить его до политических элит и государственной системы. С другой стороны, все более усложняющаяся природа современного военно-политического противоборства создает условия для появления совершенно новых приоритетов, которые нацелены на корректировку или модернизацию государственной политики в сфере национальной безопасности.

Однако именно в российских условиях начиная с объявления специальной военной операции в феврале 2022 г. отмечается усиление социально-политической консолидации социальных групп и государства, проявлениями чего называются усиление идеологического и политического лоялизма в общественном мнении, а также консолидация политической власти и социальных агрегаций. Отмеченные тенденции были описаны еще на фоне конфронтации с Западом после событий «Русской весны» 2014 г. Следствием этого стал «крымский консенсус», что проявилось в единении большинства социальных сообществ Российской Федерации по вопросам восстановления исторической справедливости после распада СССР [16, с. 152]. Впервые за многие годы экспертных наблюдений было отмечено, что конфронтация с объединенным Западом ведет к большему сплочению вокруг государственной власти такой категории, как российская молодежь [17, с. 34].

Обоснуем, что оценки и позиции общественных объединений ситуаций 2014 г. и 2022–2024 гг. имеют и определенные отличия. Если в период воссо-

единения с Крымом и Севастополем со стороны «третьего сектора» Российской Федерации преобладающей реакцией был именно лоялизм, т. е. согласие с решениями верховных властных институтов, то после начала наблюдается порядковое возматерение самодетельных общественных инициатив в сфере обеспечения обороны и безопасности. Подобная ситуация актуализирует поиск новых приоритетов взаимодействия общественных объединений, ассоциаций, фондов и органов государственной власти.

Не вызывает сомнения, что масштаб проблем, сформировавшихся вокруг стратегии обеспечения национальных интересов современной России, потребовал приобщения к их разрешению потенциала отечественного социума [18, с. 85]. В то же время общественный дискурс, сопровождавший политику власти по защите соотечественников Новороссии, имеет определенные исторические параллели, но обладает несомненной современной спецификой [19, с. 15].

После патриотического подъема в период судьбоносных событий «Русской весны» 2014 г. и начала национально-освободительной борьбы народных республик Донбасса в структуре российского гражданского общества оформился оригинальный сегмент. Заслуживает поддержки аргументация А. Б. Шатилова, согласно которой в структуре отечественного «третьего сектора» после начала СВО оформляется модель «страхующего общества», акторы которого выказывают способность восполнять ресурсы и потенциал государства в тех сферах, где отмечаются кризисные дисфункции официальных стратегий [20, с. 10]. Однако есть основания полагать, что первые объединения подобного рода начали проявлять себя намного раньше.

Основной целью деятельности таких субъектов выступало прямое содействие населению и повстанческим формированиям ЛДНР. Наибольшая активность добровольческих сообществ и объедине-

ний отмечалась в период от народных референдумов в мае 2014 г. и последовавшем отражении карательной операции постмайданных киевских властей. После подписания первых и вторых Минских соглашений социальный запрос по теме поддержки соотечественников в Новороссии стал менее выраженным. На протяжении следующих восьми лет общественные инициативы по оказанию помощи национально-освободительному движению на исторических русских землях Юго-Востока Украины реализовывались общественными объединениями в основном независимо от актуальной на то время государственной стратегии.

Непосредственная поддержка соотечественникам на Донбассе в 2015–2022 гг. артикулировалась преимущественно в деятельности Союза Добровольцев Донбасса и общественного движения «Новороссия», различных неструктурированных волонтерских групп и электронных средств массовой информации. За указанный период были установлены горизонтальные связи между социально активными группами Российской Федерации и ЛДНР, сотрудничество которых впоследствии стало основной методологией взаимодействия между гражданскими сообществами и органами государства после начала СВО.

Формирование новых приоритетов взаимоотношений социальных агрегаций современной России и публичной власти оказалось подчинено логике ключевых этапов специальной военной операции периода 2022–2024 гг. Первым из них признаем образование в структуре военной организации государства иррегулярного компонента, который был формализован в виде добровольческих батальонов и отрядов Боевого армейского резерва специального (БАРС) в весенние месяцы 2022 г.

Помимо организующей роли в их создании властей регионов Российской Федерации, такие подразделения и части также получали поддержку со стороны

неправительственных организаций, ассоциаций и фондов. Характерно, что деятельность добровольческих формирований включала в себя признаки функционирования гражданских институтов: частичная выборность командиров, автономная кадровая политика, собственные источники материального снабжения, неупорядоченность контрактных отношений с Вооруженными силами, что было прекращено только к лету 2023 г.

При этом патриотическая помощь государству концентрировалась прежде всего на потребностях его военной организации и естественным образом вышла за границы гуманитарной поддержки, в связи с чем магистральным приоритетом государственно-гражданского взаимодействия стало подключение негосударственного сектора к внедрению инноваций и технологических проектов в боевую деятельность войск. Такая практика со стороны волонтерских групп в короткий по историческим меркам срок позволила сформировать народный сектор оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации.

Новое содержание государственно-гражданское взаимодействие приобрело в результате усугубления прямой военной и террористической угрозы для освобожденных территорий Новороссии и приграничных регионов Российской Федерации осенью 2022 г. Эти события структурировали еще один приоритет работы общественных объединений – гуманитарная поддержка, благотворительность и социальная реабилитация российских граждан. При этом массовая общественная активность стала охватывать в первую очередь локальный и муниципальный уровни. Во многих случаях волонтерские сообщества и гуманитарные группы, как юридически оформленные, так и самодеятельные, показали себя в качестве наиболее дееспособных представителей гражданского общества в российской провинции.

Третий этап формирования современных приоритетов деятельности «третьего сектора» в Российской Федерации связывается с проведением частичной мобилизации в октябре-ноябре 2022 г. На практике оказалась фактически восстановлена модель массовой армии, которая объективно гораздо теснее интегрирована с обществом, нежели культивировавшаяся в постсоветский период версия «профессиональных вооруженных сил». Итогом смены целей государственной политики безопасности стало приобщение к потребностям поддержания боевой готовности войск широких слоев российского общества.

Наблюдается трансформация приоритетов работы общественных объединений в современной России. Во-первых, принципиально эволюционировала сфера компетенции общественных организаций классического типа, т. е. тех объединений, которые создавались для решения широкого спектра проблем социальной действительности. В качестве примера может быть названа деятельность Общероссийского народного фронта, организаций политических партий и профессиональных союзов. Многие из перечисленных объединений стали оказывать прямую материальную и социальную поддержку населению пострадавших от военных действий регионов и армейским частям. Во-вторых, принципиально иной масштаб приобрела деятельность инициативных общественных групп, нацеленных исключительно на обеспечение служебно-боевых задач действующей армии. Тем самым волонтерские группы и сообщества, возникшие специально для решения проблем обеспечения национальной безопасности, фактически дополняют собой государственную военную организацию.

Выводы

Произошедшая за время СВО интеграция государственно-военного и гражданского секторов общественных отно-

шений имела следствием формирование новых приоритетов деятельности общественных организаций в современной России. Помимо традиционных функций общественных объединений, таких как оказание гуманитарной помощи и социальной поддержки согражданам, заявляют о себе новые магистральные направления коммуникации между публичной властью и гражданскими сообществами.

Наиболее очевидными в обозримой перспективе представляются такие опорные компоненты развития новых приоритетов функционирования общественных объединений в России XXI столетия, как народное оборонное производство, внедрение оборонных разработок и технологий, социальная реабилитация воинов и членов их семей, ведение информационной политики, обеспечение международной поддержки со стороны «третьего сектора» зарубежных государств. Локомотивом общественной активности все чаще

становятся сетевые группы, структурированные посредством возможностей интернет-платформы «Телеграмм».

Все вышеизложенное позволяет предположить, что вновь возникшие приоритеты государственно-гражданского взаимодействия оказались способны канализировать общественный патриотический подъем в современной России, перестроить субъектный состав и систему взаимоотношений в рядах гражданского общества и природу его взаимоотношений с политическими элитами и государством.

Таким образом, события специальной военной операции объективно воспроизводят модернизацию функционирования общественных объединений в России XXI столетия, способствуют формированию актуальных приоритетов и взаимодействия «третьего сектора» и органов государственной власти.

Список литературы

1. Кобелева Х. А. Особенности взаимоотношений государства и гражданского общества в России и Украине в конце XX – начале XXI в // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 32–34. EDN LHQNVB
2. Леньков Д. А. Гражданское общество России в контексте мировых трендов развития гражданского общества // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 8(84). С. 2662–2668. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.84.8.012>, EDN EHGTTM
3. Растимешина Т. В., Антонов Ф. С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1(21). С. 168–179. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-168-179>, EDN ZCNQTR
4. Рукавишникова И. В. Гражданская инициатива как инструмент гражданского общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 3(46). С. 66–70. EDN QCSEMAX
5. Сковиков А. К., Леонтьева О. В. Взаимодействие политической элиты и гражданского общества: основные цели, механизмы и принципы // PolitBook. 2020. № 1. С. 38–64. EDN YFUCKI
6. Скоробогатов В. В. Институты гражданского общества: основные теоретические подходы к исследованию в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 44–50. EDN RPWQXV
7. Андреев А. Л., Андреев И. А., Слободенюк Е. Д. Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 104–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08>, EDN VUNIXY

8. Бочкаев А. Р. Молодежные лидеры общественного мнения в период СВО в контексте взаимодействия с молодежью // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 41–48. <https://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9932>, EDN NJАНКК
9. Пинчук А. Ю. О социально-политических резервах и императивах специальной военной операции // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3>, EDN HSRZIC
10. Цыбаков Д. Л., Данкова Ж. Ю. Императивы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, № 5. С. 80–95. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-5-80-95>, EDN PRSMME
11. Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 97–108. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8>, EDN KARUHB
12. Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России: управляемое, направляемое или воздействующее? // Ars Administrandi (Искусство управления). 2010. № 1. С. 3–16. EDN NHHNBV
13. Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Государство, народ и гражданское общество в России // Новый юридический журнал. 2015. № 3. С. 46–55. EDN YOSPAH
14. Даль Р. Демократия и ее критики / пер. с англ. под ред. М. В. Ильина. М.: Рос. пол. энцикл. (РОССПЭН), 2003. 576 с.
15. Маркетти Р. Роль гражданского общества в конфликтах: от эскалации до милитаризации // Валдайские записки. 2015. № 28. URL: <https://valdaiclub.com/publications/valdaipapers/> (дата обращения: 01.06.2024)
16. Воржецов А. Г. Проблемы консолидации современного российского общества // Власть. 2016. Т. 24, № 7. С. 148–152. EDN WHYILH
17. Устинкин С. В., Никитин А. В. Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте проведения специальной военной операции (СВО) // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2023. № 4(4). С. 32–52. EDN CFBXOY
18. Мерзликин Н. В., Иванов А. В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 85–96. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7>, EDN UAVMUP
19. Черкашин К. В. "Русская весна" в Донбассе: предпосылки, ход и последствия // Постсоветский материк. 2021. № 4(32). С. 4–15. https://doi.org/10.48137/2311-6412_2021_4_4, EDN DPKXSR
20. Шатилов А. Б. Гражданское общество в России: третий путь // Власть. 2023. Т. 31, № 4. С. 9–14. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682>, EDN HVARLP

Reference

1. Kobeleva Kh.A. Features of the relationship between the state and civil society in Russia and Ukraine at the end of the XX – beginning of the XXI century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2009;(319):32–34. (In Russ.) EDN LHQNVB
2. Len'kov D.A. Features of the relationship between the state and civil society in Russia and Ukraine at the end of the XX - beginning of the XXI century. *Voprosy politologii = Bulletin of Tomsk State University*. 2022;12(8):2662–2668. (In Russ.) <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.84.8.012>, EDN EHGTMM

3. Rastimeshina T.V., Antonov F.S. Formation and development of civil society institutions and their interaction with the State. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and socio-humanitarian studies*. 2019;(1):168–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-168-179>, EDN ZCNQTR
4. Rukavishnikova I.V. Civil initiative as a tool of civil society. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2014;(3):6–70. (In Russ.) EDN QCEMAX
5. Skovikov A.K., Leont'eva O. . Interaction between the political elite and civil society: main goals, mechanisms and principles. *PolitBook*. 2020;(1):38–64. (In Russ.) EDN YFUCKI
6. Skorobogatov V.V. Civil society institutions: the main theoretical approaches to research in the context of interaction between civil society and the state. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki = Current issues of modern science*. 2010;(15):44–50. (In Russ.) EDN RPWQXV
7. Andreev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Demarcation and consolidation in Russian society in the context of ITS. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political research*. 2024;(1):104–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08>, EDN VUHIXY
8. Bochkaev A.R. Youth leaders of public opinion in the period of their freedom in the context of interaction with youth. *Vlast' = Power*. 2024;32(1):41–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9932>, EDN NJAHKK
9. Pinchuk A.Yu. On socio-political reserves and imperatives of a special military operation. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*. 2023;29(4):28–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3>, EDN HSRZIC
10. Tsybakov D.L., Dankova Zh.Yu. Imperatives of state-civil interaction in Russia during a special military operation. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2023;18(5):80–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-5-80-95>, EDN PRSMME
11. Shushpanova I.S. Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the context of a special military operation: a sociological analysis. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*. 2022;28(4):97–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8>, EDN KARUHB
12. Irkhin Yu.V. Civil society in modern Russia: guided, guided, or impacted? *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) = Ars Administrandi (The Art of Management)*. 2010;(1):3–16. (In Russ.) EDN NHHHBJ
13. Grebennikov V.V., Grudtsyna L.Yu. The State, the people and civil society in Russia. *Novyi yuridicheskii zhurnal = New Law Journal*. 2015;(3):46–55. (In Russ.) EDN YOS PAN
14. Dal' R. Democracy and its critics. Moscow: Ros. Polit. entsikl. (ROSSPEN); 2003. 576 p. (In Russ.)
15. Marketti R. The role of civil society in conflicts: from escalation to militarization. *Valdaiskie zapiski = Valdai Notes*. 2015;(28). (In Russ.) Available at: <https://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/> (accessed 01.06.2024)
16. Vorzhetsov A.G. Problems of consolidation of modern Russian society. *Vlast' = Power*. 2016;24(7):148–152. (In Russ.) EDN WHYILH
17. Ustinkin S.V., Nikitin A.V. The problem of youth's trust in public and state institutions in the context of a special military operation. *Tekhnologii sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy = Technologies of social and humanitarian research*. 2023;(4):32–52. (In Russ.) EDN CFBXOY
18. Merzlikin N.V., Ivanov A.V. Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment). *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*. 2022;28(4):85–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7>, EDN UAVMUP

19. Cherkashin K.V. The "Russian Spring" in Donbass: background, course and consequences. *Postsovetskii materik = The post-Soviet continent*. 2021;(4):4–15. (In Russ.) https://doi.org/10.48137/2311-6412_2021_4_4, EDN DPKXSR

20. Shatilov A.B. Civil society in Russia: the Third Way. *Vlast' = Power*. 2023;31(4):9–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682>, EDN HVARLP

Информация об авторе / Information about the Author

Саломатина Александра Александровна, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС), г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: aleksandrasalomatina98@mail.ru,
ORCID: 0009-0008-7285-5143

Alexandra A. Salomatina, Post-Graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management – branch of RANEPa), Orel, Russian Federation,
e-mail: aleksandrasalomatina98@mail.ru,
ORCID: 0009-0008-7285-5143

«Рецепты» самобытного социально-культурного строительства в дореволюционных старообрядческих журналах

А. В. Апанасенко¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования связана с важностью научного осмысления влиятельного социально-культурного дискурса, представленного православными традиционалистами в условиях социально-политической и культурной трансформации России в начале XX века.

Цель исследования: анализ общественной риторики «толстых» старообрядческих журналов, издававшихся в России в 1906–1916 годах.

Задачи: охарактеризовать причины, определяющие ценность старообрядческих журналов для истории общественной мысли; обозначить круг общественно значимых проблем, которые поднимались на страницах старообрядческой периодики в 1906–1916 годах; оценить уровень практической значимости изучения предложенных старообрядцами «рецептов» социально-культурного строительства России.

Методы. В ходе работы с публикациями использовались традиционные методики текстологического анализа, в том числе элементы контент-анализа, предполагающего качественно-количественное исследование содержания тех или иных публикаций с целью выявления их центральных идей. Для обработки и интерпретации полученных данных автором применялись методы описания и исторической индукции, а также историко-статистический и историко-генетический.

Результаты. В работе проанализированы особенности осмысления старообрядческими авторами негативных последствий механического копирования западных социально-культурных норм, рассмотрена специфика стратегий эффективного национально-ориентированного строительства, предложенных традиционалистами в условиях социального кризиса начала XX века, рассмотрена целесообразность использования идей «почвенного» социально-культурного строительства в современных условиях.

Выводы. На страницах «толстых» старообрядческих журналов находится значительное количество «рецептов», направленных на укрепление национального самосознания, просвещение, противодействие радикализму в политике и вульгарному потребительству в быту, поддержание семейных ценностей, борьбу с пьянством и курением. Их анализ обогатит имеющиеся в науке представления о социальных и интеллектуальных реалиях поздней империи, а часть стратегий России, представленных старообрядческими публицистами в начале XX века, могут быть адаптированы к современным реалиям.

Ключевые слова: русский толстый журнал; отечественная публицистика; старообрядчество; позднимперский период; модернизация; традиционализм.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенко А. В. «Рецепты» самобытного социально-культурного строительства в дореволюционных старообрядческих журналах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 145–159. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-145-159>

Поступила в редакцию 01.07.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Опубликована 30.08.2024

"Recipes" for original socio-cultural construction in pre-Revolutionary Old Believer journals

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is related to the importance of scientific understanding of the influential socio-cultural discourse presented by Orthodox traditionalists in the context of the socio-political and cultural transformation of Russia in the early XX century.

The purpose of the study: to analyze the public rhetoric of the thick Old Believer journals published in Russia in 1906-1916.

Objectives: to characterize the reasons that determine the value of Old Believers' journals for the history of public thought; to identify the range of socially significant problems that were raised on the pages of Old Believers' periodicals in 1906-1916; to assess the level of practical significance of studying the "recipes" of socio-cultural construction of Russia proposed by Old Believers.

Methods. In the course of working with publications traditional methods of textual analysis were used, including elements of content analysis, which involves a qualitative and quantitative study of the content of certain publications in order to identify their central ideas. To process and interpret obtained data the author used methods of description and historical induction as well as historical-statistical and historical-genetic methods.

Results. The paper analyzes the peculiarities of the Old Believer authors' understanding of the negative consequences of mechanical copying of Western socio-cultural norms, examines the specifics of strategies for effective nationally oriented construction proposed by traditionalists in the conditions of the social crisis of the early 20th century. the expediency of using the ideas of "soil" socio-cultural construction in modern conditions is considered.

Conclusions. On the pages of the "thick" Old Believer journals there is a significant number of "recipes" aimed at strengthening national consciousness, education, countering radicalism in politics and vulgar consumerism in everyday life, maintaining family values, combating drunkenness and smoking. Their analysis will enrich the scientific understanding of the social and intellectual realities of the late Empire, some of the strategies of Russia presented by Old Believer publicists at the beginning of the 20th century can be adapted to modern realities.

Keywords: russian thick journal; domestic journalism; old believers; late imperial period; modernization; traditionalism.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A.V. "Recipes" for original socio-cultural construction in pre-Revolutionary Old Believer journals. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):145–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-145-159>

Received 01.07.2024

Accepted 30.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Начало XX в. ознаменовалось для России не только драматическими политическими и социально-экономическими метаморфозами, но и беспрецедентной культурной динамикой. Последние годы существования империи принесли с собой немало ярких явлений в области

науки, искусства, «большой» литературы, публицистики. При этом принято считать, что своими многочисленными достижениями русская культура этой эпохи обязана плодотворному сочетанию отечественных традиций с новыми западноевропейскими и восточными веяниями. Такие суждения во многом справедливы,

однако духовную жизнь страны обогащали и явно самобытные феномены. Например, «серебряный век» русской культуры хронологически совпал с «золотым веком» русского старообрядчества, и в том числе стал периодом расцвета старообрядческой журналистики – явления «почвенного» и оригинального.

Появившиеся незадолго до конца имперской эпохи публицистические произведения «ревнителей старины» можно сравнить с долго вызревавшими плодами. На протяжении двух с половиной столетий предшествующей истории миллионы русских старообрядцев были существенно ограничены в правах, что затрудняло их самопрезентацию и самовыражение в публичной сфере. Однако в ходе первой русской революции ситуация изменилась: 17 апреля 1905 г. вышел Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», призванный уравнивать в религиозных и гражданских правах сторонников старого церковного обряда с прихожанами официально-православной церкви. Этот указ, а также ряд вскоре появившихся подзаконных актов сняли ограничения на публикацию и распространение старообрядческой литературы. В результате последующие годы (начиная с 1906) ознаменовались не только «бумом» книгоиздательства староверов, но и активным развитием их периодики. На протяжении последнего предреволюционного десятилетия на территории Российской империи (в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Риге, Екатеринбурге, Саратове) в разные годы выходило более двух десятков старообрядческих периодических изданий, значительную часть которых (не менее тринадцати) составили толстые иллюстрированные журналы.

Несомненно, что старообрядческие издания могут быть интересны историку (в том числе историку журналистики) уже в силу того, что они охватывали многотысячную аудиторию и включили в себя работы многих талантливых авторов [1, с. 115–120]. Ф. Е. Мельников утвер-

ждал, что журналы «Церковь» и «Слово церкви» были самыми большими еженедельниками в России, по богатству печатавшихся в них статей, разнообразию богословских, философских и общественных тем существенно превосходившими другие отечественные издания, которые выходили с такой же периодичностью [2, с. 503]. Исследователями также не раз отмечалась важность анализа старообрядческой периодики для изучения внутриконфессиональной истории самого староверия. Об этом писали известные авторы: Р. Робсон [3], И. В. Поздеева [4], А. В. Островский [5]. Однако эвристическая ценность такого рода работы может оказаться существенно шире, поскольку журналы «ревнителей старины» явили собой зеркало, отразившее многие важные явления из жизни быстро менявшегося в начале XX в. российского социума. При этом социальная действительность осмысливалась авторами-староверами через призму особого «почвенного» подхода, далекого и от официально-охранительного, и от либерального, и уж тем более от радикально-революционного общественных дискурсов. Получив возможность «высказаться» по поводу европеизации, изменения социально-экономического уклада, роста революционного движения, законотворчества и других злободневных тем, старообрядцы воспользовались ею в полной мере. Например, знаменитый «древлеправославный» автор, епископ Иннокентий (Усов) в редакционной статье, посвященной выходу первого легального журнала староверов-поповцев «Старообрядец», так характеризовал миссию этого печатного органа: «Более двух с половиной столетий мы, старообрядцы, были лишены почти всяких религиозных, гражданских и человеческих прав, самое существование наше едва только терпелось, как неистребимое зло, даже голос наш, выраженный устно или печатно в защиту своих религиозных убеждений и прав, считался преступлением, подлежащим наказанию. Но теперь

...не голос наш, а молчание может считаться преступлением перед церковью, пред обществом, пред государством и пред своей совестью... нам не только не воспрещается говорить и писать в защиту своих верований и взглядов, убеждений и прав, но от нас почти прямо требуют, чтобы мы сказали свое посильное слово в такое многмятежное время, какое нам приходится переживать» [6, с. 3]. Следствием такой позиции стало то, что и в «Старообрядце», и в других журналах «ревнителей старины» оказалось опубликовано довольно много статей общественной направленности. В них можно найти как размышления о желательных векторах развития страны, так и вполне конкретные «рецепты» социально-культурного строительства на самобытных идейных началах.

Как ни странно, общественная риторика староверов, представленная на страницах их периодических изданий 1906–1917 гг., исследовалась очень мало. Обращавшиеся к истории старообрядческой журналистики отечественные авторы ограничивались краткими обзорами изданий «ревнителей древнего благочестия», рассматривая их как интересное явление в истории отечественной журналистики [1], оригинальный культурный феномен [7], либо проявление веротерпимости российского правительства [8]. Несколько глубже затронул указанную проблему изучавший историю русского староверия в поздней Российской империи американский исследователь Р. Робсон, однако и для его труда она не стала основной [3]. Так что исследователям еще предстоит в полной мере оценить значимость идей, предложенных верующими-традиционалистами накануне Великой российской революции 1917 г. Работа эта, конечно, отнюдь не проста, т. к. потребует внимательного знакомства и осмысления текстов на тысячах страниц. В данной статье автор, разумеется, не пытается «объять необъятное», стремясь скорее к проблематизации заявленной

темы. В статье предполагается, прежде всего, охарактеризовать причины, по которым «толстые» старообрядческие журналы заслуживают внимания историков общественной мысли, затем обозначить круг общественно значимых проблем, которые поднимались на страницах старообрядческой периодики в последние годы существования Российской империи, и, наконец, попробовать оценить уровень практической значимости изучения предложенных старообрядцами «рецептов» социально-культурного строительства России.

Методология

Специфика темы предопределила типологическую однородность источниковой базы проведенного исследования: ее составили материалы российских старообрядческих журналов, выходивших в 1906–1916 гг. В той или иной степени автором были просмотрены / изучены выпуски 13 разных изданий (их наименования представлены ниже, в основной части статьи), при этом наибольшее внимание было уделено тем печатным органам, которые позиционировали себя в качестве выразителей «общественных» идей русского староверия. К числу таких относились журналы «Старообрядец», «Церковь», «Златоструй», «Слово церкви».

В ходе работы с публикациями использовались традиционные методики текстологического анализа, в том числе элементы контент-анализа, предполагающего качественно-количественное исследование содержания тех или иных публикаций с целью выявления их центральных идей. Для обработки и интерпретации полученных данных автором применялись методы описания и исторической индукции, а также историко-статистический и историко-генетический (последний определил внимание к историко-культурным истокам феномена старообрядческой журналистики).

Поскольку цель работы связана скорее с проблематизацией «общественной»

риторики старообрядческих изданий, автор не стремился соотнести свои наблюдения и выводы (имеющие характер взгляда «в первом приближении») с какими-либо теориями исторического процесса вообще либо концепциями российской истории. Тем не менее все же следует отметить, что для понимания закономерностей формирования социально ориентированной старообрядческой риторики ценны концепции, оформившиеся в среде ведущих исследователей российского староверия в последние три десятилетия. Так, хорошей теоретической опорой для осмысления специфики старообрядческого взгляда на позднеимперские отечественные реалии могут стать работы И. В. Поздеевой, Е. М. Юхименко, В. В. Керова, рассматривающих староверие как модификацию русской поздне-средневековой культуры, а в самих староверах видящих носителей традиционалистского мировоззрения. С другой стороны, бесполезными для изучения истории оригинальных «рецептов» социально-культурного строительства представляются адаптированные к российским реалиям положения теории модернизации, которые были представлены в процессе анализа отечественной социокультурной динамики Б. Н. Мироновым, В. В. Алексеевым, О. Л. Лейбовичем, В. А. Красильщиковым. В частности, тут важен тезис о «догоняющем» характере российской модернизации, в имперский период, по существу, выступавшей европеизацией / вестернизацией. Модернизация в таком виде предопределяет необходимость внесения в традиционный жизненный мир страны элементов иностранной культуры, а потому неизбежно порождает «идейную оппозицию» в среде консервативно ориентированного общества. Старообрядчество может рассматриваться как некий полюс этой оппозиции, носитель «традиционалистской» альтернативы социального бытия.

Результаты и их обсуждение

Предваряя обзор старообрядческих журналов последнего предреволюционного десятилетия, необходимо заметить, что, как и любое значимое культурное явление, публицистика «ревнителей старины» начала XX в. имела исторические корни. Фактически с момента церковного раскола старообрядческие сообщества пытались отстаивать свою правоту с помощью рукописного или печатного слова. История старообрядческой культуры – это, не в последнюю очередь, история написания полемических книг, создания школ, библиотек, типографий (долгое время – нелегальных). Во второй половине XIX в., когда печатное слово стало не только оружием в идейном противостоянии интеллектуалов, но и средством влияния на умы быстрорастущей категории грамотных обывателей, лидеры староверия достаточно быстро осознали роль периодических изданий как эффективного инструмента идейной консолидации сторонников «старой веры». Еще в 1878 г. на территории Австро-Венгрии (г. Коломыя) начал издаваться журнал «Старообрядец» (просуществовал до 1892 г.). Большинство направлений староверия с энтузиазмом отнеслось к появлению первого издания такого рода, поэтому оно, несмотря на трудности нелегального ввоза и распространения в России, пользовалось здесь большой популярностью. Журнал можно было встретить «почти в каждом селе и деревне со старообрядческим населением», – писал впоследствии по этому поводу известный публицист И. А. Кириллов [9, с. 362]. В 1892 г. в Коломые стала выпускаться старообрядческая газета «Древняя Русь», а в 1896–1898 гг. в румынском городе Браила издавалась ориентированная на ту же аудиторию газета «Слово правды» [1, с. 115].

Первый журнал «ревнителей старины», выходивший непосредственно в России («Старообрядческий вестник»), начал тайно печататься одной из санкт-

петербургских типографий в 1904 г. [2, с. 502] Впрочем, довольно скоро, после провозглашения вероисповедных свобод, необходимость в конспирации отпала. Во второй половине 1905 г. «ревнители старины» начали организационную подготовку для легального издания своей периодики, которая начала выходить с зимы 1906 г. К числу более или менее объемных журналов относились «Старообрядец» (1906–1907 гг., Нижний Новгород), «Глагол времени» (1906–1907 гг., Санкт-Петербург), «Старообрядческий вестник» (1907 г., Москва), «Старообрядцы», «Старообрядческий поморский журнал» (оба издавались в 1908–1909 гг. в Москве), «Церковь» (1908–1914 гг., Москва), «Златоструй» (1910–1913 гг., Москва), «Старообрядческая мысль» (1910–1916 гг., Киев, Москва), «Старая Русь» (1911–1912 гг., Рига), «Щит Веры» (1912–1916 гг., Саратов), «Старообрядческий пастырь» (1913–1914 гг., Москва), «Слово церкви» (1914–1916 гг., Москва), «Уральский старообрядец» (1915–1916 гг., Екатеринбург).

Большинство журналов выходило ежемесячно либо еженедельно книжками большого формата объемом 5–6 печатных (типографских) листов, в некоторых случаях (например, со «Старообрядческой мыслью») издания включали в себя до восьми печатных листов. Подписка на них могла быть оформлена во всех почтовых отделениях империи. Часть тиража поступала для продажи в книжные лавки при «древлеправославных» церквях, монастырях и старообрядческих общинах, а также пополняла собой публичные и частные библиотеки в разных регионах страны [7, с. 94–96].

Разумеется, профессионально ориентированным изданиям трудно было сравниться со светскими с точки зрения количества читателей, однако некоторые журналы сторонников старой веры могли успешно конкурировать с изданиями Русской православной церкви. Например, издававшийся под патронажем семьи Ря-

бушинских журнал «Церковь» в 1912 г. имел 3304 подписчика. В то же время официально-церковное «Христианское чтение» (печатный орган Санкт-Петербургской духовной академии) располагало максимум 2600 подписчиками [10, с. 77].

Для старообрядческих журналов рассматриваемого периода была характерна определенная «специализация». Так, на максимально широкий круг читателей, стремившихся быть в курсе актуального положения дел в старообрядческом мире и регулярно знакомиться с оценками текущих событий в стране, были рассчитаны «Старообрядец», «Церковь», «Старообрядцы», «Уральский старообрядец». Издания «Златоструй», «Старообрядческая мысль» и «Старая Русь» ставили перед собой задачу осмысления явлений в староверии и России в целом через призму богословского и исторического знания, а потому были читаемы прежде всего старообрядческими интеллектуалами и сочувствовавшими «старой вере» представителями русской интеллигенции. «Старообрядческий пастырь» и «Щит веры» предназначались в первую очередь для священнослужителей, наставников и педагогов, поскольку учили свою аудиторию корректно транслировать идеи «старой веры».

Несмотря на то, что старообрядческий мир России не был внутренне однороден (оформившиеся еще в конце XVII в. направления поповцев и беспоповцев делились на разные согласия и толки), издания «ревнителей старины» в большинстве случаев не стремились подчеркивать свою принадлежность к тому или иному течению. Чаще всего редакционные коллегии появившихся печатных органов объявляли, что постараются сделать их выразителями интересов, чаяний и общественных воззрений всего российского старообрядчества, объединенного любовью к церковной старине и приверженностью к старорусским традициям. Например, в первом выпуске журнала «Церковь» редакция обозначила свою основ-

ную задачу как отражение «истинного значения и смысла старообрядчества» [11, с. 2]. Причем, судя по содержанию этой статьи, значение «старой веры» (носителями которой признавались представители всех толков и согласий) теперь осознавалась не только в чисто конфессиональном ключе: идеологи староверия пытались осмыслить его роль в общественной и культурной жизни России в переломные годы. Если нелегально создававшаяся до 1905 г. старообрядческая периодика была продуктом исключительно «для внутреннего пользования», то издания 1906–1916 гг. оказались ориентированы в том числе и на ознакомление широкой общественности с основами старообрядческой культуры и общественными идеями ее носителей.

Почему эти идеи могли быть интересны старообрядцам и чем они интересны историкам? Думается, что значимость публицистических социально-ориентированных текстов старообрядцев определялась серьезной культурной и экономической ролью, которую их сообщества (вопреки предшествующим притеснениям) играли в начале XX столетия. Взгляд староверов на себя как носителей истинного православия и связанная с ним гордость за собственную духовную миссию предопределили сохранение в их среде малохарактерного для общества эпохи модерна религиозного энтузиазма. Воспроизводство многих элементов допетровского религиозно-бытового уклада сделало мир «ревнителей старой веры» своеобразным полюсом традиционализма в российском обществе и, по мере проявления издержек модернизации, все чаще вызывало уважительное внимание к нему со стороны консервативно ориентированных сограждан. Сформировавшаяся в XVIII–XIX вв. (т. е. в период притеснений) внутриконфессиональная солидарность обусловила значительные хозяйственные успехи защитников старого обряда, вследствие чего к началу XX в. они представляли заметную часть «крепкого»

крестьянства, а также имели большое количество представителей среди крупнейших промышленников страны. Численность сторонников «древлего благочестия», по данным МВД, в начале XX в. составляла порядка 7–8 млн, а независимыми исследователями оценивалась в 20 млн человек [12] и даже больше [13]. Несмотря на то, что даже в условиях «золотого века» отношения старообрядцев с властями были далеко не безоблачными, а инерция двух с половиной веков притеснений давала о себе знать (периодически приводя к закрытию тех же журналов) [14, с. 144], идеи столь мощного общества игнорировать было невозможно.

Какие же социально значимые проблемы обсуждала старообрядческая периодика в 1906–1916 гг. и какие «рецепты» для поступательного развития предлагала? Сразу надо сказать, что охватить все многообразие затронутых тем не получилось бы даже в рамках монографического исследования, не говоря об обзорной статье. Тем не менее попытаемся выделить несколько центральных, обсуждение которых «кочевало» из журнала в журнал.

Первая проблема, неизменно волновавшая старообрядческих авторов – это размывание традиционных культурных устоев российского общества и угроза потери традиционной национальной идентичности. Как известно, последние десятилетия существования Российской империи ознаменовались интенсивными трансформационными процессами, сопровождавшимися перестройкой традиционных социально-экономических отношений и сменой культурных парадигм по западному образцу. Модернизация привела к постепенному разрушению традиционных ценностей, падению авторитета церкви и религии и в какой-то мере к духовному кризису общества. Уже в 1887 г. составители ежегодного отчёта обер-прокурора Св. Синода писали о том, что «вековое влияние Запада... проникает

во все сословия» и вместе с «плодами истинно полезных наук» распространяет образ мыслей, «противный» отеческим традициям и вере. В том же документе говорилось, что распространение западного влияния дает возможность старообрядцам «хвалиться» своей верностью старине [15, с. 294–295]. В начале XX в. жалобы современников на разрушение «старого доброго» уклада усилились, а получившие право на публичное слово староверы не преминули указать на необходимость решительных мер по сохранению отечественных традиций. В качестве противоядия чрезмерному увлечению «всем чужеземным» они видели массовое распространение знаний о прошлом России, а также ее культурных достижениях. Например, в самой первой вступительной статье редакция журнала «Старообрядец» писала: «Человек, не знающий своего прошлого, не достоин имени человека, и общество церковное или гражданское, не знающее своей истории, не заслуживает уважения. А потому “Старообрядец” будет помещать исторические документы и письма, а также и статьи исторического содержания» [6, с. 4].

К столетию победы над Наполеоном журнал «Церковь» напечатал цикл статей о войне 1812 г. (в том числе о роли в ней старообрядцев), в начале Первой мировой войны он же постарался указать читателям на разность «культурных кодов» славян и немцев [16, с. 747–749]. На страницах «Церкви» и других старообрядческих журналов регулярно публиковались статьи, посвященные древнерусской литературе, искусству, традициям общинного устройства в допетровской Руси. Эти публикации, с одной стороны, отвечали традиционным запросам «ревнителей старой веры» на сохранение национальных устоев, а с другой – были призваны указать увлеченной (более или менее) современной западной культурой публике на наличие мощных отечественных традиций самобытного общественно-культурного строительства. Старообрядче-

ские авторы последовательно проводили идею о том, что их культура (она же – традиционная русская культура), несмотря на притеснения, фактически являлась основой русской государственности, представляя «спасительное противоядие, которое предохранило массы простого русского народа от заражения различными чуждыми идеями... Значение старообрядчества для русского государства, и особенно на его инородных окраинах велико и многозначительно... Цель старообрядчества как части русского государства – это воспитание культурно-национального русского гражданина» [17, с. 15].

С проблемой сохранения исторического самосознания и традиционной национальной идентичности в начале XX в. был тесно связан вопрос о целесообразности заимствований тех или иных вещей либо технологий иностранного происхождения. Русские старообрядцы традиционно настороженно относились к бытовым новшествам, приходившим в Россию после петровских реформ, поэтому их журналы уделяли соответствующим темам значительное внимание. На страницах изданий «ревнителей старины» можно найти полемику относительно выращивания картофеля [18], употребления чая и сахара [19], использования керосиновых ламп [20], внедрения в сельское хозяйство железного плуга [21] и самодвижущейся техники [22], покупки граммофонов, согласия на медицинскую прививку [23], приобретения страховки имущества [24]. Надо отдать должное журналам: в большинстве случаев они занимали достаточно здравую позицию, объясняя своим наиболее простодушным читателям, что сам по себе факт заимствования чего-либо с католического (или протестантского) Запада не является грехом. По поводу керосиновых ламп, например, редакция «Златоструя» писала: «Человек изобрел лампу, которая безопасно сжигает керосин, освещая и согревая его жилище. Где тут грех? Грех

надо искать в действиях против божественных установлений и против людей. Использование лампы не оскорбляет ни Бога, ни человека» [20, с. 118–119]. В то же время старообрядческие авторы регулярно подчеркивали важность понимания мотивов использования тех или иных новых вещей. Например, комментируя распространение пришедшей из-за рубежа «моды» на страхование жилья, тот же журнал замечал, что в самой по себе страховке ничего плохого нет. Плохо, если человек пытается использовать ее в целях обогащения, т. е. идет вразрез с этическими нормами православия [24, с. 68]. В многочисленных рассуждениях такого рода слышался призыв не только к старообрядцам, но и к российскому обществу в целом: необходимо ответственно относиться к тому, что мы заимствуем, соотнося использование новшеств с традиционными нравственными устоями.

Начало выхода легальных старообрядческих журналов пришлось на годы первой русской революции, обнажившей проблему радикализации общества и эскалации террора. Авторы-старообрядцы, как правило, резко высказывались против использования насилия в политических целях. Например, журнал «Старообрядец», реагируя на трагические события, связанные с подавлением революционного движения, писал: «Основание для убийств, как у реакционеров, так и у революционеров, одно, и притом не только не новое, но и довольно-таки старое, затасканное, грязное: цель оправдывает средства... Никакая цель не оправдывает злых средств, и такими средствами достигаются не добрые дела, а только злые» [25, с. 17, 19]. «Рецептом» деэскалации (с чьей-то точки зрения довольно утопическим) выступило адресованное всем сторонам предложение безусловно отказаться от убийства людей, кем бы они ни казались друг другу – «начальствующими тиранами» либо экстремистами.

Менее будоражащей воображение, но не менее фундаментальной проблемой

России начала XX в. стал начавшийся кризис традиционных семейных ценностей, связанный с женской эмансипацией и распространением идей «свободной любви». Разумеется, такого рода явления еще не были массовыми, но современники все чаще обращали на них внимание как опасные симптомы, причем связывали их распространение с уровнем «продвинутой» того или иного места либо социальной среды. Так, в характерном архиерейском отчете за 1906 г. в Св. Синод можно прочесть: «В то время, как в селах и деревнях нарушение супружеской верности и незаконное сожитие – явления, наблюдаемые преимущественно в местах, прилегающих к заводу, фабрике или большим экономиям, в городах эти пороки составляют обычное явление, ими несколько не стесняются, и часто жена и муж открыто изменяют друг другу, а общество... совершенно равнодушно к подобным поступкам» [26, л. 29]. В старообрядческой прессе находится немало комментариев на этот счет, при этом ключом к решению проблемы многие авторы видели изменение распространенного в обществе потребительского отношения к женщине со стороны мужчин. И. А. Кириллов на страницах журнала «Старая Русь» писал: «Кто же виноват, кто грешен в том, что современная женщина вообще, а в России в особенности, в семейной жизни занимает забитое, приниженное положение, кто виноват в том, что женщины состоятельных кругов превратились в немнящих кукол и целью своей жизни, своим счастьем называют физиологическую любовь? – Мы, мужчины!» [27, с. 78]. Также Кириллов и некоторые другие авторы полагали, что Россия нуждается в распространении женского образования в христианском ключе. Такое образование, помимо прочего, не позволит женщине мириться с ролью «прислуги» либо просто партнера для сексуальных утех. Модель же для гармоничного взаимодействия представителей разных полов и семейной жизни

журналисты нередко находили в истории старообрядческих общин, где статус женщины был достаточно высоким.

Еще одной «издержкой» модернизации в России, нашедшей отражение в старообрядческой периодике, стало распространение культуры растущего материального потребительства. В конце XIX – начале XX в. современники, в том числе и православные священнослужители, все чаще жаловались на убывающее благочестие прихожан при растущем стремлении к житейским благам. При этом говорилось про чрезмерно развившуюся в массах «страсть к щегольству», стремление быть «модными» (даже в ущерб семейному благосостоянию) [28, с. 206]. Сетую по поводу такого рода явлений, старообрядческие авторы опять же предлагали использование опыта жизни общин «ревнителей старины» в предшествующие столетия. Тогда, будучи поставлены перед необходимостью отстаивать право на собственные убеждения, многие старообрядцы активно занимались изучением книжного наследия, чтением классических религиозных и полемических книг, придавая этим аспектам своего бытия куда большее значение, чем необязательным материальным благам. Представлялось, что следуя такому примеру (конечно, до некоторой степени идеализированному), можно воспитывать в простых людях (и староверах, и новообрядцах) интересы более высокого порядка, чем «щегольство», например, через приобщение к той же книжной культуре. Так, в 1913 г. на страницах «Старообрядческой мысли» петроградский епископ Геронтий писал, что «надо стараться об общественных библиотеках, которые всегда могут принести всем, а в особенности бедным людям, великую пользу... Библиотека – клад драгоценностей; это – наилучшая лечебница, наивысшее богатство и сила человека; она необходима для всех» [29, с. 274]. Распространение интереса к книгам и христианскому просвещению в массах назвал своей

главной миссией и журнал «Щит веры». «Вступая в первый год своего существования, – писала его редколлегия, – журнал... ставит своей задачей трудиться на ниве народного христианского просвещения» [30, с. 7]. Такого рода просвещение – «прививка» против примитивного материализма и вещизма, по мысли авторов журнала, было необходимо не только старообрядцам, но и всей России.

Впрочем, ратуя за формирование в широких массах российских подданных интереса к чтению, большинство старообрядческих изданий не замыкалось исключительно на христианской проблематике. На их страницах довольно часто цитировались труды философов-просветителей (Вольтера, Дидро, Спинозы, Канта, Гегеля, Прудона, Спенсера и даже Ницше). Часто это делалось с критическими замечаниями в полемических целях, таким образом редакции журналов показывали, с одной стороны, открытость к достижениям науки и дискуссиям, а с другой – преданность конфессиональным устоям.

Распространение грамотности, просвещение, организация библиотек и качественного школьного образования рассматривались старообрядческими авторами и как инструменты преодоления другой российской беды – массового пьянства. Борьба с последним рассматривалась «ревнителями старины» как базовый элемент эффективного социально-культурного строительства, поэтому проблеме был посвящен значительный массив материалов. Соответствующие вопросы в большей или меньшей степени затрагивались практически всеми изданиями религиозных традиционалистов. Конечно, в борьбу с бытовым пьянством (как практически, так и идейно в лице своих авторов) была активно вовлечена и Русская православная церковь, однако старообрядческая риторика соответствующего содержания, как в глазах самих «ревнителей старины», так и сочувствующей их идеалам читательской аудито-

рии, имела определенные преимущества. Старообрядцы в целом считались «трезвой» частью российского общества (эту особенность не стоит преувеличивать, но все же сам факт меньшего пристрастия старообрядцев к алкоголю в дореволюционной России подтверждается многочисленными сохранившимися замечаниями современников). Как писал курский губернатор в своем «Всепоподданнейшем отчете» за 1899 г., даже те «раскольники», которые «слабы со стороны учения, сильны практической жизнью», т. е. хорошо работают, не курят, не пьют [15, с. 319]. Эта «практическая сила», как представлялось старообрядческим авторам, давала им моральное право для наставления читателей по поводу эффективных мер по борьбе с вековым российским злом. Характерные примеры «сильных» антиалкогольных текстов философско-религиозного [31] или исторического содержания [32] можно найти на страницах «Златоструя» или «Уральского старообрядца» [33]. Не менее горячо протестовали староверы и против распространения в России привычки к табакокурению. Интересно, что для борьбы с этим пороком некоторые авторы не только предлагали отталкиваться от традиционных христианских запретов [34] и старорусских норм [35], но и апеллировали к достижениям современной науки, доказывавшей вред курения с медицинской [36] и статистической точки зрения [37].

Как видно из приведенных примеров, старообрядческие авторы начала XX в., выступая в роли идейных традиционалистов, видели свою миссию в презентации проектов здорового национального социально-культурного пространства, до некоторой степени (но отнюдь не полностью) освобожденного от иностранного влияния. Ряд их плодотворных предложений (связанных с развитием просвещения и укреплением этнического самосознания, усилением национальной составляющей в образовании, поддержкой семейных ценностей, антиалкоголь-

ной и антитабачной пропагандой и т. д.) не стал предметом широких общественных дискуссий до 1917 г. как из-за дефицита времени, так и сохранявшегося напряжения в отношениях старообрядцев с официальной православной церковью. В послереволюционный период из-за атеистического вектора в формировании общественного сознания и противопоставления «старого мира» новым социалистическим реалиям дискуссии относительно «рецептов» социально-культурного строительства на базе религиозного традиционализма потеряли актуальность. Сегодня они, безусловно, интересны историкам. А будут ли полезны практикам?

Думается, что ответ на последний вопрос также может быть положительным. Современная Россия находится в сложном положении, связанном с неопределенностью основных принципов самоопределения и развития. В начале постсоветского периода наша страна стремилась оказаться встроеной в «западную цивилизацию», перенимая экономические, законодательные, социально-политические, образовательные и прочие стандарты. Однако после очередного витка вестернизации, пришедшейся на последнее десятилетие XX и начало XXI в., стало ясно, что российский социум нуждается в конструктивных стратегиях ограничения своей идейной зависимости от Запада и выработке более-менее самобытных стратегий развития. Тридцать с лишним лет, прошедшие с момента крушения СССР, показали, что равноправное сотрудничество с ведущими западными странами может быть полезно, а вот механическое копирование чужих идеологем и практик в большинстве случаев бесперспективно. Во-первых, использование апробированных и вроде бы привлекательных рецептов часто противоречит отечественным традициям и особенностям правосознания, а во-вторых, вероятное будущее самой условно «западной» цивилизации (омраченное потенциальными демографическими, ген-

дерными, социально-психологическими проблемами, а также дефицитом того, что часто именуют «пассионарностью») отнюдь не выглядит однозначно привлекательным.

России в XXI в. вновь требуется осознание того, какой она хочет стать в относительно недалеком будущем. Речь идет о ценностях, приемлемых методах изменения социальной реальности, оптимальном соотношении традиций и новаций. Историческая наука в данном случае оказывается тем инструментом, который позволяет аккумулировать имеющийся более или менее интересный опыт. Поэтому «рецепты» самобытного социально-культурного строительства, предложенные русскими традиционалистами в условиях болезненных социальных трансформаций начала XXI в., несомненно, заслуживают пристального внимания не только с академической, но и с практической точки зрения.

Выводы

Итак, последнее предреволюционное десятилетие истории Российской империи ознаменовалось ярким общественно-культурным явлением – расцветом старообрядческой журналистики. Внедрение вероисповедных свобод в стране и стремление русского старообрядческого мира стать полноценным субъектом общественно-государственного строительства обусловило возникновение в 1906–1916 гг. ряда журналов, ставших площадками для обсуждения идей гармонизации социально-политического и культурного бытия

России посредством возвращения на самобытный путь развития. Публикации в старообрядческих изданиях не только отразили отношение консервативно-ориентированной части общества к активному внедрению в отечественный быт западных социально-культурных норм, но и представили ряд «рецептов» эффективного национально-ориентированного строительства. Эти «рецепты» были направлены на укрепление национального самосознания, просвещение, противодействие радикализму в политике и вульгарному потребительству в быту, поддержание семейных ценностей, борьбу с пьянством и курением. Взятые вместе, они отразили процесс формирования влиятельного социально-культурного дискурса, представленного российскими традиционалистами в условиях масштабного общественного кризиса.

Наличие этого традиционалистского дискурса (не официально-правительственного, а скорее «почвеннического»), увы, не всегда учитывается историками. Его анализ, наряду с исследованием сопряженных практик, обогатит имеющиеся в науке представления о социальных и интеллектуальных реалиях поздней империи. Часть «рецептов оздоровления» России, озвученных старообрядческими публицистами в начале XX в., вероятно, может быть адаптирована к современным реалиям или, как минимум, стать источником вдохновения для тех, кто сегодня готов совершенствовать отечественную социальную реальность.

Список литературы

1. Гордеева М. В. Старообрядческая периодика в конце XIX – начале XX вв.: издания, авторы, проблематика (краткий обзор) // Медиальманах. 2016. № 6(77). С. 114–122.
2. Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. 568 с.
3. Robson R. Old believers in modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995. 188 p.
4. Поздеева И. В. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. Результаты и перспективы // Мир старообрядчества. Вып. 4.

Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований. М.: Рос. полит. энцикл., 1998. С. 22–27.

5. Островский А. Б. Старообрядчество в условиях ограниченного социального признания (по материалам журнала «Церковь» 1908–1917 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10. М., 2004. С. 6–16.

6. От редакции // Старообрядец. 1906. №1. С. 3–6.

7. Климаков Ю. В. Старообрядческая периодическая печать начала XX в. как феномен отечественной культуры // Библиография и книговедение. 2018. № 4(417). С. 92–101.

8. Савинцев В. Из истории старообрядческой периодики (на рубеже XIX–XX вв.) // Рязанский богословский вестник. 2020. № 1 (21). С. 49–52.

9. Кириллов И. Краткий очерк старообрядческого просвещения // Церковь. 1910. № 14. С. 361–363.

10. Карпук Д. А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 2011. № 6 (41). С. 41–89.

11. Наши задачи // Церковь. 1908. № 1. С. 1–2.

12. Пругавин А. С. Два миллиона или же двадцать миллионов? // Старообрядчество во второй половине XIX в.: сборник статей А. С. Пругавина. М.: Отд. тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. С. 5–21.

13. Кириллов И. А. Статистика старообрядчества. М.: Старообрядческая мысль, 1913. 26 с.

14. Керов В. В. «Народное освобождение совершилось ещё не окончательно»: старообрядцы и Третьеиюньская монархия // Российская история. 2023. № 4. С. 136–152.

15. Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века. Курск: РОСИ, 2014. 397 с.

16. Сенатов В. Славяне и немцы // Церковь. 1914. № 32. С. 747–749.

17. Поспелов Е. Значение старообрядчества на окраинах для Русского государства // Старая Русь. 1912. № 1. С. 13–18.

18. Ответы редакции // Златоструй. 1910–1911. № 10. С. 46–47.

19. Д. Почему я бросил пить чай // Златоструй. 1910–1911. № 7. С. 52–54.

20. Ответы редакции // Златоструй. 1911–1912. № 7. С. 118–119.

21. Распространение сельхозмашин в России // Златоструй. 1910. № 4. С. 18–20.

22. Косьба травы машинами // Златоструй. 1911–1912. № 7. С. 3–5.

23. Ответы редакции // Златоструй. 1910–1911. № 5. С. 77–78.

24. Ответы редакции // Златоструй. 1910–1911. № 6. С. 67–68.

25. Непорочный. Оправдание зла // Старообрядец. 1906. № 1. С. 16–21.

26. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2158.

27. Кириллов И. Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5. С. 78–80.

28. Апанасенок А. В. Паломничество русских крестьян в Палестину в конце XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. № 6. С. 198–211.

29. Епископ Геронтий. Пример, достойный подражания // Старообрядческая мысль. 1913. № 3. С. 273–276.

30. Первое слово // Щит веры. 1912. № 1. С. 5–10.

31. Вино // Златоструй. 1910. № 4. С. 65–66.

32. Быстров С. Вековое зло // Златоструй. 1910–1911. № 12. С. 29–33.

33. Пьянство – зло // Уральский старообрядец. 1916. № 1–2. С. 42–49.

34. О курении табака // Златоструй. 1910. № 4. С. 71–74.

35. Скверна в устах // Златоструй. 1910–1911. № 5. С. 49–51.

36. О вреде курения // Златоструй. 1910–1911. № 11. С. 42–45.
37. С. Б-в. Враги человечества // Златоструй. 1911–1912. № 2. С. 33–35.

References

1. Gordeeva M.V. Old Believer periodicals in the late XIX – early XX centuries: publications, authors, problems (a brief overview). *Medial'manah = Media Almanac*. 2016;(6):114–122. (In Russ.)
2. Mel'nikov F.E. A brief history of the Ancient Orthodox (Old Believer) Church. Barnaul: BGPU; 1999. 568 p. (In Russ.)
3. Robson R. Old believers in modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press; 1995. 188 p.
4. Pozdeeva I.V. Comprehensive research of the modern traditional culture of the Russian Old Believers. Results and prospects. *Mir staroobryadchestva = The world of Old Believers*. Is. 4. Moscow: Ros. polit. encikl.; 1998. P. 22–27. (In Russ.)
5. Ostrovskij A.B. Old Believers in conditions of limited social recognition (according to the materials of the journal "The Church" 1908-1917). *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost' = Old Believers: history, culture, modernity*. Is. 10. Moscow, 2004. P. 6–16. (In Russ.)
6. From the editorial office. *Staroobryadec = The Old Believer*. 1906;(1):3–6. (In Russ.)
7. Klimakov Yu.V. The Old Believers periodical press of the beginning of the XX century as a phenomenon of Russian culture. *Bibliografiya i knigovedenie = Bibliography and Book Studies*. 2018;(4):92–101. (In Russ.)
8. Savincev V. From the history of Old Believer periodicals (at the turn of the XIX-XX centuries). *Ryazanskij bogoslovskij vestnik = Ryazan Theological Bulletin*. 2020;(1):49–52. (In Russ.)
9. Kirillov I. A brief outline of the Old Believers' Enlightenment. *Cerkov' = The Church*. 1910;(14):361–363. (In Russ.)
10. Karpuk D.A. Periodicals of the St. Petersburg Theological Academy. *Hristianskoe chtenie = Christian Reading*. 2011;(6):41–89. (In Russ.)
11. Our tasks. *Cerkov' = The Church*. 1908;(1):1–2. (In Russ.)
12. Prugavin A.S. Two million or twenty million? In: *Staroobryadchestvo vo vtoroj polovine XIX v.: sbornik statej A.S. Prugavina = Old Believers in the second half of the XIX century. Collection of articles by A.S. Prugavin*. Moscow: Otd. Tip. t-va I. D. Sytina; 1904. P. 5–21. (In Russ.)
13. Kirillov I.A. Statistics of the Old Believers. Moscow: Staroobryadcheskaya mysl'; 1913. 26 p. (In Russ.)
14. Kerov V.V. "The people's liberation has not yet been finalized completely": Old Believers and the Third June Monarchy. *Rossijskaya istoriya = Russian History*. 2023;(4):136–152. (In Russ.)
15. Apanasenok A.V. Religious traditionalism in provincial Russia: the history of the Old catholic communities of the Central Chernozem Region in the XVII – early XX century. Kursk: ROSI; 2014. 397 p. (In Russ.)
16. Senatov V. Slavs and Germans. *Cerkov' = The Church*. 1914;(32):747–749. (In Russ.)
17. Pospelov E. The importance of the Old Believers in the outskirts for the Russian State. *Staraya Rus' = Old Russia*. 1912;(1):13–18. (In Russ.)
18. Editorial responses. *Zlatostroj = Zlatostroy*. 1910–1911;(10):46–47. (In Russ.)
19. Why did I stop drinking tea. *Zlatostroj = Zlatostroy*. 1910–1911;(7):52–54. (In Russ.)
20. Editorial responses. *Zlatostroj = Zlatostroy*. 1911–1912;(7):118–119. (In Russ.)

21. Distribution of agricultural machinery in Russia. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910;(4):18–20. (In Russ.)
22. Kos'ba travy mashinami. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1911–1912;(7):3–5. (In Russ.)
23. Editorial responses. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(5):77–78. (In Russ.)
24. Editorial responses. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(6):67–68. (In Russ.)
25. Justification of evil. *Staroobryadec = The Old Believer*. 1906;(1):16–21. (In Russ.)
26. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 796. Op. 442. D. 2158. (In Russ.)
27. Our sin. *Staraya Rus' = Old Russia*. 1912;(5):78–80. (In Russ.)
28. Apanasenok A.V. Pilgrimage of Russian peasants to Palestine in the late XIX – early XX century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2020;(6):198–211. (In Russ.)
29. An example worthy of imitation. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1913;(3):273–276. (In Russ.)
30. The first word. *Shchit very = The shield of faith*. 1912;(1):5–10. (In Russ.)
31. Wine. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910;(4):65–66. (In Russ.)
32. Bystrov S. Age-old evil. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(12):29–33. (In Russ.)
33. Drunkenness is evil. *Ural'skij staroobryadec = The Ural Old Believer*. 1916;(1–2):42–49. (In Russ.)
34. About tobacco smoking. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910;(4):71–74. (In Russ.)
35. Filth in the mouth. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(5):49–51. (In Russ.)
36. About the dangers of smoking. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(11):42–45. (In Russ.)
37. The enemies of humanity. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1911–1912;(2):33–35. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: apanasenok@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: apanasenok@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4650-3730

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-160-169>**Курский государственный медицинский институт: первые шаги становления****В. В. Коровин¹✉, А. Н. Манжосов²**¹ Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Совет ветеранов Железнодорожного округа города Курска

ул. Станционная, д. 15, г. Курск 305044, Российская Федерация

✉ e-mail: vlavikor@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Одной из важнейших задач современной системы образования является повышение качества подготовки выпускников. Степень освоения профессией во многом зависит от результативности образовательного процесса. Реформирование высшей школы, осуществляемое в последние десятилетия, носит явно противоречивый характер. Внедрение бакалавриата и магистратуры с постоянно изменяющимися образовательными стандартами привело к утрате достижений в вопросах подготовки кадров. Поэтому объективное осмысление опыта организации высшего образования является актуальным направлением научного поиска. История вузов всегда привлекала интерес исследователей. Но зачастую, опираясь лишь на воспоминания, авторы игнорируют архивные документы, содержащие делопроизводственную, распорядительную, методическую и персональную информацию. Избежать подобных ошибок позволяет анализ широкого круга источников на основе новейших методологических подходов.

Цель исследования состоит в комплексном рассмотрении организационных и материальных предпосылок открытия, а также в обобщении начального этапа функционирования Курского государственного медицинского института во второй половине 1930-х годов.

Задачи: раскрыть историографические особенности исследования темы; охарактеризовать основные проблемы, связанные с организацией высшего медицинского образования в регионе.

Методология. При проведении исследования применялись принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач автором использовались историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, типологический, ретроспективный методы.

Результаты. Изучение и обобщение источников и историографии позволило уточнить историю Курского государственного медицинского университета на ее начальном этапе, обратив внимание на допускаявшиеся в предшествующих публикациях искажения и неточности.

Выводы. Курский медицинский институт сыграл важную роль в подготовке медицинских кадров для региона и страны, особенно в условиях военного времени. Утверждения отдельных авторов о личном участии И. В. Сталина в решении ряда вопросов, связанных с открытием вуза, не подтверждаются документальными источниками. В первые годы функционирования института закладывались значимые образовательно-воспитательные традиции, успешно реализуемые на последующих этапах его деятельности.

Ключевые слова: Курский медицинский институт; строительство; кафедра; студент; профессор; здравоохранение.

Финансирование: Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования Коровин В. В., Манжосов А. Н. Курский государственный медицинский институт: первые шаги становления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 160–169. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-160-169>

Поступила в редакцию 25.06.2024

Принята к публикации 31.07.2024

Опубликована 30.08.2024

© Коровин В. В., Манжосов А. Н., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024;14(4):160-169

Kursk state medical institute: the first steps of formation

Vladimir V. Korovin^{1✉}, Alexander N. Manzhosov²

¹ Southwestern State University

50 let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

² Council of Veterans of the Kursk Railway District

15 Stationnaya Str., Kursk 305044, Russian Federation

✉ e-mail: vlavikor@yandex.ru

Abstract

Relevance. One of the most important tasks of the modern education system is to improve the quality of graduate training. The degree of mastering the profession largely depends on the effectiveness of the educational process. The reform of higher education carried out in recent decades is clearly contradictory. The introduction of bachelor's and master's degrees with changing educational standards has led to a loss of achievements in personnel training. Therefore, an objective understanding of the experience of the organization of higher education is an urgent area of scientific research. The history of universities has always attracted the interest of researchers. But often, relying only on memories, the authors ignore archival documents containing clerical, administrative, methodological and personal information. The analysis of a wide range of sources based on the latest methodological approaches allows to avoid such errors. The purpose of the study is to comprehensively consider the organizational and material prerequisites for the opening, as well as to generalize the initial stage of the functioning of the Kursk State Medical Institute in the second half of the 1930s.

Objectives: to reveal the historiographical features of the research topic; to characterize the main problems associated with the organization of higher medical education in the region.

Methodology. The principles of objectivity and historicism were applied during the research. To solve the tasks set by the author, historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative, typological, retrospective methods were used.

Results. The study and generalization of sources and historiography made it possible to clarify the history of Kursk State Medical University at its initial stage, paying attention to the distortions and inaccuracies allowed in previous publications.

Conclusions. Kursk Medical Institute played an important role in the training of medical personnel for the region and the country, especially in wartime conditions. The statements of individual authors about the personal participation of I.V. Stalin in solving a number of issues related to the opening of the university are not confirmed by documentary sources. In the early years of the institute's operation, significant educational traditions were laid, which were successfully implemented at subsequent stages of its activity.

Keywords: Kursk Medical Institute; construction; department; student; professor; healthcare.

Funding: The publication was carried out within the framework of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in the context of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Korovin V.V., Manzhosov A.N. Kursk state medical institute: the first steps of formation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):160–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-160-169>

Received 25.06.2024

Accepted 31.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

История становления Курского государственного медицинского института (с июня 1994 г. – Курского государственного медицинского университета) нераз-

рывно связана с развитием регионального здравоохранения и высшего медицинского образования в Советском Союзе.

В начале 1930-х гг. правительствами СССР и РСФСР были приняты значимые

решения, направленные на повышение качества подготовки врачей, развитие научных исследований в области теоретических и практических проблем медицины. Предусматривалось и открытие новых медицинских вузов. Они в РСФСР были переданы в подчинение Наркомздрава.

В середине 1930-х гг. особенно остро стала проблема дефицита медицинских кадров. Их недостаток сдерживал дальнейший рост лечебных учреждений и препятствовал решению главной задачи – обеспечения доступности квалифицированной помощи для широких слоев населения, особенно в сельской местности. Так, во вновь образованной 13 июня 1934 г. Курской области не хватало более 500 врачей. 9 июля 1934 г., менее чем через месяц после формирования руководящих структур Курской области, бюро Курского обкома ВКП(б) (секретарь обкома И. У. Иванов) приняло решение «Об организации в городе Курске мединститута и областной клинической больницы» [1, л. 26].

Методология

В основу исследования были положены принципы объективности и историзма, предполагающие беспристрастный анализ разностороннего комплекса источников, выявление как позитивных, так и негативных аспектов рассматриваемого в развитии явления. Для решения поставленных задач авторами использовались методы: историко-генетический, который позволил последовательно выявить изменения в процессе становления образовательной организации; историко-системный, представляющий исследуемую проблему организации медицинского образования на территории региона в предвоенный период как составную часть истории образовательного процесса, взаимосвязанную с другими социальными явлениями и тенденциями; историко-сравнительный, способствующий сопоставлению различных аспектов подго-

товки медицинских кадров во времени и в пространстве; типологический, позволяющий классифицировать характерные черты системы ведомственного образования; ретроспективный, предполагающий восстановление хода событий прошлого.

Результаты и их обсуждение

Бюро Курского обкома партии признало необходимым с 1 января 1935 г. организовать в Курске мединститут (приняв на 1-й курс 100 человек) и создать новую областную клиническую больницу. Эти лечебные и учебные учреждения предполагалось разместить в деревне Сапогово в зданиях, принадлежащих областной психиатрической больнице. Для этого предлагалось объединить Курскую и Орловскую психиатрические больницы с основной базой в Орле вместимостью 1000 коек [1, л. 150].

Вскоре было принято неоднозначное решение: передать мединституту здание, ранее занимаемое школой ФЗУ Наркомюста и расположенное на Десято-Пятницкой площади (площадь вскоре стала именоваться Вузовской). Председателю облисполкома П. С. Цареву и заведующему областным отделом здравоохранения А. Ф. Третьякову поручалось представить в обком партии план размещения кафедр будущего института, оснащения лечебных клиник, расположенных в городских больницах (рассчитанных на 800 коек), а также студенческих общежитий. Облисполкому было необходимо обеспечить жильем профессорско-преподавательский состав будущего учебного заведения.

Курский обком партии обратился к Наркому здравоохранения РСФСР Г. Н. Каминскому по вопросам организации в Курске медицинского института, а главное – подбора преподавательских кадров. Предполагалось организовать учебные занятия осенью 1935 г. [1, л. 150]

2 сентября 1934 г. президиумом исполкома Курского областного Совета де-

путатов трудящихся также было принято решение № 21/303 об открытии медицинского вуза, в котором детально определялся порядок перевода школы ФЗУ в город Фатеж, рассматривался план размещения кафедр мединститута, решения жилищно-бытовых проблем сотрудников и студентов [2, л. 85]. Заведующему облздравотделом А. Ф. Третьякову поручалось к 25 сентября 1934 г. составить смету по организации мединститута и предоставить ее на утверждение президиуму облисполкома. Это решение облисполкома обязывало советские органы и хозяйственные субъекты области и города оказывать оперативное содействие в строительстве и оборудовании медицинского вуза.

9 февраля 1935 г., положительно рассмотрев ходатайства Курского обкома партии и облисполкома, Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР принял постановление № 89 об открытии в Курске медицинского института. Этот документ был подписан председателем СНК РСФСР Даниилом Егоровичем Сулимовым (1890–1937). В соответствии с правительственным постановлением 7 мая 1935 г. народный комиссар здравоохранения РСФСР Григорий Наумович Каминский (1895–1938) издал приказ № 338. В нем указывалось: «Приступить к организации медицинского института в г. Курске с приемом на первый курс в 1935 году 250 человек и установить начало занятий 1 сентября 1935 года» [3, с. 5]. Далее в приказе поручалось управлению медобразования Наркомздрава принять от Курского облисполкома помещения для организуемого института: четырехэтажное здание бывшей тюрьмы (площадью 18 тыс. кв. метров); двухэтажное здание, занимаемое больницей бывшей тюрьмы (площадью 4 тыс. кв. метров); надворные постройки бывшей тюрьмы: двухэтажное здание, три одноэтажных здания и сарай; строения закрытой к тому времени Ахтырской церкви; прилегающий к медицинскому институту земель-

ный участок с садами и древесными насаждениями площадью до 15 гектаров.

20 мая 1935 г. президиум Курского облисполкома рассмотрел вопрос «О строительстве в Курске медицинского института». Принятое на нем решение не было основано на глубоком изучении материальной базы будущего строительства [4, л. 71–71]. 22 июня 1935 г. на президиуме облисполкома был обсужден вопрос о предоставлении квартир для сотрудников будущего института и принято решение об освобождении здания для строительных работ [4, л. 161].

23 июня 1935 г. состоялось решение Курского облисполкома № 58/1440, согласно которому инженер А. Г. Кепов был назначен производителем работ на строительстве мединститута [4, л. 180].

В короткие сроки строителям предстояло выполнить огромный объем работ, начиная от внутренней перепланировки помещений до замены всех оконных и дверных проемов, а их насчитывалось более тысячи. Планировалось построить аудитории, в здании бывшей тюрьмы оборудовать учебные помещения.

Анализ архивных документов, большинство из которых нами впервые вводится в научный оборот, подвергает сомнению утверждения курских историков и краеведов (доктора исторических наук, профессора А. Ю. Друговской, кандидата исторических наук Ю. А. Бугрова) о посещении Курска Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным в январе 1935 г. и его решающей роли в создании Курского мединститута [5, с. 22–23]. Это исторически недостоверная версия основывалась на воспоминаниях исполнителя работ на строительстве мединститута А. Г. Кепова, опубликованных в 2002 г. в журнале «Курские мемуары». Подчеркнем, что в этих воспоминаниях содержится значительное количество ложных фактов и ошибок, которые полностью опровергаются архивными документами.

Внимательное ознакомление с «мемуарами» А. Г. Кепова приводит к выводу об их крайнем субъективизме, зачастую в умышленном, а в отдельных случаях и непреднамеренном искажении фактов.

Во-первых, изучение тетрадей записи лиц, принятых И. В. Сталиным с 1927 по 1953 г., свидетельствует о том, что в первой половине января 1935 г. И. В. Сталин не выезжал из столицы. В условиях резкого обострения политической борьбы, сложившейся после убийства 1 декабря 1934 г. секретаря ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского обкома партии С. М. Кирова, И. В. Сталин, как и его ближайшее окружение, готовился к проведению судебного процесса по делу «Московского Центра» [6, с. 188–189; 7, с. 176].

Во-вторых, сообщение А. Г. Кепова о том, что в январе 1935 г. председатель Курского городского Совета депутатов трудящихся П. Д. Каширин «экстренно собрал президиум Совета, на котором присутствовали первый секретарь обкома партии И. У. Иванов и председатель облисполкома П. С. Царев» [5, с. 12], явно ошибочно. По воспоминаниям А. Г. Кепова, П. Д. Каширин первым встречал И. В. Сталина, приехавшего на автомобиле. Согласно архивным документам, представленным в редакцию Большой Курской энциклопедии еще в мае 2007 г. Центром документации новейшей истории Оренбургской области, в личных делах Петра Дмитриевича Каширина указывается, что он возглавлял Курский горсовет как председатель до ноября 1934 г. С должности председателя Курского областного планового отдела был переведен в Оренбург на должность управляющего обкомбанком [8, л. 26]. В январе – августе 1935 г. Курский городской Совет депутатов трудящихся возглавлял Л. С. Клейман [9, л. 17].

Таким образом, в январе 1935 г. П. Д. Каширин как председатель горис-

полкома не мог встречать И. В. Сталина в Курске.

В-третьих, А. Г. Кепов приводит в качестве прямой речи следующие слова вождя: «Хорошо бы для этой цели использовать здание тюрьмы, стоящей при въезде в город». Фраза: «...и не на месте она стоит, и одной тюрьмы для города, я думаю, достаточно» – звучит неправдоподобно, ибо тюрьма у Московских ворот в Курске была закрыта еще в 1928 г. Неправдоподобно звучит такая реплика И. В. Сталина: «Значит, вопрос об учреждении в Курске высшего учебного заведения мы решили. Теперь надо приступить к его осуществлению... Строить, я думаю, будем медицинский институт. Он сейчас здесь очень нужен» [10, с. 12]. Эта реплика явно была придумана самим А. Г. Кеповым. И более того, как Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин никогда не брал на себя решение вопросов, находившихся в компетенции правительства РСФСР.

А. Г. Кепов подчеркивал, что в присутствии Председателя СНК СССР В. М. Молотова президиумом Курского облисполкома строительство института было объявлено «ударной стройкой» [5, с. 13]. Более того, такого заседания вообще не было, а решение об утверждении А. Г. Кепова исполнителем работ на строительстве медицинского института было принято опросным порядком членов президиума облисполкома [4, л. 180].

Налицо явная фальсификация, доверчиво принятая курскими историками, архивистами и краеведами и активно тиражируемая до сих пор в краеведческой литературе.

Мемуары, написанные А. Г. Кеповым в середине 1960-х гг., – это яркий образец личного пиара и попытки оправдать себя после отбытия 12-летнего тюремного заключения за активное сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами в 1941–1943 гг. на должности заместителя начальника – главного ин-

женера Курской городской Управы (по ст. 58-3 УК РСФСР).

21 мая 1935 г. был издан первый приказ по Курскому мединституту. В должность директора института вступил Виктор Иванович Дешевой (1890–1945). Ранее он работал заместителем директора по науке Всесоюзного института животноводства и лаборатории эндокринологии [11, л. 1–5]. В. И. Дешевой руководил коллективом КГМИ с мая 1935 г. по сентябрь 1937 г. [11, л. 3] На этом посту его сменил кандидат медицинских наук, доцент Я. М. Бунэ [12; 13, с. 82].

Вернемся к вопросу строительства мединститута. В связи со значительным объемом работы и значительными финансовыми затратами на их исполнение строители не успели завершить их к началу сентября, поэтому в институте учебный год начался 1 октября 1935 г. [14, с. 8]

Основные теоретические кафедры вуза: нормальной анатомии, физики, общей химии и биологии – были размещены в зданиях, расположенных во дворе главного корпуса. В отдельных зданиях были оборудованы лекционная аудитория на 300 мест и анатомический музей, площадь которого составила 726,5 кв. м. В 1937–1938 гг. после завершения строительства левого и правого крыла основного здания (по ул. Карла Маркса и Ямская гора) кафедры были переведены в главный корпус института [15, с. 288].

В соответствии с приказом В. И. Дешевого были назначены его заместители: Яков Савельевич Андросов – по учебно-научной работе и Николай Петрович Михеев – по административно-хозяйственной части [16, л. 1]. Я. С. Андросов до перевода в Курск занимал должность заместителя директора Астраханского медицинского института [16, л. 1].

Согласно выявленным в ГАОПИКО документам на 1-й курс института было зачислено 258 человек (а не 277, как ра-

нее указывалось в большинстве публикаций) [17, л. 52].

Достаточно разноплановым оказался возрастной состав студентов – от 17 до 35 лет. Многие из них имели многолетний фельдшерский стаж, другие – пришли после демобилизации из рядов РККА, а третьи (меньшинство) – со школьной скамьи. Многие были из семей городских и сельских тружеников.

На 1 октября 1935 г. в институте работали 7 профессоров, 13 ассистентов и 86 человек обслуживающего персонала [17, л. 151].

В 1937 г. работало 2 женщины-профессора Л. А. Шангина и Л. М. Туткевич и 10 мужчин-профессоров. В числе ассистентов было больше женщин: 23 из 38 ассистентов, принятых в основном на работу из числа практических врачей. Среди обслуживающего персонала было 130 женщин и 53 мужчины. Из числа студентов (обучались в 1938 г.) 525 женщин и 257 мужчин [17, л. 151]. 782 студента проживали у себя дома, 256 – в двух общежитиях и 191 – на частных квартирах [17, л. 152]. Острой оставалась проблема с выделением квартир профессорам и ассистентам.

Первыми заведующими кафедрами в 1935 г. Наркомздрав РСФСР утвердил профессоров: анатомии – Л. А. Шангину, биологии – А. Д. Берштейна, общей химии – М. Ф. Михайлова, физики – В. И. Попова [3, с. 5; 14, с. 8].

В 1936–1939 гг. заведующими кафедрами по конкурсу были избраны: М. И. Равич-Щербо, К. С. Богоявленский, Н. К. Верещагин, А. С. Брумберг, А. М. Брусин, А. В. Рудченко, выдающиеся клиницисты И. А. Черноголов, Х. Н. Левитан, Я. М. Бунэ, И. В. Данилов, М. Г. Рудицкий, А. А. Штейн, Я. И. Альпин и др. [13, с. 83; 14, с. 9]

11 июля 1936 г. первым деканом лечебного факультета была утверждена заведующая кафедрой нормальной анатомии профессор Л. А. Шангина. В 1937 г. на этой должности ее сменил заведую-

щий кафедрой биохимии профессор М. И. Равич-Щербо.

29 января 1937 г. в газете «Курская правда» была опубликована статья о профессоре М. И. Равич-Щербо. В ней отмечалось, что «профессор Равич-Щербо приехал в Курский мединститут всего 3 месяца назад. Но уже заслужил популярность у студентов. Требуя от них глубоких знаний по своему предмету, он в то же время проявляет заботу об условиях их работы. В лаборатории образцовый порядок. Каждый студент обеспечен всем необходимым... Профессор организовал для студентов картотеку по предмету, библиотеку и научный кружок. Кафедра профессора Равич-Щербо считается одной из лучших в институте». В 1937 г. в числе лучших кафедр руководство вуза отмечало кафедры анатомии, биохимии и гистологии [17, л. 151–152].

К концу 1935/1936 учебного года в партийную организацию института входило 7 членов и кандидатов в члены Коммунистической партии (один профессор, ассистент и 5 студентов). Парторгом вуза была утверждена Дарья Кузьминична Чурилова [18, л. 4]. В 1937 г. парторгом был утвержден член ВКП(б) с августа 1919 г. Владимир Николаевич Новосад [19, л. 433].

В апреле 1936 г. комсомольская организация мединститута уже объединяла 125 человек (т. е. 50% студенческого контингента). Ленинским РК ВЛКСМ секретарем комсомольской организации был утвержден студент первого курса Владимир Андреевич Бояринцев, 1911 года рождения. В 1938 г. партийная организация института приняла его кандидатом в члены ВКП(б) [19, л. 448].

К сентябрю 1940 г. в студенческой среде комсомольская прослойка увеличилась. Так, из 1350 студентов 765 были членами ВЛКСМ (более 56%) [20, л. 235]. Большую организаторскую работу по сплочению комсомольцев и молодежи осуществляли секретари комитета комсомола КГМИ З. И. Воронина (ноябрь

1938 – июнь 1940 гг.) [21, л. 4, об. 7] и Т. С. Семисалова [20, л. 235; 22, л. 21] (июль 1940–1941 гг.).

К сентябрю 1936 г. численность студентов на двух курсах составила 528 человек. В 1937 г. на трех курсах обучались 782 студента, к 1941 г. – 1293 [17, л. 52, 151].

Как отмечалось выше, занятия в новом вузе начались 1 октября 1935 г. с лекции заведующего кафедрой биологии, профессора А. Д. Бернштейна (он руководил кафедрой с 1935 по 1938 г. – *Авт.*) [14, с. 84].

По данным, представленным в Курский обком партии парторгом вуза В. Н. Новосадом, успеваемость студентов в 1935/1936 учебном году составила 87%, в 1936/1937 учебном году – 91%, а в 1937/1938 учебном году – уже более 96% [17, л. 52]. Деканат факультета строго следил за успеваемостью студентов. Так, с 1936 по май 1938 г. за академическую неуспеваемость из вуза было отчислено 68 студентов, из них 30 – в 1938 г. [17, л. 151 об.]. С 1-го и 2-го курсов 32 человека числились в числе «второгодников».

Первыми отличниками учебы в 1936/1937 учебном году стали 37 человек, в их числе студенты 2-го курса А. П. Котова, С. А. Болотский, З. Т. Мартыросян, Г. С. Козырев, А. Г. Залеская [17, л. 151 об.].

12 апреля 1936 г. торжественным собранием всего коллектива Курский мединститут отметил первую годовщину со дня образования. Отчет о торжестве с фотографией В. И. Дешевого был опубликован в газете «Курская правда» от 14 апреля того же года. На собрании с докладом о достигнутых успехах в учебной и научной работе выступил директор института В. И. Дешевой. Был оглашен приветственный приказ наркома Г. Н. Каминского. В нем отмечалось, что один из самых молодых в стране мединститут – Курский – обеспечен материальной базой, профессорско-преподавательским составом (118 человек), наладил учебный про-

цесс и приступил к развертыванию научно-исследовательской работы [3, с. 6; 13, с. 83].

30 июня 1940 г. 186 выпускникам института директором С. Р. Гехманом с участием народного комиссара здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякова были вручены дипломы об окончании вуза [23, л. 1–8].

125 врачей были оставлены для работы в Курской области. В Орловскую область направлен 31 врач и более 30 – в лечебные учреждения других областей и в ряды РККА. Многие из них впоследствии стали высокопрофессиональными врачами и учеными, известными не только в Курской области, но и далеко за ее пределами [14, с. 3].

26 июня 1940 г., выступая на юбилейном собрании, посвященном пятилетию вуза, А. Ф. Третьяков заявил: «Создание медицинского института в Курске – отражение идущей в нашей стране культурной революции, перестраиваю-

щей быт населения, просвещающей людей и оздоравливающей жизнь каждой семьи. Это праздник не только медицинских работников, но и рабочих, колхозников, интеллигенции области» [14, с. 3–4; 15, с. 287].

Вывод

Курский медицинский институт сыграл важную роль в подготовке медицинских кадров для региона и страны, особенно в условиях военного времени. Утверждения отдельных авторов о личном участии И. В. Сталина в решении ряда вопросов, связанных с открытием вуза, не подтверждаются документальными источниками. В первые годы функционирования института формировалось кадровое ядро профессорско-преподавательского состава, закладывались значимые образовательно-воспитательные традиции, успешно реализуемые на последующих этапах его деятельности.

Список литературы

1. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11.
2. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 91.
3. Курский государственный медицинский университет – 80 лет / под ред. В. А. Лазаренко, А. И. Конопли, И. И. Бобынцева. Курск: Изд-во КГМУ, 2014. 591 с.
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп.1. Д. 114.
5. Друговская А. Ю. История Великой Отечественной войны в документах и судьбах: (по материалам Курского государственного медицинского университета): к 70-летию Великой Победы. Курск: КГМУ, 2015. 190 с.
6. Иосиф Виссарионович Сталин: энциклопедия / сост. В. В. Суходеев. М.: Алгоритм, 2006. 494 с.
7. Зенькович Н. А. Самые закрытые люди: энциклопедия биографий. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Олма-Пресс, 2004. 88 с.
8. ЦДНИ ОО (Центр документации новейшей истории Оренбургской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 929.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 917.
10. Кепов А. Г. Курский медицинский институт. Предыстория // Курские мемуары. 2002. № 1. С. 12–15.
11. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 502.
12. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 3-Л. Д. 59.
13. Рожковская И. О. К вопросу создания и развития Курского государственного медицинского института в 1930-е гг. // События и люди в документах курских архивов. Курск: Евромастер, 2020. Вып. XIX. С. 80–83.

14. Курский ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт / сост. Ю. В. Федоренко. Курск: Курск. гос. мед. ун-т, 1992. 126 с.
15. Спасенные жизни: подвиг медиков в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / редкол.: А. В. Завьялов (гл. ред.) [и др.]. Курск: КГМУ, 2003. 335 с.
16. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1589.
18. ГАОПИКО. Ф. П-84. Оп.1. Д. 50.
19. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп.1 Д. 572.
20. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 58^a.
21. ГАОПИКО. Ф. П-84. Оп. 2. Д. 481.
22. ГАОПИКО. Ф. П-40. Оп. 1. Д. 182.
23. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 2.

Reference

1. ГАОПИКО (The State Archive of the Socio-Political History of the Kursk region). F. P-1. Op. 1. D. 11. (In Russ.)
2. ГАКО (The State Archive of the Kursk region). F. R-3322. Op. 1. D. 91. (In Russ.)
3. Lazarenko V.A., Konoplya A.I., Bobyntseva I.I. (eds.) Kursk State Medical University – 80 years old. Kursk: Izd-vo KGMU; 2014. 591 p. (In Russ.)
4. ГАКО. F. R-3322. Op.1. D. 114. (In Russ.)
5. Drugovskaya A.Yu. The history of the Great Patriotic War in documents and destinies: (based on materials from Kursk State Medical University): on the 70th anniversary of the Great Victory. Kursk: KGMU; 2015. 190 p. (In Russ.)
6. Sukhodeev V.V. (ed.) Joseph Vissarionovich Stalin: an encyclopedia. Moscow: Algoritm; 2006. 494 p. (In Russ.)
7. Zen'kovich N.A. The most closed people: an encyclopedia of biographies. 2nd. ed. Moscow: Olma-Press; 2004. 88 p. (In Russ.)
8. TsDNI OO (Documentation Center of the modern history of the Orenburg region). F. 1. Op. 1. D. 929. (In Russ.)
9. ГАОПИКО. F. P-1. Op. 9. D. 917. (In Russ.)
10. Kepov A.G. Kursk Medical Institute. Background. *Kurskie memuary = Kursk memoirs*. 2002;(1):12–15. (In Russ.)
11. ГАОПИКО. F. P-1. Op. 9. D. 502. (In Russ.)
12. ГАКО. F. R-4847. Op. 3-L. D. 59. (In Russ.)
13. Rozhkovskaya I. O. On the issue of the creation and development of the Kursk State Medical Institute in the 1930s. *Sobytiya i lyudi v dokumentakh kurskikh arkhivov = Events and people in the documents of the Kursk archives*. Kursk: Evromaster; 2020. Is. XIX. P. 80–83. (In Russ.)
14. Fedorenko Yu.V. (ed.) Kursk Order of the Red Banner of Labor State Medical Institute. Kursk: Kurs. gos. med. un-t, 1992. 126 p. (In Russ.)
15. Zav'yalov A.V. (ed.) Saved lives: the feat of doctors in the Great Patriotic War (1941–1945). Kursk: KGMU; 2003. 335 p. (In Russ.)
16. ГАКО. F. R-4847. Op. 1. D. 1. (In Russ.)
17. ГАОПИКО. F. P-1. Op. 1. D. 1589. (In Russ.)
18. ГАОПИКО. F. P-84. Op.1. D. 50. (In Russ.)
19. ГАОПИКО. F. P-1. Op.1 D. 572. (In Russ.)
20. ГАОПИКО. F. P-131. Op. 1. D. 58^a. (In Russ.)
21. ГАОПИКО. F. P-84. Op. 2. D. 481. (In Russ.)

22. GAOPIKO. F. P-40. Op. 1. D. 182. (In Russ.)

23. GAKO. F. R-4847. Op. 1. D. 2. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Vladimir V. Korovin, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: vlavikor@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8353-526X

Манжосов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, кандидат медицинских наук, Совет ветеранов Железнодорожного округа, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: zhdadmkursk@yandex.ru

Alexander N. Manzhosov, Candidate of Sciences (Historical), Candidate of Sciences (Medical), Council of Veterans of the Railway District, Kursk, Russian Federation,
e-mail: zhdadmkursk@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(470):656.21

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-170-184>

Историческая эволюция правил технической эксплуатации железных дорог России

А. С. Полякова¹✉

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая, д. 29, г. Санкт-Петербург 195251, Российская Федерация

✉ e-mail: polyakova.ar@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Железнодорожный транспорт на протяжении практически двух столетий был и остается одним из ключевых средств передвижения и транспортировки грузов и пассажиров. В силу этого необходимо обеспечение безопасности движения, которое должно быть отражено в основных правилах, действующих на железнодорожном транспорте. Данная статья посвящена анализу Правил технической эксплуатации железнодорожного транспорта с конца XIX века по настоящее время. Развитие железнодорожных технологий отражает не только прогресс в инженерной и технической сфере, но и обширный контекст социальных, экономических, политических и научных изменений. Исследование эволюции правил технической эксплуатации позволяет проследить эти изменения и сделать выводы о том, как научные и технические инновации формировались и внедрялись в практику железнодорожного транспорта.

Целью исследования является изучение эволюции правил технической эксплуатации железнодорожного транспорта России в разные периоды времени.

Задачи: сравнить редакции правил технической эксплуатации железнодорожного транспорта с конца XIX века по настоящее время для выявления изменений в основных требованиях к безопасности и техническим характеристикам; выявить причины изменений и влияние политических, экономических и технологических факторов на формирование этих правил; оценить роль изменений в контексте развития железнодорожной системы.

Методология. Исследование базируется на принципах объективности и историзма. Для решения поставленных задач были использованы такие методы, как: историко-сравнительный, историко-генетический, историко-типологический.

Результаты. Сравнение положений правил технической эксплуатации железных дорог позволило объективно оценить влияние научно-технического прогресса в области железнодорожного транспорта на становление и укрепление нормативно-технического обеспечения безопасности движения.

Выводы. Автор пришел к выводу о том, что правила технической эксплуатации железных дорог за свою историю существования претерпели ряд изменений, нововведений, исключений и доработок, однако многие положения остаются неизменными и по сегодняшний день. Накопленный эксплуатационный, технический и нормотворческий опыт необходим для дальнейшего совершенствования системы обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте России.

Ключевые слова: безопасность; железнодорожный транспорт; правила технической эксплуатации; технические инновации; транспортная безопасность.

Финансирование: Исследование профинансировано Министерством науки и высшего образования РФ в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (соглашение № 075-15-2024-201 от 6 февраля 2024 г.).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Полякова А. С. Историческая эволюция правил технической эксплуатации железных дорог России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 170–184. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-170-184>

Поступила в редакцию 08.06.2024

Принята к публикации 26.07.2024

Опубликована 30.08.2024

© Полякова А. С., 2024

The historical evolution of the Russian railway technical operation rules

Arina S. Polyakova¹✉

¹Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29 Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, Russian Federation

✉ e-mail: polyakova.ar@yandex.ru

Abstract

Relevance. For almost two centuries, rail transport has been and remains one of the key means of transportation. Due to this, it is necessary to ensure traffic safety, which should be reflected in the basic rules applicable to railway transport. This article is devoted to the analysis of the rules of technical operation of railway transport from the end of the XIX century to the present. The development of railway techniques and technologies reflects not only progress in the engineering and technical fields, but also the vast context of social, economic, political and scientific changes. The study of the evolution of the rules of technical operation allows us to trace these changes and draw conclusions about how scientific and technical innovations were formed and introduced into the practice of railway transport.

Purpose of the study is to study the evolution of the rules of technical operation of Russian railway transport in different periods of time.

Objective is to conduct a comparative analysis of the evolution of the rules of technical operation of railway transport from the end of the XIX century to the present to identify changes in the basic requirements for safety and technical characteristics, to identify the causes of changes and the influence of political, economic and technological factors on the formation of these rules; to assess the role of changes in the context of the development of the railway system.

Methodology. The research is based on the principles of objectivity and historicism. To solve the tasks set, such methods as historical-comparative, historical-genetic, historical-typological were used.

Results. A comparison of the provisions of the rules of technical operation of railways made it possible to objectively assess the impact of scientific and technological progress in the field of railway transport on the formation and strengthening of regulatory and technical traffic safety.

Conclusion. The author came to the conclusion that the rules of technical operation of railways have undergone a number of changes, innovations, exceptions and improvements over their history, but many provisions remain unchanged to this day. The accumulated operational, technical and normative experience is necessary for further improvement of the safety system in Russian railway transport.

Keywords: safety; railway transport; technical operation rules; technical innovations; transport security.

Funding: The research was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under the strategic academic leadership program "Priority 2030" (Agreement 075-15-2024-201 dated 06.02.2024).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Polyakova A.S. The historical evolution of the Russian railway technical operation rules. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):170–184. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-170-184>

Received 08.06.2024

Accepted 26.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

История отечественного железнодорожного транспорта насчитывает 187 лет с момента открытия первой в России железной дороги сообщением Санкт-

Петербург – Царское Село 30 октября 1837 г. За практически два века своей истории железнодорожный транспорт претерпел множество кардинальных изменений, которые нашли свое отражение в

«конституции» железнодорожного транспорта – Правилах технической эксплуатации железных дорог (далее – ПТЭ, Правила).

История развития железнодорожного транспорта в России является довольно изученным и актуальным вопросом. Проблемам начального этапа развития железных дорог и их влиянию на модернизацию российского общества в настоящее время посвящены исследования Д. В. Васильева [1], А. Б. Вульфома [2], Л. М. Ласточкиной [3], Д. Ю. Левина [4]. Ряд учёных (например, А. И. Калужина, Т. А. Зотова) занимаются рассмотрением вопроса эксплуатации железных дорог.

Несомненно важны работы, посвященные безопасности движения поездов. Этот вопрос затрагивают исследования С. В. Власенко [6].

В эпоху цифровизации крайне актуальными являются вопросы применения цифровых технологий на железнодорожном транспорте, изучению которых посвящены исследования С. В. Кудряшова [7], И. В. Каспарова и А. А. Попель [8], И. М. Мишина [9].

Стоит отметить, что некоторые ученые (например, А. С. Пущин, М. А. Гордон и С. Э. Паберзс [10]) предпринимают попытки для проведения исторического анализа положений ПТЭ.

Однако проведенный при подготовке данной статьи историографический анализ свидетельствует о том, что в отечественной исторической науке практически отсутствуют исследования, посвященные сравнительному анализу изменяющихся в исторической перспективе положений ПТЭ. Данный вопрос начал рассматриваться лишь в начале XXI в. на интернет-форумах¹ и в периодических

отраслевых изданиях железнодорожного транспорта².

Необходимо подчеркнуть важность изучения данного вопроса, поскольку ПТЭ являются фундаментальным элементом обеспечения безопасности движения и эффективного функционирования транспортной системы. Исследование эволюции ПТЭ на протяжении длительного периода – это не только важный аспект исторического анализа, но и ключевой фактор для понимания современных глобальных проблем и вызовов, стоящих перед железнодорожной отраслью.

На всех видах транспорта, в том числе и железнодорожном, обеспечение безопасности движения, а также защита от возможных угроз и опасностей осуществляется через нормативное регулирование, направленное на предотвращение потенциальных рисков и минимизацию угроз для пассажиров и инфраструктуры. Разнообразные технические и организационные меры применяются в соответствии со стандартами и законодательством [11, с. 104].

С каждым десятилетием технологии, политические и экономические условия меняются, оказывая влияние на разработку и применение ПТЭ на практике. На сегодняшний день железнодорожная отрасль сталкивается с новыми вызовами, такими как: автоматизация и цифровизация, устойчивое развитие, которые требуют пересмотра и обновления существующих правил. С этой целью крайне необходимо понимание эволюции ПТЭ для выявления корней текущих проблем и недочетов, а также извлечения уроков из прошлого опыта для оптимизации современных подходов. Исторический анализ положений ПТЭ разных периодов времени помогает выявить как успешные, так и неэффективные стратегии и устано-

¹ История создания Правил технической эксплуатации (ПТЭ) // 1520mm.ru: сайт. URL: <https://www.1520mm.ru/cargo/pte.phtml> (дата обращения: 17.04.2024).

² Сегодня исполняется 130 лет первым Правилам технической эксплуатации // Гудок. 2013. 27 июня. URL: <https://gudok.ru/newspaper/amp/?ID=917514&archive=2013.06.27> (дата обращения: 17.04.2024).

вить их влияние на безопасность, экономическую эффективность и устойчивость железнодорожного транспорта.

Методология

Настоящее исследование базируется на принципах объективности и историзма, которые предполагают всестороннее рассмотрение изучаемого объекта для выявления его сущности в контексте взаимосвязи с историческими событиями, а также анализ социально-политических явлений, способствовавших изменению ПТЭ, в рамках конкретных исторических условий. Для решения поставленных задач методологическая база научного исследования основана на использовании таких методов, как: историко-сравнительный, способствовавший сопоставлению положений ПТЭ во времени с учётом потребностей железнодорожной отрасли каждого из периодов; историко-генетический, позволивший установить последовательные изменения к требованиям и основным средствам обеспечения безопасности движения на железнодорожном транспорте; историко-типологический, позволивший упорядочению стадий последовательного развития положений ПТЭ.

Для проведения историко-сравнительного анализа были использованы:

– Правила технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования, утвержденные министром путей сообщения М. И. Хилковым 8 февраля 1898 г. (далее – ПТЭ-1898) [12];

– Правила технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования, утвержденные народным комиссаром путей сообщения А. И. Емшановым 2 марта 1921 г. (далее – ПТЭ-1921) [13];

– Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР, утвержденные народным комиссаром путей сообщения Л. М. Кагановичем 15 июня 1936 г. (далее – ПТЭ-1936) [14];

– Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР, утвержденные министром путей сообщения Б. П. Бещевым 19 марта 1952 г. (далее – ПТЭ-1952) [15];

– Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР, утвержденные министром путей сообщения Б. П. Бещевым 5 ноября 1970 г. (далее – ПТЭ-1970) [16];

– Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР, утвержденные министром путей сообщения И. Г. Павловским 5 июля 1979 г. (далее – ПТЭ-1979) [17];

– Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР, утвержденные министром путей сообщения Н. С. Конаковым 2 января 1986 г. (далее – ПТЭ-1986) [18];

– Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации, утвержденные министром путей сообщения Российской Федерации Г. М. Фадеевым 26 апреля 1993 г. (далее – ПТЭ-1993) [19];

– Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации, утвержденные министром путей сообщения Российской Федерации Н. Е. Аксененко 26 мая 2000 г. (далее – ПТЭ-2000) [20];

– Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации, утвержденные приказом Минтранса России № 286 от 21 декабря 2010 г. (далее – ПТЭ-2010) [21].

Критериями для сравнения выступили:

- 1) название;
- 2) структура документа;
- 3) общие положения;
- 4) требования к работникам и их обязанности;
- 5) инфраструктура, включающая в себя требования к пути, габаритам и контактной сети, сигналам и знакам, стрелочным переводам, переходам и переездам;

дам, средствам сигнализации, централизации и блокировки и т. д.;

б) подвижной состав, а именно: требования к локомотивам и их виды, наибольшие скорости, снабжение локомотивов и их обслуживание, освидетельствование локомотивов и документы на них, требования к вагонам;

7) движение поездов, определяющее вес и длину поезда, график движения, требования к железнодорожным линиям и отдельным пунктам, осмотру поезда, скорости движения, способам коммунцирования и связи.

Результаты и их обсуждение

Условно этапы развития ПТЭ можно разделить на следующие исторические периоды:

– с 1898 г. по 1930-е гг. – период формирования и совершенствования положений на основе накапливаемого опыта;

– с 1930-х по 1960-е гг. – период кардинальных перемен в требованиях к пути, кадрам и классификации локомотивов;

– с 1960-х гг. по настоящее время – период коренной реконструкции тяги с последующим внедрением высоких скоростей и высоких технологий.

Работа по созданию первого свода правил технической эксплуатации в Российской империи велась постепенно, начиная с 1851 г., когда было введено положение о движении по вновь построенной железной дороге между Санкт-Петербургом и Москвой.

Перед государством с 1870-х гг. стояла большая задача не только по усовершенствованию подвижного состава, железнодорожного пути, средств сигнализации и связи, но и улучшению самой организации перевозок и обеспечению безопасности движения [22, с. 109].

Вплоть до 1898 г., когда в свет вышли первые Правила технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования, как общий свод

правил по работе всех служб дороги, Министерством путей сообщения издавались разрозненные правила для конкретных хозяйств, отдельные приказы и постановления.

Необходимость принятия и ввода ПТЭ-1898 возникла вследствие подъема железнодорожного строительства и увеличения накапливаемого опыта эксплуатации железных дорог.

Далее в статье будут отражены результаты сравнительного анализа Правил по обозначенным критериям.

Название. Первые ПТЭ-1898 носили название «Правила технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования». Это название оставалось неизменным вплоть до 1936 г. Тогда появилось указание на союзное государство и ПТЭ стали именоваться «Правилами технической эксплуатации железных дорог Союза ССР». Повторное изменение было внесено после распада СССР, когда в 1993 г. были утверждены уже Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации. Это название остается неизменным и по сегодняшний день.

Структура документа. Самая первая редакция ПТЭ от 1898 г. содержала четыре раздела: основания для технической эксплуатации железных дорог, содержание и охранение пути и сооружений, содержание подвижного состава и пользование им, движение поездов. Приложения включали в себя 61 позицию, содержащую основные схемы, инструкции, правила, административное деление, положения, таблицы и выписки из циркуляров, регламентирующие основные направления работы железной дороги. Это был объемный документ на более чем 400 страниц. Объясняется это тем, что каждое Управление дороги могло печатать единые Правила со своими дополнениями в зависимости от местных условий. Такие примечания указывались мелким шрифтом в дополнение к основному тексту.

В ПТЭ-1921 был добавлен еще один раздел – содержание устройств связи и пользование ими. Такое нововведение было обусловлено активным внедрением практического использования телефонов и телеграфов. К 1914 г. общая протяженность телефонных проводов достигала 90 тыс. км, а протяженность телеграфных проводов составляла порядка 227 тыс. км, 17% из которых обеспечивали безопасность и организацию движения поездов [14, с. 263].

Большое количество приложений, содержащихся в Правилах, предшествовавших ПТЭ-1921, наоборот, сократилось. Были оставлены чертежи габаритов и конструкционные скорости для паровозов. Данные ПТЭ не содержали информации о том, предполагалось ли внесение дополнений в текст Правил отдельными дорогами. Но поскольку в самом сборнике их нет, можно предположить, что уже эти ПТЭ распространялись на все дороги без возможности вносить свои примечания. Это подтверждается также и тем, что все железные дороги после Октябрьской революции были национализированы и переданы в ведение созданного в соответствии с декретом 2-го Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. Народного комиссариата путей сообщения.

ПТЭ-1936 с момента их утверждения приобрели структуру, которая оставалась неизменной вплоть до 1970 г. Раздел I был посвящен железнодорожным сооружениям и их содержанию, раздел II – подвижному составу и его содержанию, раздел III – организации движения поездов. Особый интерес представляет раздел IV, который регламентировал прием на работу и техническую проверку работников железнодорожного транспорта. В предыдущих изданиях эти положения содержались в первом разделе, посвященном общим основаниям для технической эксплуатации железных дорог. Выделение целого раздела может объясняться тем, что данный период был периодом

модернизации железнодорожного транспорта, когда новые технологии требовали более квалифицированных кадров, что и привело к необходимости особой регламентации указанных процессов. Следует отметить, что до 1970 г. приложения в ПТЭ отсутствовали вовсе, т. е. Правила представляли собой единый текст. Это, несомненно, упрощало подготовку кадров железнодорожного транспорта.

Примечательно, что, начиная с ПТЭ-1952, на последней странице печатного издания находился отрывной лист с обязательством. ПТЭ выдавались каждому работнику на руки, а работник, в свою очередь, должен был подписать обязательство. Последнее подтверждало, что он изучил и точно знал положения ПТЭ, имевшие отношение к его должности, а также знаком с их общим содержанием. Работник также был обязан выполнять беспрекословно Правила и возвратить их по требованию или в случае оставления работы.

Именно с этого момента ПТЭ приобрели вид небольшой книжечки, которая могла с легкостью поместиться в карман обмундирования, что позволяло держать Правила всегда при себе и в случае необходимости использовать на месте.

До 1979 г. деление ПТЭ содержало разделы, главы и параграфы, однако уже в ПТЭ-1979 параграфы и разделы были заменены главами и пунктами. Такое деление сохранялось до 2000 г., когда с новой редакцией была возвращена структура документа образца 1898 г.

Наконец, ПТЭ-2010 совершили революцию по рассматриваемому критерию, поскольку структура была изменена кардинально. Правила состояли из шести глав: общие положения; основные определения; общие обязанности работников; организация функционирования сооружений и устройств железнодорожного транспорта; обслуживание сооружений и устройств; общие положения по организации технической эксплуатации железнодорожного транспорта на участках

движения поездов пассажирских со скоростями более 140 до 250 км/ч. В свою очередь, приложения в количестве восьми позиций содержали: техническую эксплуатацию сооружений и устройств путевого хозяйства; техническую эксплуатацию технологической электросвязи; техническую эксплуатацию устройств СЦБ; техническую эксплуатацию сооружений и устройств технологического электроснабжения железнодорожного транспорта; техническую эксплуатацию железнодорожного подвижного состава; организацию движения поездов на железнодорожном транспорте; Инструкцию по сигнализации на железнодорожном транспорте РФ (ИСИ) и Инструкцию по движению поездов и маневровой работе на железнодорожном транспорте (ИДП).

Примечательно, что в данной редакции ИСИ и ИДП были включены в состав самих ПТЭ. То же было характерно для ПТЭ-1898. Основные положения, которые составляли базис ПТЭ прошлых редакций, были перенесены в Приложения (подвижной состав, сооружения и устройства, организация движения и пр.). Впервые со времен ПТЭ-1898 была возвращена регламентация технической эксплуатации железных дорог необщего пользования.

Общие положения. ПТЭ-1898 в общих положениях устанавливали состав железной дороги, например, в нее входили отдельные управления дорогой на каждой из дорог того времени, в состав которых, в свою очередь, входили отдельные отраслевые службы, такие как: служба пути, служба подвижного состава и тяги, служба движения. Для каждой службы определялись предметы ведения. Также определялись положения, относящиеся к нормам службы и отдыха, регламентировался общий круг полномочий и ответственности начальника дороги.

ПТЭ-1921 имели схожие положения, однако включалось указание на введение новой службы – службы связи и электротехники. Это также обуславливалось активным внедрением телефонной и теле-

графной связи. На некоторых дорогах (например, Николаевской, Северной, Северо-Западной и др.) использовались аппараты Бодо, которые во многом превосходили обычные виды связи. Так, к 1917 г. аппараты Бодо обслуживали 12 тыс. км связи [22, с. 263].

К предмету ведения службы пути сооружений относили содержание и охранение устройств сигнализации и централизации (механических, гидравлических и пневматических), чего не было ранее.

Начиная с ПТЭ-1936, общие положения включали в себя лишь общие представления о железных дорогах того времени, их значение для жизни Советского государства. Ставились конкретные задачи перед железнодорожной отраслью: а) связывать в единое государственное целое все области и районы Союза; б) обеспечивать нормальный оборот продуктов промышленности и сельского хозяйства путем своевременных и аккуратных грузовых перевозок; в) удовлетворять потребности трудящихся в передвижении; г) укреплять дело обороны родины. Также делалось указание на то, что именно устанавливают Правила, и отмечалась обязанность их беспрекословного исполнения всеми работниками.

С 1970 г. общие задачи железнодорожного транспорта в ПТЭ больше не содержались. Остальные положения оставались без существенных изменений вплоть до 2010 г.

В ПТЭ-2010 общие положения определяли круг лиц, для кого выполнение Правил является обязательным – это организации и индивидуальные предприниматели, выполняющие работы или оказывающие услуги в области железнодорожного транспорта. Также давалась краткая характеристика содержания приложений.

Требования к работникам и их обязанности. ПТЭ-1898 содержали общие и особые условия к служащим на железной дороге. Общие относились к начальникам дорог, служб и мастерских,

ревизорам, паровозным машинистам и их помощникам и ряду других служащих. Указанные лица должны были быть не моложе 21 года, не иметь «физических недостатков», обладать знанием русского языка в устной речи, знать грамоту, а также обладать знанием предстоящих им к исполнению служебных обязанностей и быть достаточно знакомыми с теми железнодорожными устройствами, которые будут поручены их ведению. Особые условия устанавливали требования к уровню образования и опыту для высших должностных лиц и паровозных машинистов – для всех обязательно высшее образование.

Пределы ответственности служащих устанавливались общими законами Российской империи, указаниями ПТЭ и их должностной инструкцией.

Изменения в положения были внесены лишь в 1936 г. С момента утверждения этой редакции на работу принимались лица не моложе 18 лет. На должность машиниста не могли назначаться лица, не имеющие удостоверение о праве управления локомотивом. При приёме на работу каждый работник должен был выдержать испытания в знании ПТЭ, инструкции по сигнализации, должностной инструкции, техминимума и устава о дисциплине.

Одной из главных обязанностей каждого работника устанавливалась охрана социалистической собственности, имущества железных дорог и перевозимых грузов. Нарушение Правил работниками влекло за собой наложение на них в зависимости от степени и характера нарушения соответствующего взыскания.

С утверждением ПТЭ-1970 на работников возлагалась обязанность в знании техники безопасности и производственной санитарии. Запрещалось допускать в кабины управления локомотивов и моторвагонных поездов лиц, не имевших права доступа в них. Также лица, поступавшие на железнодорожный транспорт на должности, связанные с движением поездов, должны были пройти медицин-

ское освидетельствование для определения годности их к выполнению соответствующей работы. Помимо этого, работники железнодорожного транспорта должны были обеспечивать полную безопасность пассажиров, создавать им необходимые удобства и культурно обслуживать их на вокзалах и в поездах, быть вежливыми и предупредительными в обращении со всеми лицами.

Новая волна изменений в требованиях к работникам настигла ПТЭ лишь в 1993 г. Тогда отмечалось, что лица, поступающие на железнодорожный транспорт на работу, связанную с движением поездов, должны были пройти профессиональное обучение, а локомотивные бригады, кроме того, профессиональный отбор. Основными обязанностями работников железнодорожного транспорта являлись удовлетворение потребностей в перевозках пассажиров и грузов при безусловном обеспечении безопасности движения и сохранности перевозимых грузов, эффективное использование технических средств, соблюдение требований охраны окружающей природной среды.

Особое внимание уделялось запрету нахождения работников при исполнении своих обязанностей в состоянии алкогольного, токсического или наркотического опьянения.

В ПТЭ-2010, помимо прочего, работники, чья деятельность связана с движением поездов и маневровой работой, были обязаны проходить обязательные предрейсовые или предсменные медицинские осмотры. Эта норма существовала и раньше, но на уровне локального акта, а не нормативно-правового.

Инфраструктура. ПТЭ-1898 и ПТЭ-1921 конкретных требований к пути не содержали. Было лишь указание на то, чтобы дорога и её «принадлежности» содержались и охранялись таким образом, чтобы движение было безопасным. Устройство и размеры земляного полотна, верхнего строения пути, искусственных сооружений, переходов и переездов,

постоянных сигналов, предельных столбиков и знаков должны были удовлетворять правилам и техническим условиям, издаваемым Министерством путей сообщения (МПС). При этом ни одна часть «принадлежностей» пути или находящихся на дороге сооружений не должна выступать за установленное предельное очертание приближения строений к рельсовым путям.

ПТЭ-1936 уже содержали перечень того, чем должна быть оборудована железная дорога для нормальной эксплуатации. В него включались: а) исправный рельсовый путь с соответствующим путевым развитием для обгона, скрещения и формирования поездов (станции, разъезды и обгонные пункты); б) сооружения для посадки, высадки и обслуживания пассажиров, хранения, выгрузки и погрузки грузов; в) исправно действующие устройства связи и сигнализации; г) сооружения для ремонта и экипировки локомотивов и вагонов и устройства водоснабжения.

В ПТЭ-1952 к этому перечню прибавились устройства сигнализации, централизации и блокировки (СЦБ), а также тяговые подстанции и устройства контактной сети на электрифицированных линиях.

Начиная с ПТЭ-1970 этот список в Правилах больше не фигурировал. Делалось лишь указание на то, что сооружения и устройства железных дорог должны содержаться в постоянной исправности, а предупреждение появления каких-либо неисправностей и обеспечение длительных сроков службы сооружений и устройств было главным в работе лиц, ответственных за их содержание.

С 2000 г. в этих положениях Правил отмечалось, что техническое обслуживание и ремонт сооружений и устройств железнодорожного транспорта должен проводиться с соблюдением метрологических правил и норм и требований стандартов.

В ПТЭ-2010 для обозначения совокупности сооружений, устройств, меха-

низмов и оборудования железнодорожного транспорта был введен термин «инфраструктура железнодорожного транспорта общего пользования».

Интересно отметить, что в 1970 г. была установлена ширина колеи, равная 1520 мм (до этого ширина колеи составляла 1524 мм, такой она в настоящее время сохранилась на городском рельсовом транспорте – трамвай и метрополитен). В этих же Правилах устанавливались допустимые отклонения от ширины колеи на прямых и кривых участках.

В ПТЭ-1898 и ПТЭ-1921 переходы и переезды делились на общего и частного пользования, обслуживаемые и необслуживаемые. Причисление переходов и переездов к тому или иному разряду зависело от количества и рода движения, профиля дороги и других местных условий. С 1936 г. переезды стали охраняемыми и неохраняемыми, при этом первые должны были иметь шлагбаумы и освещаться в темное время и во время туманов, больших снегопадов и метелей. Также переезды должны были иметь настил и подъезды к ним, огражденные столбиками или перилами. В ПТЭ-1952 было введено положение о необходимости наличия на переездах предупредительных знаков «Берегись поезда» и «Свисток». Более того, при больших размерах движения переезды оборудовались автоматической сигнализацией или автоматическими шлагбаумами, а также телефонной связью, а на электрифицированных линиях по обеим сторонам переездов должны были устанавливаться габаритные ворота высотой проезда не более 4,5 м.

С 1970 г. вводились категории переездов, в зависимости от которой они оборудовались автоматической сигнализацией (светофорной или оповестительной), а также электрическим освещением, а уже в ПТЭ-1986 переезды также подразделялись на регулируемые и нерегулируемые. Первые должны были оборудоваться устройствами переездной сигнализации, извещающей водителей транспортных

средств о подходе к переезду поезда, или обслуживаться дежурным работником.

Приборы и устройства связи на железной дороге впервые упоминаются в ПТЭ-1921. Тогда регламентировалось, что все станции и путевые посты должны быть соединены между собой для взаимных сношений телефонными приборами, а уже в ПТЭ-1936 определялись виды такой связи: поездная межстанционная, диспетчерская, электротяговая, линейно-путевая и пр. В ПТЭ-1970 отмечалось, что участки с интенсивным движением поездов, кабельными линиями связи должны были иметь перегонную телефонную связь, а также служебную связь электромехаников СЦБ и связи.

Использование систем информационного вычисления на железнодорожном транспорте устанавливается ПТЭ с 1993 г. в связи с повсеместным внедрением и использованием ЭВМ. Такая система должна была обеспечивать возможность ввода, передачи, обработки и хранения данных; выдачи результатов расчетов потребителям в установленные сроки; решения задач планирования, оперативного управления, учета, статистики во всех подотраслях железнодорожного транспорта. Внедрение ЭВМ в производственный процесс позволило сократить в несколько раз время, затрачиваемое на выполнение отдельных операций, в особенности по обеспечению движения поездов [7, с. 142].

Подвижной состав. Требования к подвижному составу в ПТЭ-1898 в общем виде были следующими: размеры и устройство подвижного состава, а также его содержание должны быть такими, чтобы обеспечивалась безопасность при эксплуатации. В ПТЭ-1921 было добавлено примечание, что никакая часть подвижного состава ни в порожнем, ни в груженом состоянии не должна выступать за установленный габарит. В 1936 г. такой габарит получил название «габарит (предельное очертание) подвижного состава» (ОСТ-6435). Также отмечалось, что локомотив был основной двигатель-

ной силой железнодорожного транспорта, обеспечивающей ведение поездов по графику. Локомотивы в то время делились на паровозы, электровозы и тепловозы, а по роду работы – на пассажирские, товарные и маневровые.

Уже в начале XX в. инженерам-железнодорожникам стало очевидно, что паровозная тяга не обеспечивает должные мощности, необходимые для стабильности перевозок [23, с. 35]. 4 января 1922 г. Советом Труда и Обороны было принято постановление о постройке тепловозов. С этого момента начинается история внедрения тепловозной тяги на отечественные железные дороги.

Электровозная тяга же начала развиваться в 1930-х гг. 16 августа 1932 г. в Хашури открылось движение на электрической тяге. С введением такого вида тяги один электровоз мог заменить 3-4 паровоза, при этом наблюдалось значительное увеличение скорости движения поездов, а работы по электрификации участка окупались уже в первые 4 года эксплуатации [24, с. 85].

В 1930-е гг. также началось постепенное внедрение автоматических тормозов в грузовых поездах и автосцепки на всем подвижном составе. До этого момента на подвижном составе применялись ручные тормоза и винтовые стяжки. Окончательный переход к такого рода нововведениям закончился лишь в послевоенный период, к 1950-м гг., что позволило значительно увеличить скорость и вес поезда, а также повысить уровень безопасности движения.

ПТЭ-1970 особо отмечали, что для подвижного состава, обращающегося в пассажирских и рефрижераторных поездах со скоростью более 120 км/ч или в остальных грузовых со скоростью более 80 км/ч дополнительно к требованиям, предусмотренным Правилами, Министерство путей сообщения издает указания по содержанию и эксплуатации этого подвижного состава. В ПТЭ-1979 эти скорости были увеличены до 140 и 90 км/ч соответственно. С 2000 г. по-

движной состав и специальный подвижной состав подлежал в соответствии с законодательством Российской Федерации обязательной сертификации в рамках Системы сертификации на федеральном железнодорожном транспорте (ССФЖТ).

В ПТЭ-2010 было введено положение о том, что на инфраструктуре, железнодорожных путях необщего пользования не допускается использование потенциально опасного железнодорожного подвижного состава и его составных частей, иных технических средств, не соответствующих требованиям норм и правил.

По ПТЭ-1898 на паровозах на протяжении всего времени их движения должны были находиться не менее двух лиц службы подвижного состава и тяги: один из них, которому вверено действие паровозом – машинист, другой – помощник или кочегар. Паровоз, находившийся под парами, не должен был оставляться без наблюдения лица, знакомого с уходом за ним.

Общее повышение надёжности подвижного состава за счёт введения новых видов тяги, а также укрепление безопасности движения в целом позволило в 1960-е гг. отказаться от сопровождения всех поездов целой бригадой работников, в число которых входили смазчики, поездные вагонные мастера, кондукторская бригада. Так, в грузовых поездах оставалась лишь локомотивная бригада. Такое положение сохраняется и сегодня, за исключением того факта, что главные кондукторы сопровождают лишь сборные поезда.

Положения были изменены и дополнены лишь в 1970 г. Тогда *Правила* устанавливали, что при электрической и тепловозной тяге одной локомотивной бригадой могли обслуживаться несколько локомотивов или постоянно соединенных секций, управляемых из одной кабины, а обслуживание одним машинистом моторвагонного поезда допускалось только при наличии устройств автоматической

остановки на случай внезапной потери машинистом способности к ведению поезда.

Движение поездов. Во времена введения ПТЭ-1898 поездом назывался ряд сцепленных между собой вагонов с прицепленным к ним ведущим паровозом, приготовленный к отправлению по перегону, или прибывший на промежуточную станцию своего следования, или обращающийся на перегоне между станциями. Одиночный паровоз, отправленный по перегону, также рассматривался как поезд. ПТЭ-1921 добавили в эту формулировку, что ведущий паровоз может быть один или несколько, а вот в ПТЭ-1936 поездом назывался сформированный и сцепленный состав вагонов с одним или несколькими ведущими локомотивами, снабженный соответствующими сигналами и обслуживаемый поездной бригадой. В ПТЭ-1970, помимо локомотивов, также был включен моторвагонный подвижной состав.

ПТЭ-1898 определяли, что при каждом отправляемом поезде должны находиться все сигналы, «снаряды» и материалы, установленные на дороге для правильного и безопасного движения поездов, а в поездах, перевозящих пассажиров, должны находиться снаряды и материалы для отопления и освещения пассажирских вагонов и для прекращения пожаров в поезде. В ПТЭ-1936 поезда должны были снабжаться переносными телефонами, если на линиях телефонные установки одна от другой удалены более чем на 4 км. Согласно ПТЭ-1952 на всех локомотивах должны были быть: средства пожаротушения; необходимые вспомогательные средства для быстрого соединения частей поезда, разъединившихся во время следования в пути, и для подъёмки подвижного состава при сходах с рельсов; необходимые простейшие инструменты и приборы для скорого устранения незначительных повреждений подвижного состава, происшедших в пу-

ти. На грузовых локомотивах, кроме того, должны быть три двухзвенные цепи¹.

В ПТЭ-1970 этот список был переработан. Пассажирские, почтово-багажные, грузопассажирские, воинские и людские поезда снабжались противопожарными средствами, средствами для оказания первой медицинской помощи и другим необходимым снаряжением. Грузовые поезда, в которых имелись вагоны с опасными грузами, снабжались противопожарными средствами и противогазами. Локомотивы должны были снабжаться средствами пожаротушения и подъёмки подвижного состава на путь, необходимыми сигнальными приборами, инструментами и другим инвентарем по нормам МПС. В ПТЭ-1986 к упомянутому перечню снабжения локомотива также были добавлены две носимые УКВ радиостанции.

В 1930-е гг. было положено начало процесса внедрения на станциях электрической централизации, на перегонах – автоблокировки, а также светофорной сигнализации (взамен семафоров). До военного периода данные технические устройства считались передовыми и не были распространены, однако уже в послевоенный период началось их повсеместное внедрение. В ПТЭ-1952 было прописано, что основными средствами сигнализации и связи являются автоматическая и полуавтоматическая путевые блокировки. Эти устройства позволили поднять на совершенно новый уровень пропускную способность и безопасность движения. Еще более сложным и совершенным устройством стала диспетчерская централизация, которая не была распространена повсеместно, но упоминается в ПТЭ-1936.

В ПТЭ-1898 и ПТЭ-1921 была целая глава, посвященная происшествиям на

пути и на станциях. В ней описывались основные случаи и порядок действия служащих при возникновении таковых. Здесь были описаны различные случаи, связанные с остановкой поездов, разрывом поезда и случайным уходом подвижного состава, сходом с рельсов и пр. Такая глава не была включена больше ни в одну редакцию Правил.

Таким образом, анализ редакций Правил технической эксплуатации железных дорог разных периодов показал, что введение новых требований эксплуатации и безопасности движения соответствует общим тенденциям развития транспортной системы за рассматриваемый период. Все принимаемые изменения способствовали снижению числа происшествий и увеличению надёжности железнодорожного сообщения. Так, согласно отчёту Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, по состоянию на 1 октября 2023 г. на российских железных дорогах было допущено 11 транспортных происшествий, из них 9 крушений и 2 аварии. За аналогичный период было допущено 184 схода подвижного состава². Представляется, что снижение числа происшествий на железнодорожном транспорте в исторической перспективе нельзя не связать в том числе с совершенствованием нормативно-технического обеспечения, первостепенно ПТЭ.

Выводы

Посредством историко-сравнительного анализа было выявлено, что значительные изменения Правил произошли в результате модернизации и усовершенствования подвижного состава и устройств безопасности.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том,

¹ Двухзвенные цепи – переходник; устройство для соединения между собой подвижного состава с различными типами сцепных приборов, представляющее собой двухзвенную кулачковую цепь. – *Прим. автора.*

² Нарушение правил безопасности движения на железнодорожном транспорте Российской Федерации // Ространснадзор: сайт. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/storage/Госжелдорнадзор/> (дата обращения: 06.08.2024).

что эволюция Правил технической эксплуатации железных дорог России была обусловлена нарастающим развитием железнодорожной отрасли, введением передовых для каждого рассматриваемого периода технологий и средств обеспечения безопасности движения.

Опыт, накопленный железнодорожниками за последние два века истории железных дорог, и отражение его совершенствования в Правилах технической эксплуатации крайне важен для дальнейшего развития железнодорожной отрасли и сокращения числа происшествий.

Список литературы

1. Васильев Д. В. Железнодорожный транспорт как фактор модернизации Российской империи (по материалам дореволюционной прессы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 4(36). С. 247–259. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.14>
2. Вульф А. Б. Отечественные железные дороги через призму истории страны // Техник транспорта: образование и практика. 2021. Т. 2, № 4. С. 454–462. <https://doi.org/10.46684/2687-1033.2021.4.454-462>
3. Ласточкина Л. М. Два века истории железных дорог России // Техник транспорта: образование и практика. 2023. Т. 4, № 4. С. 449–455. <https://doi.org/10.46684/2687-1033.2023.4.449-455>
4. Левин Д. Ю. Из истории строительства Петербурго-Московской железной дороги // Железнодорожный транспорт. 2021. № 10. С. 64–69.
5. Калужина А. И., Зотова Т. А. К вопросу эксплуатации железных дорог и путях их решения // Техника и технологии наземного транспорта. 2022. № 1. С. 62–64.
6. Власенко С. В. Безопасность движения поездов: опыт железных дорог мира // Автоматика, связь, информатика. 2015. № 7. С. 43–45.
7. Кудряшов С. В. Цифровые технологии в технической эксплуатации подвижного состава железных дорог // II Международная конференция «Наука 1520 ВНИИЖТ: Загляни за горизонт»: сборник материалов конференции. М.: Научно-исследовательский ин-т железнодорожного транспорта, 2023. С. 140–146.
8. Каспаров И. В. Направления применения искусственного интеллекта в области железнодорожного транспорта // Актуальные проблемы современного транспорта. 2022. № 1(8). С. 27–34.
9. Мишин И. М. Инновации в техническом обслуживании и ремонте подвижного состава // Железнодорожный транспорт. 2021. № 4. С. 75–77.
10. Пуцин А. С., Гордон М. А., Паберзс С. Э. Правила технической эксплуатации железных дорог – вчера, сегодня, завтра // Автоматика, связь, информатика. 2021. № 9. С. 31–35.
11. Яковлева Е. О. Исторические пути становления института обеспечения транспортной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 1. С. 101–112. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-101-112>
12. Правила технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования. СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1902. 425 с.
13. Правила технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования. М.: 11 тип. М.С.Н.Х., 1921. 70 с.
14. Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР. М.: Трансжелдориздат, 1937. 131 с.
15. Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР. М.: Гос. транспортное железнодорожное изд-во, 1953. 197 с.

16. Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР. М.: Транспорт, 1972. 159 с.
17. Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР. М.: Транспорт, 1979. 191 с.
18. Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР. М.: Транспорт, 1986. 142 с.
19. Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации. М.: Транспорт, 1994. 160 с.
20. Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации. М.: Транспорт, 2000. 190 с.
21. Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации. М.: Техинформ, 2013. 520 с.
22. История железнодорожного транспорта России / под общ. ред. Е. Я. Красковско-го, М. М. Уздина. Т. I: 1836–1917 гг. / Петербург. гос. ун-т путей сообщ. СПб., 1994. 336 с.
23. Гриневецкий В. И. Проблема тепловоза и ее значение для России. М.: Изд. Тепло-технического ин-та, 1923. 79 с.
24. Вопросы электрификации. Закавказская железная дорога: сборник научно-технического общества железнодорожного транспорта. Вып. 4. Тбилиси, 1960.

References

1. Vasiliev D.V. Railway transport as a modernization factor of The Russian Empire (based on the materials of the pre-revolutionary press. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Electronniy nauchniy jurnal = Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2020;4(36):247-259. (In Russ.) <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.14>
2. Woolfov A.B. National railways through the history of country. *Tehnik transporta: obrazovanie i praktika = Transport Technician: Education and Practice*. 2021;2(4):454–462. (In Russ.) <https://doi.org/10.46684/2687-1033.2021.4.454-462>
3. Lastochkina L.M. Two centuries of Russian railway history. *Tekhnika transporta: obrazovanie i praktika = Transport Technician: Education and Practice*. 2023;4(4):449–455. (In Russ.) <https://doi.org/10.46684/2687-1033.2023.4.449-455>.
4. Levin D.Yu. From the history of the construction of St. Petersburg-Moscow railways. *Zheleznodorozhnyj transport = Railway Transport*. 2021;(10):64–69. (In Russ.)
5. Kaluzhina A.I., Zotova T.A. About the question of railway operation and ways to solve it. *Tekhnika i tekhnologii nazemnogo transporta = Techics and Technologies of Land Transport*. 2022;(1):62–64. (In Russ.)
6. Vlasenko S.V. Railway safety and security: world's railway experience. *Avtomatika, svyaz, informatika = Automation, Communications, Informatics*. 2015;(7):43–45. (In Russ.)
7. Kudryashov S.V. Digital technologies in the technical operation of railway rolling stock. *II Mezhdunarodnaya konferentsiya «Nauka 1520 VNIIZhT: Zaglyani za gorizont»: sbornik materialov konferentsii = II International Conference "Science 1520 VNIIZHT: Look beyond the horizon": collection of conference materials*. Moscow: Nauchno-issledovatel'skij in-t zheleznodorozhnogo transporta; 2023. P. 140–146. (In Russ.)
8. Kasparov I.V. Directions of application of artificial intelligence in the field of railway transport. *Aktual'nye problemy sovremennogo transporta = Current Problems of Modern Transport*. 2022;(1):27–34 (In Russ.)
9. Mishin I.M. Innovations in maintenance and repair of rolling stocks. *Zheleznodorozhnyj transport = Railway Transport*. 2021;(4):75–77. (In Russ.)

10. Pushchin A.S., Gordon M.A., Paberzs S.E. Railway technical operation rules – yesterday, today, tomorrow. *Avtomatika, svyaz, informatika = Automation, Communications, Informatics*. 2021;(9):31–35. (In Russ.)
11. Yakovleva E.O. Historical ways of formation of the institute of transport security. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;12(1):101–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-1-101-112>
12. Railway technical operation rules opened for public use. St. Petersburg: Tip. t-va “Narodnaya pol'za”; 1902. 425 p. (In Russ.)
13. Railway technical operation rules opened for public use. Moscow: 11 Tip. M.S.N.H.; 1921. 70 p. (In Russ.)
14. Railway technical operation rules of USSR. Moscow: Transzheldorizdat; 1937. 131 p. (In Russ.)
15. Railway technical operation rules of USSR. Moscow: Gos. transportnoe zheleznodorozhnoe izd-vo; 1953. 197 p. (In Russ.)
16. Railway technical operation rules of USSR. Moscow: Transport; 1972. 159 p. (In Russ.)
17. Railway technical operation rules of USSR. Moscow: Transport; 1979. 191 p. (In Russ.)
18. Railway technical operation rules of USSR. Moscow: Transport; 1986. 142 p. (In Russ.)
19. Railway technical operation rules of Russian Federation. Moscow: Transport; 1994. 160 p. (In Russ.)
20. Railway technical operation rules of Russian Federation. Moscow: Transport; 2000. 190 p. (In Russ.)
21. Railway technical operation rules of Russian Federation. Moscow: Tekhinform; 2013. 520 p. (In Russ.)
22. Kraskovskogo E. Ya., Uzdina M. M. Vol. 1: 1836–1917. The History of Russian Railway Transport. St. Petersburg: Peterburg. un-t putei soobshch.; 1994. 336 p. (In Russ.)
23. Grinevetskiy V.I. The problem of a diesel locomotive and its significance for Russia. Moscow: Izd-vo Teplotekhnicheskogo in-ta; 1923. 79 p. (In Russ.)
24. *Zakavkazskaya zheleznaya doroga. Sbornik nauchno-tehnicheskogo obschestva zheleznodorozhnogo transporta = Electrification issues. Transcaucasian Railway: collection of the Scientific and Technical Society of Railway Transport*. Is. 4: Voprosy elektrifikatsii. Tbilisi; 1960. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Полякова Арина Сергеевна, аспирант Высшей школы общественных наук Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: polyackova.ar@yandex.ru,
ORCID: 0009-0009-3342-5420

Arina S. Polyakova, Post-Graduate Student of the Higher School of Social Science of the Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: polyackova.ar@yandex.ru
ORCID: 0009-0009-3342-5420

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-185-195>

Организационные основы послевоенного восстановления системы железнодорожного здравоохранения на территории областей Центрального Черноземья (1945–1959)

Е. А. Головин¹✉¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Резюме

Актуальность. Геополитическая ситуация, сложившаяся на текущий момент, безусловно, подчеркивает крайне важное значение оказания своевременной и квалифицированной медицинской помощи, прежде всего в критических и нестандартных условиях. В 2024 году системе здравоохранения на железных дорогах страны исполняется 180 лет. За это время российской транспортной медициной накоплен богатый опыт поддержания здоровья железнодорожников и членов их семей, даже в самые сложные периоды истории. В послевоенные годы происходило активное восстановление функционирования лечебно-санитарных учреждений на железнодорожном транспорте. К 1950 году в Центрально-Черноземном регионе была проведена масштабная работа по расширению лечебной сети и объема услуг для железнодорожников, членов их семей, а также ветеранов отрасли. Отметим, что система железнодорожного здравоохранения выполняла и продолжает выполнять важные социальные функции, гарантируя медицинское обслуживание работникам с особым режимом выполнения профессиональных обязанностей. Именно поэтому изучение опыта функционирования транспортной медицины актуально и на сегодняшний день.

Цель исследования состоит в комплексном рассмотрении организационных, управленческих и материально-технических условий развития транспортного здравоохранения в Центрально-Черноземном регионе в 1940-х – начале 1950-х годов.

Задачи: раскрыть специфику здравоохранения на железнодорожном транспорте в рассматриваемый период; охарактеризовать основные проблемы в организации медицинского обслуживания железнодорожников.

Методология. В основу проведенного исследования были положены научные принципы объективности и историзма. Решению исследовательских задач способствовало применение историко-генетического, историко-системного, историко-сравнительного, типологического и ретроспективного методов.

Результаты. Изучение и обобщение архивных источников позволило объективно оценить специфику и проблемы медицинского обслуживания железнодорожников в регионах Центрального Черноземья в первые послевоенные годы.

Выводы. В рассматриваемый период транспортное здравоохранение в Центрально-Черноземном регионе активно восстанавливалось и развивалось. Полноценному оказанию квалифицированной медицинской помощи железнодорожникам в первую очередь препятствовали проблемы материально-технического характера.

Ключевые слова: железная дорога; транспортное здравоохранение; врачебно-санитарная служба; лечебное учреждение; амбулатория; социальное страхование.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Головин Е. А. Организационные основы послевоенного восстановления системы железнодорожного здравоохранения на территории областей Центрального Черноземья (1945–1959) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 185–195. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-185-195>

Поступила в редакцию 30.06.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Organizational foundations of the post-war restoration of the railway healthcare system in the territories of the Central Chernozem regions (1945–1959)

Evgeny A. Golovin¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: golovin007@mail.ru

Abstract

The relevance. The geopolitical situation that has developed at the moment, of course, emphasizes the extremely important importance of providing timely and qualified medical care, primarily in critical and non-standard conditions. In 2024, the healthcare system on the country's railways turns 180 years old. During this time, Russian transport medicine has accumulated a wealth of experience in maintaining the health of railway workers and their family members, even in the most difficult periods of history. In the post-war years, there was an active restoration of the functioning of medical and sanitary institutions on railway transport. By 1950, large-scale work was carried out in the Central Chernozem region to expand the medical network and the volume of services for railway workers, their family members, as well as industry veterans. It should be noted that the railway healthcare system has performed and continues to perform important social functions, guaranteeing medical care to employees with a special regime of performing professional duties. That is why the study of the experience of the functioning of transport medicine is relevant today.

The purpose of the study is to comprehensively consider the organizational, managerial, and logistical conditions for the development of transport healthcare in the Central Chernozem region in the 1940s and early 1950s.

The objectives: to reveal the specifics of healthcare in railway transport in the period under review; to characterize the main problems in the organization of medical care for railway workers.

Methodology. The principles of objectivity and historicism were used as the methodological basis of the work. To solve the tasks set, the author used historical-genetic, historical-systemic, historical-comparative, typological, retrospective methods.

Results. The study and generalization of archival sources made it possible to objectively assess the specifics and problems of medical care for railway workers in the regions of the Central Chernozem region in the first post-war years.

Conclusions. During the period under review, transport healthcare in the Central Chernozem region was actively restored and developed. The full-fledged provision of qualified medical care to railway workers was primarily hampered by logistical problems.

Keywords: railway; transport healthcare; medical and sanitary service; medical institution; outpatient clinic; social insurance.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Golovin E.A. Organizational foundations of the post-war restoration of the railway healthcare system in the territories of the Central Chernozem regions (1945–1959). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(4):185–195. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-185-195>

Received 30.06.2024

Accepted 30.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Историю отечественной системы здравоохранения необходимо признать важным направлением научного осмысления эволюции социальной сферы российского государства. Ведомственная

медицина, являясь структурным элементом общегосударственного механизма оказания лечебно-профилактической помощи и услуг, также постоянно находится в поле зрения исследователей. Не стала исключением историография транс-

портного здравоохранения, которая сегодня представлена энциклопедическими [1], монографическими [2], мемуарными [3] изданиями и сборниками статей [4], но не отражает послевоенные восстановительные процессы на региональном уровне. На основе широкого круга документальных источников, впервые вводимых в научный оборот, в данной статье раскрываются малоисследованные аспекты заявленной проблематики.

Система здравоохранения на отечественном железнодорожном транспорте формировалась на протяжении всего периода существования отрасли. Выполнение важной социальной функции, заключающейся в транспортировке значительной части населения по территории страны, требовало соблюдения определенных санитарных правил и норм, обеспечивающих сохранение здорового физического состояния пассажиров и оказание им в случае необходимости квалифицированной медицинской помощи. Одновременно наиболее значимой задачей железнодорожной медицины стало обслуживание рабочих и служащих отрасли, а также членов их семей, что позволяло выполнять производственные задания предприятиям и инфраструктурным объектам, связанным с организацией движения поездов.

Методология

Проведенное исследование основывалось на использовании базовых научных принципов объективности и историзма, что позволило провести комплексный анализ широкого круга исторических источников, установить закономерности развития транспортной медицины в послевоенные годы. Выбранный автором методологический инструментарий предполагал использование при проведении исследования ряда специальных научных методов. Так, применение историко-генетического метода предоставило возможность проследить динамику развития медицинского обслуживания же-

лезнодорожников. Посредством историко-системного метода удалось показать проблему восстановления транспортного здравоохранения в послевоенный период как структурный элемент социальной сферы, выявить практики его взаимодействия с другими подсистемами. Историко-сравнительный метод исследования позволил сопоставить факторы выполнения лечебно-профилактических функций в пространственно-временном измерении. Классификация задач транспортного здравоохранения осуществлялась на основе типологического метода. Ретроспективный метод позволил восстановить хронологию и способы участия профсоюзных организаций в развитии железнодорожной медицины.

Результаты и их обсуждение

Исходя из необходимости обеспечения безопасности перевозок, к состоянию здоровья лиц, управляющих подвижным составом, всегда предъявлялись повышенные требования. Квалифицированное заключение о физической готовности сотрудника к выполнению профессиональных обязанностей регулярно дается медицинскими работниками лечебно-профилактических учреждений системы железнодорожного здравоохранения [5, с. 89].

Специфические условия труда железнодорожников способствуют появлению у них ряда профессиональных заболеваний. Во-первых, предприятия и подвижной состав железнодорожного транспорта всегда являлись источником негативного химико-биологического и физического воздействия на окружающую среду, что оказывает общее негативное воздействие на организм человека.

Во-вторых, эксплуатационная работа на железных дорогах в открытой природно-производственной среде сопряжена с необходимостью адаптации к сезонным изменениям метеорологических условий, а контрастный теплообмен становится

источником воспалительных процессов органов дыхания и других систем жизнеобеспечения.

В-третьих, длительное пребывание в агрессивном акустическом окружении с постоянной шумовой и вибрационной нагрузкой способствует появлению психической неуравновешенности, негативно влияет на режим и качество сна, провоцирует неврозы, снижает скорость усвоения информации и умственную работоспособность работников.

В-четвертых, ненормированный, сменный характер организации труда также приводит к повышенной утомляемости и другим дисфункциональным изменениям в организме работника [6, с. 46]. Таким образом, профилактика и лечение профессиональных и сопутствующих заболеваний стало одним из ключевых направлений практической деятельности транспортной медицины.

Пациентами ведомственных лечебно-профилактических учреждений являются не только действующие работники отрасли. Лица, ушедшие на заслуженный отдых по возрасту или выслуге лет, а также получившие инвалидность, вследствие потери трудоспособности на производстве, сохраняют право на получение медицинской помощи по прежнему месту работы.

Обслуживание детей железнодорожников специалистами учреждений транспортной медицины выполняет значимую социальную функцию, заключающуюся в сокращении времени пребывания женщин-сотрудниц в отпусках по уходу за ребенком, оперативном решении ряда проблем по организации его лечения, реализации комплекса профилактических мер по укреплению и сохранению здоровья подрастающего поколения.

Особая функция системы транспортного здравоохранения заключается в противодействии распространения инфекционных заболеваний посредством осуществления противоэпидемического надзора и контроля. Выполнение сани-

тарно-гигиенических правил и норм на предприятиях отрасли, в поездах и других местах массового скопления пассажиров и грузов, на территории ведомственного жилищного фонда и объектов коммунального хозяйства – важный фактор сохранения благоприятной эпидемиологической обстановки [7, с. 3].

В соответствии с выполняемыми железнодорожным здравоохранением функциями совершенствовалась его структура. Общее руководство ведомственной медициной в исследуемый период осуществляло Центральное врачебно-санитарное управление НКПС, переименованное 15 марта 1946 г. в Главное врачебно-санитарное управление МПС СССР. На каждой железной дороге работали врачебно-санитарные отделы, которые с конца 1942 г. стали именоваться врачебно-санитарной службой (ВСС) [8].

С 9 января 1943 г. на железных дорогах вводилась новая структура линейных санитарных и лечебно-профилактических организаций [9]. Она включала больницы и поликлиники, линейные амбулатории и медицинские здравпункты на предприятиях и в учебных заведениях. Компетенция территориальных органов управления здравоохранением на учреждения железнодорожной медицины не распространялась, что не препятствовало их взаимодействию [10, с. 165].

В то же время была реструктурирована транспортная санэпидслужба, основу которой составили дорожные и линейные санэпидстанции. Ранее самостоятельные санитарные учреждения включались в структуру санэпидстанций конкретной железной дороги.

Ключевым фактором развития железнодорожной медицины во второй половине 1940-х гг. стало преодоление последствий Великой Отечественной войны, которые носили многоаспектный характер. Медицинский персонал лечебно-профилактических учреждений претерпел качественные изменения в связи с уходом ряда сотрудников на военную

службу. Восстановление кадрового потенциала происходило за счет возвращения врачей-фронтовиков, получивших дополнительный профессиональный опыт, а также молодого пополнения, выпустившегося из медицинских вузов.

Потребность в среднем медицинском персонале удовлетворялась за счет расширения приема на обучение в дорожные медицинские школы. Преимущественным правом зачисления в них пользовались отличники, дети железнодорожников и фронтовиков. Профессиональная подготовка медицинских сестер осуществлялась и на специализированных курсах, где девушки и женщины имели возможность обучаться без отрыва от производства [11, л. 11].

Не менее серьезной проблемой стала необходимость оперативного восстановления материальной базы лечебных учреждений. При этом степень материально-технического ущерба, причиненного войной железнодорожной медицине, в областях Центрального Черноземья отличалась в зависимости от характера и продолжительности военных действий на их территории. Наибольшие потери понесли транспортные медучреждения Московско-Курской, Московско-Донбасской, Южной и Юго-Восточной железных дорог в пределах Курской и Воронежской областей.

Отличительной особенностью начального этапа восстановления сети лечебных учреждений стало участие в работах по реконструкции больничных корпусов и вспомогательных построек их медицинского и обслуживающего персонала. Сотрудники Курской железнодорожной больницы, включая врачебный состав, обеспечили выполнение всех видов хозяйственных работ.

Согласно отчетным данным, представленным начальником больницы В. С. Воробьевым Курскому райпрофсоюзу, она уже весной 1945 г. была укомплектована квалифицированными врачебными кадрами, обеспечена медицин-

ским и хозяйственным инвентарем, что позволяло оказывать больным эффективную медицинскую помощь. Позиция главного врача, озвученная в условиях военного времени, противоречит данным, отложившимся в более поздних отчетных документах за 1945 г.

В течение второй половины года по причине отсутствия материалов и финансирования не удалось завершить запланированные Строительно-восстановительным управлением № 4 ремонтные работы. Фиксировались перебои в снабжении больных белым хлебом, животным маслом и мылом со стороны отдела рабочего снабжения, ощущался недостаток мебели [12, л. 46]. В течение всего 1945 г. стационары испытывали дефицит постельного белья. Лечебные учреждения ст. Курск не были оснащены в должном объеме хозяйственным оборудованием. Кроме того, имелись систематические перебои в снабжении этих лечебных учреждений перевязочными материалами, ватой и медикаментами [11, л. 10]. Перечисленные проблемы не носили критический характер, но препятствовали полноценной работе медучреждения.

Одним из малоисследованных аспектов организации ведомственного здравоохранения является координационная деятельность профсоюзов в вопросах распределения средств фонда социального страхования, а также контроля за качеством оказания медицинской помощи, соблюдением санитарно-гигиенических норм и техники безопасности на производстве.

Уже 25 мая 1945 г. в резолюции собрания профсоюзного актива Курского отделения Московско-Курской железной дороги отмечалась необходимость усиления заботы местных комитетов о больных рабочих и служащих, отслеживания своевременного оказания им медицинской помощи, а также товарищеской поддержки со стороны страховых делегатов. Перед первичными профсоюзными организациями ставилась задача совершенство-

вания контроля за выдачей больничных листов, обеспечения правильного назначения пособий советами по соцстрахованию. Предлагалось принять решительные меры для борьбы с имеющимися нарушениями законов в сфере государственного социального страхования [12, л. 62–62 об.].

На расширенном заседании месткома и ИТР паровозного депо Курск 18 марта 1948 г. врач Мелких отметил, что санитарная служба паровозного депо ведет усиленную работу по контролю за санитарным состоянием предприятия, особенно в вопросах промышленной санитарии. И здесь накопилось немало проблем. Уборная находилась в антисанитарном состоянии, душ был отремонтирован некачественно. Санитарная служба просила поставить вопрос перед руководством дороги о создании пункта первой помощи в депо, об отпуске средств для обеспечения паровозных бригад и ремонтных цехов необходимым количеством аптек, а также обеспечении паровозных бригад чайниками, поскольку они вынуждены были пить фактически отравленную воду из тендеров, что приводило к росту желудочно-кишечных заболеваний [13, л. 35–35 об.].

Из доклада о работе местного комитета Курской дистанции пути за 1948 г. следует, что в результате 21 несчастного случая на производстве общая продолжительность оплачиваемой нетрудоспособности составила 288 дней. На эти нужды было израсходовано 3 875 руб. из фонда социального страхования. Основные причины травматизма заключались в несоблюдении правил техники безопасности, недостаточном административном контроле, отсутствии штатного инструмента для выполнения работ [13, л. 60–61].

19 апреля 1951 г. на собрании профсоюзно-хозяйственного актива Курского отделения был заслушан доклад НОД Н. С. Дорды о выполнении Постановления Совета Министров СССР № 745 от 21 февраля 1950 г. и Постановления ЦК профсоюза железнодорожного транспор-

та «О мерах по улучшению состояния охраны труда и техники безопасности на ж.д. транспорте». Выступая в прениях, санитарный врач Никитина подчеркнула: «Чистота – залог здоровья человека, но некоторые администраторы не хотят понять этого важного дела. Так, ни в одном депо не отведено место для приема пищи рабочими. В результате каждый питается там, где работает. Нет ящиков для хранения хлеба и других продуктов. Рабочие места и инструмент – грязные, спецодежда выдается нерегулярно. Все эти недостатки отрицательно сказываются на здоровье работника и производительности его труда» [14, л. 35].

На заседании президиума Райпрофсоюза Курского отделения, состоявшемся 2 декабря 1950 г., был заслушан доклад проверочной бригады ЦК профсоюза об итогах проверки деятельности лечебных учреждений и работы профсоюзных организаций по вопросу государственного социального страхования на Курском отделении дороги. Президиум Райпрофсоюза отметил успешное выполнение постановления X съезда профсоюзов. Позитивные изменения касались успехов в медицинском обслуживании железнодорожного населения, в совершенствовании контроля за работой лечебных учреждений силами страхового актива, в обсуждении отчетов руководителей медицинских организаций на заседаниях совета соцстраха и местных комитетов [15, л. 216].

Наряду с положительными результатами в совместной работе лечебных учреждений и профсоюзных организаций Курского отделения имелся ряд существенных недостатков. Медицинские учреждения не в полной мере выполняли поставленные X съездом профсоюзов задачи по повышению культуры обслуживания рабочих и служащих, а также членов их семей: 1) после записи в регистратуре больные ожидали прием к врачу от 5 до 6 часов, чем создавалось большое недовольство трудящихся; 2) скорая помощь на дому работала неудовлетвори-

тельно вследствие дефицита горючего; 3) больничные листы заполнялись небрежно, что приводило к затруднениям в установлении диагноза некоторых больных; 4) случаи смертности анализировались нерегулярно (например, из 25 случаев смертности на конференции медработников было обсуждено только 8 случаев, чем был нарушен приказ Министерства здравоохранения); 5) посещение врачами больных на дому игнорировалось, иногда больные с температурой 39,5⁰ и выше по предписанию врачей приходили на прием в поликлинику, что являлось недопустимым; 6) отсутствие медицинского инструментария, медикаментов и других лечебных средств, которые в обязательном порядке были необходимы для обслуживания больных. Страховой актив нерегулярно посещал больных на дому, а местные комитеты и президиум Райпрофсожа не всегда своевременно заслушивали на своих заседаниях лечебные учреждения о проделанной ими работе. В отдельных местных комитетах Курского отделения бухгалтеры неправильно начисляли выплаты по больничным листам, вследствие чего за 1950 г. образовалась переплата более 2 тыс. рублей по государственному социальному страхованию [15, л. 216 об.].

Тем не менее XV профсоюзная конференция Московско-Курской железной дороги, состоявшаяся 22–23 февраля 1950 г., потребовала от начальника Врачебно-санитарной службы М. К. Державина повысить качество работы медицинских учреждений дороги, наметить и провести необходимые мероприятия по снижению заболеваемости и упорядочению выдачи больничных листов. Дорпрофсож, райпрофсожы и месткомы обязывались активизировать работу советов социального страхования и страховых делегатов, усилить контроль за деятельностью лечебных учреждений [16, л. 16].

Основная часть расходов фонда государственного социального страхования на Московско-Курской железной дороге

приходилась на выплату пособий по временной нетрудоспособности. В 1950 г. ассигнования на выплату пособий и пенсий по бюджету социального страхования составили 22 936 800 руб. Многие профсоюзные организации предприятий дороги систематически осуществляли контроль над уплатой взносов социального страхования. Например, Страховой совет паровозного депо Курск начислил 19 277 руб. страховых выплат. Большая роль в снижении заболеваемости и контроле над правильностью производимых расходов на оплату пособий по временной нетрудоспособности принадлежала советам социального страхования и активу. На предприятиях МКЖД значилось 2852 члена страхового актива, 148 страховых советов и 38 цеховых комиссий. Вследствие бесконтрольной выдачи больничных листов в некоторых лечебных учреждениях из-за необоснованного завышения сроков лечения и трудового стажа работников перерасход бюджета социального страхования по профсоюзным организациям МКЖД в 1950 г. составил 727 тыс. руб. [16, л. 39–40] Перерасход средств по Курскому отделению составил 206 тыс. руб., тогда как в соседних Орловском и Тульском отделениях эти суммы исчислялись 99 и 263 тыс. руб. соответственно [16, л. 57–58].

VII Пленум Дорожного комитета профсоюза МКЖД, состоявшийся 15 июля 1952 г., постановил обратиться к начальнику Главного врачебно-санитарного управления МПС СССР Сергееву с просьбой о выделении 500 тыс. руб. на ремонт амбулаторных учреждений дороги, находившихся в аварийном состоянии [17, л. 6]. Выступая на пленуме, председатель Дорпрофсожа Климанова отметила, что «мероприятия по охране здоровья, предупреждению и снижению заболеваемости осуществляются в нашей стране в соответствии с единым государственным планом развития народного хозяйства. Несмотря на это, ни на одной из дорог сети здания медучреждений не находятся

в таком запущенном состоянии, как на Московско-Курской дороге. Руководство дороги мирится с существующим положением, не принимая надлежащих мер по поддержанию лечебных учреждений. Запланированные к ремонту 5 амбулаторий, включая на ст. Лукашовка Курского отделения, находились в плачевном состоянии. Начальник Главного санитарного управления Сергеев не оказал помощь Московско-Курской дороге ни средствами, ни материалами» [17, л. 81–82].

II Пленум Дорпрофсожа Московско-Курско-Донбасской железной дороги, проходивший 4 августа 1953 г., признал нетерпимым положение с ремонтом лечебных учреждений. За семь месяцев 1953 г. их было отремонтировано всего 30%. Не был завершен ремонт железнодорожной поликлиники в Ельце и на многих других станциях, на некоторых из них ремонтные работы даже не начинались [18, л. 5].

Планом на 1953 г. Врачебно-санитарной службе МКДЖД выделялось 4 840 тыс. руб. для строительства медицинских учреждений. К 1 августа из этой суммы было освоено 1 586 тыс. руб. (33%) [18, л. 23]. На капитальный ремонт 39 лечебных учреждений дороги было выделено 2 148 тыс. руб., к 1 августа 1953 г. было освоено 60% от запланированной суммы. Так и не был начат ремонт амбулатории на ст. Лев Толстой [18, л. 35–36].

Курский райпрофсоюз неоднократно рассматривал обращения работников предприятий отделения дороги по поводу невнимательного отношения к ним со стороны ведомственных врачей. Так, на заседании 5 августа 1954 г. обсуждалась жалоба работника паровозного депо Язева, который сообщил, что врачи железнодорожной поликлиники длительное время не могли диагностировать состояние его здоровья и назначить квалифицированное лечение. В результате за два года поздно выявленный у пациента тонзил-

лит приобрел характер хронического, вследствие чего потребовалось оперативное вмешательство. Выписанному из больницы работнику врачи транспортной медицины рекомендовали на следующий же день выйти на работу, хотя производственные задания после обильной потери крови он выполнять не мог. Рассмотрев доводы обеих сторон, райпрофсоюз вынес предупреждения докторам, чьи действия обжаловались, а в отношении председателя врачебной комиссии поликлиники, с учетом его неспособности организовать нормальную работу, было дано определение о несоответствии занимаемой должности [19, л. 68–68 об.].

16 апреля 1955 г. президиум райпрофсожа Елецкого отделения МКДЖД рассмотрел вопрос о практике подготовки и проведения собраний сотрудников отделенческой больницы. Местный комитет не занимался планированием общих собраний коллектива. Они проводились нерегулярно, как правило, созывались по указанию или инициативе вышестоящих организаций. В то же время важнейшие вопросы медицинского обслуживания железнодорожников, внедрения в практику важнейших достижений отечественной медицины, укрепления трудовой дисциплины на общих собраниях не обсуждались, что отрицательно сказывалось на деятельности сотрудников лечебного учреждения, а также на качестве оказания медицинской помощи. Местком больницы не контролировал проведение собраний в профсоюзных группах, не оказывал инструктивную помощь профсоюзному активу [20, л. 55].

На заседании президиума Дорпрофсожа Московско-Курско-Донбасской железной дороги 12 мая 1959 г. был заслушан доклад о медицинском обслуживании железнодорожников и мероприятиях по снижению заболеваемости и травматизма на предприятиях Курского отделения. В работе лечебных учреждений Курского отделения имелся ряд существен-

ных недостатков. Слабо была организована профилактическая работа. За 1958 г. показатели дней нетрудоспособности на 100 застрахованных были на 97 дней выше установленных [21, л. 21].

Увеличилось число случаев производственного травматизма, а также продолжительность нетрудоспособности. Вследствие роста заболеваний и травматизма на выплату пособий по временной нетрудоспособности по Курскому отделению в 1958 г. было перерасходовано сверх бюджетных ассигнований 335 тыс. рублей [21, л. 21].

В больницах станций Курск и Льгов наблюдалась большая скученность, была недостаточна вентиляция, отсутствовали холодильники, а рентген-аппараты подлежали замене ввиду неэффективной работы. В этих же медучреждениях фиксировался дефицит инструментария и медикаментов [21, л. 21].

В протоколе заседания президиума Дорпрофсожа Московско-Курско-Донбасской железной дороги от 12 мая 1959 г. отмечалось, что начальник ж.д. больницы С. Н. Поликарпов ослабил руководство поликлиникой и мало уделял внимания ее работе. Длительное время не назначался руководитель поликлиники. Имевшаяся в поликлинике водолечебница не работала. ВКК допускала случаи раннего направления больных на ВТЭК, тогда как были и больные, не направлявшиеся туда свыше 4-х месяцев. Вагон-рентген не работал на отделении. За 1958 г. не были израсходованы денежные средства для бесплатного амбулаторного лечения туберкулезных больных.

Комплексный анализ причин заболеваний в Курской ж.д. поликлинике не производился. Мероприятия по предупреждению заболеваний не выполнялись, не осуществлялся контроль со стороны руководителей лечебных учреждений за выдачей врачами больничных листов. В связи с обслуживанием поликлиникой 34-тысячного контингента населения Ки-

ровского района, было значительно ухудшено медицинское обслуживание железнодорожников, что вызывало массовые жалобы на задержки и отказы в приеме [21, л. 21].

На предприятиях отсутствовали комплексные планы мероприятий по улучшению условий, охраны труда и промышленной санитарии. Имевшиеся на производстве недостатки, влиявшие на рост заболеваемости и травматизма, не устранялись. Месткомы, технический инспектор и промышленно-санитарные врачи мирились с этим и действенных мер не принимали [21, л. 21].

Выводы

Восстановление системы железнодорожного здравоохранения в послевоенные годы осуществлялось централизованно. Сложившийся в предыдущие годы механизм управления ведомственной медициной вполне успешно доказал свою эффективность и обеспечил поступательное развитие лечебно-профилактических учреждений, а также способность решения ими профессиональных задач. Негативные последствия военного времени в меньшей степени отразились на деятельности Врачебно-санитарной службы Юго-Восточной железной дороги, управление которой находилось в областном центре Воронеже. Транспортная медицина на территории Курской области оказалась в менее выгодном положении, находясь на периферийном положении управленческих структур трех железных дорог.

Профсоюзный контроль являлся действенным средством выявления и искоренения недостатков в системе железнодорожного здравоохранения. В отличие от методов централизованного администрирования контрольно-распорядительная деятельность профсоюзов носила вполне демократический характер, более объективно оценивая проблемы транспортной медицины и предлагая конкретные способы их решения.

Список литературы

1. Железнодорожная медицина: энциклопедия / под ред. О. Ю. Атькова, А. З. Цфасмана. М.: Медицина, 2007. 1040 с.
2. История становления и развития медико-санитарной службы на железнодорожном транспорте России / под ред. Г. Г. Онищенко. М.: Адвансед солюшнз, 2016. 480 с.
3. Цфасман А. З. Из того, что помню. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Торус пресс, 2020. 358 с.
4. Вопросы истории железнодорожной медицины / под ред. О. Н. Сорокина, С. Д. Кривули, А. З. Цфасмана. М.: РАПС, 2000. 328 с.
5. Молодцова Е. В., Шеметова Г. Н. Актуальные и нерешенные проблемы организации лечебно-профилактической помощи в условиях железнодорожной медицины // Саратовский научно-медицинский журнал. 2010. Т. 6, № 1. С. 88–94.
6. Бичкаев Я. И., Горохова Л. М., Мартынова Н. А. Влияние производственных факторов на развитие основных заболеваний у различных профессиональных групп железнодорожников // Экология человека. 2008. № 1. С. 44–51.
7. Капцов В. А., Вильк М. Ф. Современные научные проблемы железнодорожной гигиены // Медицина труда и промышленная экология. 2007. № 1. С. 1–7.
8. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 1884. Оп. 40. Д. 1504.
9. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 40. Д. 1548.
10. Социально-политические факторы развития отечественного железнодорожного транспорта в 1940–1960-е годы (по материалам Курской области) / В. В. Коровин, Е. А. Масуфранова, А. В. Величко [и др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. 300 с.
11. ЦГАМ (Центральный государственный архив города Москвы). Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 3134.
12. ГАОПИКО (Государственный архив общественно-политической истории Курской области). Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 3.
13. ГАОПИКО. Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 5.
14. ГАОПИКО. Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 10.
15. ГАОПИКО. Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 14.
16. ЦГАМ. Ф. Р-2760. Оп. 1. Д. 125.
17. ЦГАМ. Ф. Р-2760. Оп. 1. Д. 141.
18. ЦГАМ. Ф. Р-2760. Оп. 1. Д. 159.
19. ЦГАМ. Ф. Р-2760. Оп. 1. Д. 193.
20. ЦГАМ. Ф. Р-2760. Оп. 1. Д. 223.
21. ГАОПИКО. Ф. П-5399. Оп. 1. Д. 52.

References

1. At'kova O.Yu., Cfasmana A.Z. (eds.) Railway medicine. Encyclopedia. Moscow: Medicina; 2007. 1040 p. (In Russ.)
2. Onishchenko G.G. (ed.) The history of the formation and development of the medical and sanitary service in Russian railway transport. Moscow: Advansed solyushnz; 2016. 480 p. (In Russ.)
3. Cfasman A.Z. From what i remember. 2nd ed. Moscow: Torus Press; 2020. 358 p. (In Russ.)
4. Sorokina O.N., Krivulya S.D., Cfasman A.Z. (eds.) Questions of the history of railway medicine. Moscow: RAPS; 2000. 328 p. (In Russ.)

5. Molodtsova E.V., Shemetova G.N. Actual and unresolved problems of the organization of therapeutic and preventive care in the conditions of railway medicine. *Saratovskij nauchno-medicinskij zhurnal* = *Saratov Journal of Medical Science*. 2010;6(1):88–94. (In Russ.)
6. Bichkaev Ya.I., Gorokhova L.M., Martynova N.A. The influence of production factors on the development of major diseases in various professional groups of railway workers. *Ekologiya cheloveka* = *Human ecology*. 2008;(1):44–51. (In Russ.)
7. Kaptsov V.A., Vilk M.F. Modern scientific problems of railway hygiene. *Medicina truda i promyshlennaya ekologiya* = *Occupational medicine and industrial ecology*. 2007;(1):1–7. (In Russ.)
8. RGAE (Russian State Archive of Economics). F. 1884. Op. 40. D. 1504. (In Russ.)
9. RGAE. F. 1884. Op. 40. D. 1548. (In Russ.)
10. Korovin V.V., Masufranova E.A., Velichko A.V., et al. Socio-political factors of the development of domestic railway transport in the 1940s–1960s (based on the materials of the Kursk region). Kursk: Yugo-Zap. gos. un-t; 2017. 300 p. (In Russ.)
11. CGAM (The Central State Archive of the city of Moscow). F. R-2759. Op. 1. D. 3134. (In Russ.)
12. GAOPIKO (State Archive of the Socio-Political History of the Kursk region). F. P-5399. Op. 1. D. 3. (In Russ.)
13. GAOPIKO. F. P-5399. Op. 1. D. 5. (In Russ.)
14. GAOPIKO. F. P-5399. Op. 1. D. 10. (In Russ.)
15. GAOPIKO. F. P-5399. Op. 1. D. 14. (In Russ.)
16. CGAM. F. R-2760. Op. 1. D. 125. (In Russ.)
17. CGAM. F. R-2760. Op. 1. D. 141. (In Russ.)
18. CGAM. F. R-2760. Op. 1. D. 159. (In Russ.)
19. CGAM. F. R-2760. Op. 1. D. 193. (In Russ.)
20. CGAM. F. R-2760. Op. 1. D. 223. (In Russ.)
21. GAOPIKO. F. P-5399. Op. 1. D. 52. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Головин Евгений Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: golovin007@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0199-7423

Evgeny A. Golovin, Candidate of Sciences (Historical), Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: golovin007@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-0199-7423

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(571.53)

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-196-209>

«Открыть мир искусства жителям и гостям города» о художественной работе Н. И. Верхотурова в Иркутской губернии на рубеже XIX – XX века

В. В. Ткачев¹✉

¹ Иркутский государственный университет
ул. К. Маркса, д. 1, г. Иркутск 664003, Российская Федерация

✉ e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Резюме

Актуальность. Деятели искусства на протяжении всего периода развития городской среды изменяли отношение к художественным пространствам. Н. И. Верхотуров один из многих, кто не только стремился повысить интерес жителей к произведениям, но и сформировать художественную среду в Иркутской губернии. Данные аспекты усиливают и активизируют работу по изучению художественного наследия мастера, которое сохранилось в архивах и музеях Иркутска.

Цель – представить работу Н. И. Верхотурова по созданию художественных пространств для взаимодействия художников с посетителями выставок в Иркутской губернии на рубеже XIX – XX веков.

Задачи: выявить материалы о деятельности Н. И. Верхотурова, в рамках которой приводится процесс координации работы творческого сообщества; изучить художественные мероприятия, направленные на распространение знаний об отечественном искусстве; проанализировать архивные материалы в контексте их влияния на отношение Н. И. Верхотурова в построении педагогической и творческой деятельности, сотрудничества с художниками и коллекционерами.

Методология. Работа построена на комплексном подходе. Учитывается принцип историзма, объективности, научности, используются проблемно-хронологический и историко-генетический методы.

Результаты. В рамках работы в архивах Иркутской области были определены материалы, которые описывают деятельность Н. И. Верхотурова на рубеже XIX – XX веков по созданию учебных заведений, организации выставочных павильонов. Рассматривая сюжеты, связанные с участием мастера в мероприятиях, можно убедиться в изменении отношения общественности к художникам, музеям, собраниям произведений искусства.

Выводы. Н. И. Верхотуров участвовал в создании рисовальной школы, работе учебных заведений и общественных, научных организаций. В результате взаимодействия с художниками, коллекционерами появлялись очаги художественной жизни в Иркутской губернии. Изучая публикации и материалы по истории искусства, городской среды, художник проявлял интерес к созданию учебных заведений, мастерских, поддержке работы музеев и картинных галерей.

Ключевые слова: История Сибири; Иркутская губерния; городская культура; художественное образование; художественная интеллигенция; музеи.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Ткачев В. В. «Открыть мир искусства жителям и гостям города» о художественной работе Н. И. Верхотурова в Иркутской губернии на рубеже XIX – XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 196–209. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-196-209>

Поступила в редакцию 10.06.2024

Принята к публикации 31.07.2024

Опубликована 30.08.2024

“Open the world of art to residents and guests of the city” about the artistic work of N. I. Verkhoturov in the Irkutsk province at the turn of the 19th – 20th centuries

Vitaliy V. Tkachev¹ ✉

¹Irkutsk State University

1 K. Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

✉e-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Abstract

Relevance. Throughout the entire period of development of the urban environment, artists changed their attitude towards artistic spaces. N. I. Verkhoturov is one of many who not only sought to increase the interest of residents in his works, but also to create an artistic environment in the Irkutsk province. These aspects strengthen and intensify the work on studying the artistic heritage of the master, which has been preserved in the archives and museums of Irkutsk.

The purpose is to present the work of N. I. Verkhoturov on creating artistic spaces for the interaction of artists with visitors to exhibitions in the Irkutsk province at the turn of the 19th - 20th centuries.

Objectives: to identify materials about the activities of N. I. Verkhoturov, within the framework of which the process of coordinating the work of the creative community is described; explore artistic events aimed at disseminating knowledge about Russian art; analyze archival materials in the context of their influence on the attitude of N. I. Verkhoturov in the construction of pedagogical and creative activities, cooperation with artists and collectors.

Methodology. The work is based on an integrated approach. The principles of historicism, objectivity, and scientific character are taken into account; problem-chronological and historical-genetic methods are used.

Results. As part of the work in the archives of the Irkutsk region, materials were identified that describe the activities of N. I. Verkhoturov at the turn of the 19th - 20th centuries in creating educational institutions and organizing exhibition pavilions. Considering stories related to the master's participation in events, one can be convinced of a change in the public's attitude towards artists, museums, and art collections.

Conclusions. N.I. Verkhoturov participated in the creation of a drawing school, the work of educational institutions and public and scientific organizations. As a result of interaction with artists and collectors, centers of artistic life appeared in the Irkutsk province. Studying publications and materials on the history of art and the urban environment, the artist showed interest in creating educational institutions, workshops, and maintaining the work of museums and art galleries.

Keywords: History of Siberia; Irkutsk province; urban culture; art education; artistic intelligentsia; museums.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation Tkachev V.V. “Open the world of art to residents and guests of the city” about the artistic work of N. I. Verkhoturov in the Irkutsk province at the turn of the 19th – 20th centuries. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):196–209. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-196-209>

Received 10.06.2024

Accepted 31.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Формирование художественной среды в городах Иркутской губернии на рубеже XIX – XX вв. отразилось на жизни многих жителей, которые не только участвовали в мероприятиях, но и интересовались достижениями в области

изобразительного искусства. В среде интеллектуального общества появляются выдающиеся деятели, работа которых была направлена на совершенствование связей между зрителями и произведениями, искусством и потребителем. Постоянные и сильные контакты развивали интерес к творчеству мастеров, отече-

ственным художественным школам. Известно то, что каждый человек, увлечённый искусством, вне зависимости от предпочтений к какому-либо направлению в живописи и графике, обращается к художникам как создателям композиционных решений, образов героев и сюжетных линий. Через знакомство происходил процесс постижения, понимания и формирования новых идей, что являлось существенным, результативным с точки зрения обмена историческими знаниями. Многие работы, представляемые на выставках, увлекали посетителей своими подходами, принципами размещения фигур и видовыми пейзажами. Данные аспекты влияли на зрителей в момент принятия решений, в случаях приобретения или поиске ответа на собственные вопросы. Вероятно, то, что мастера в большинстве случаев не догадывались о том, как посетитель доходит до внутренних, глубинных смыслов важных исторических тем: ценности в реальном, действительном мире; красоты настоящего сибирского уголка; летописи научных поисков русских учёных в регионе. Стоит отметить то, что для совершенствования пространств показа произведений искусства использовались наиболее эффективные формы выставочной деятельности, опыт западных выставочных комиссий и комитетов, экспертного сообщества.

На территории Иркутской губернии существовали центры, где можно было познакомиться с искусством, разными направлениями живописи и графике, результатами педагогической деятельности сибирских мастеров. Так активно музейным делом занимались педагоги и специалисты при Иркутской губернской мужской гимназии, галереи В. П. Сукачёва, музеях научных и общественных организаций, библиотеках и печатных изданиях. Во многих местах главные задачи в передачи знаний о творчестве, судьбах отечественных мастеров выполнял Н. И. Верхотуров – один из представителей сибирской художественной интеллигенции до-

революционного периода, который стремился улучшить условия действующих художественных пространств. Николай Иванович отмечал многие явления, которые можно было наблюдать в момент проведения мероприятий. Так художник оценивал организацию выставок при музеях, картинных галереях, которые знакомили посетителей с лучшими произведениями искусства. Однако, когда наблюдались заметные противоречия и допущенные нарушения при демонстрации картин, графике, то художник об этом писал или говорил на публичных встречах в форме доклада [1].

Николай Иванович был известен в творческой и научной среде как глубоко заинтересованный деятель в реализации новых идей через музейную практику, т. к. во многих встречах принимал участие. Художника можно было встретить в учебных заведениях, на заседаниях выставочных комитетов, учредительных и отчётных мероприятиях при научных и творческих организациях. Как интеллектуала его интересовал опыт коллег из столичных регионов Российской империи, т. к. на рубеже XIX – XX вв. многие из его знакомых участвовали в выставочных проектах Москвы, Петербурга и зарубежья. Выделялось то, что иркутскому обществу было необходимо создание мест, где каждый житель вне зависимости от уровня знаний в искусстве проявил собственные способности к рисованию, проверил то, как он понимает художественное наследие русских художников [2].

Художественные материалы, документы и изображения о работе Н. И. Верхотурова в Иркутской губернии сообщают современным историкам то, как деятели искусства относились к музеям, выставочным проектам дореволюционного времени [3]. Так через воспоминания и заметки художника возможно проследить реакцию профессиональных музейных специалистов на процесс показа, создания новых проектных решений и многие другие моменты [4]. Николай Иванович

являлся просветителем, который не только интересовался художественной жизнью, посещал все мероприятия, но и стремился делать всё возможное, чтобы приобщать людей разного возраста к искусству, музеям. Для того чтобы понять позицию к сохранению художественного наследия мастером, достаточно подробно изучить документы по истории создания коллекций и проведению мероприятий для горожан Иркутской губернии [5].

Приведённые суждения о влиянии деятеля искусства на повседневную жизнь горожанина на рубеже XIX–XX в. дают возможность продолжать изучать творчество Н. И. Верхотурова в контексте сотрудничества художников с коллекционерами, когда происходило становление первых художественных центров [6]. Известно то, что благодаря совместной деятельности мастеров и сотрудников из музейных выставочных пространств возможно было наблюдать важный процесс приобщения и представления живописи, графики [7]. Настоящая работа обращается к документам, которые описывают изменчивость мнения общественности в отношении к произведениям, раскрытии творческого потенциала молодого художника [8]. Размышления о художественном наследии, сохранении работ, отражающих виды водоёмов, лесов и многих населённых пунктов на протяжении всего транспортного пути к Байкалу, говорят о важности выявления материалов о деятельности мастеров по созданию единого творческого пространства [9].

Работу Н. И. Верхотурова изучали многие сибирские исследователи: иркутские и забайкальские историки [10]. Творческие возможности художника, получение образования и открытие первых учебных заведений для приобретения знаний в области рисования на рубеже XIX – XX вв. были изложены исследователями [11]. С другой стороны, в настоящее время не существует подробных работ, восстанавливающих жизнь и дея-

тельность Николая Ивановича в контексте сотрудничества художников и коллекционеров с музеями [12]. Существующие исследования не объясняют публикационную активность деятеля искусства и интерес его к мероприятиям в городах Иркутской губернии [13]. В настоящее время продолжают выходить труды по истории коллекционирования и работе купечества в распространении знаний о ведущих живописных школах дореволюционного периода [14]. Появление первых собраний произведений в Иркутске, сосредоточение внимания ценителей искусства на деятельности художников конца XIX в., встречается в работах, посвящённых В. П. Сукачеву [15]. Продолжают выявляться материалы по истории представления картин на выставочных площадках, историки раскрывают особенности оформления помещений и перемещения авторских работ до места назначения [16]. Появление живописных полотен в музеях и галереях и их значимость для просветительской и научной деятельности сибирских учёных прослеживается в монографиях по истории Иркутской губернии [17].

В сибирской историографии существуют издания и отдельные публикации о том, как усилиями специалистов музейного дела включается художественное наследие в музейные пространства, которое занимает важное значение для воспитания подрастающего поколения, приобщения к истории своего родного населённого пункта [18].

В работах приводятся не только события, которые влияли на степень восприятия зрителя, но и мнения деятелей искусства о том, как выставки подробно знакомили с творчеством иркутских мастеров [19]. В работах используются сведения о взаимодействии сообщества художников с коллекционерами, их участие в проектах, иллюстрирующих художественное наследие Байкальского региона [20]. Также в статьях настоящего историка постепенно собираются архивные ма-

териалы и раскрываются сюжеты о формировании музейного пространства и музейных объединений в Иркутской губернии [21].

Существующие издания по истории художественной жизни в Иркутской губернии не отражают в полной степени жизнь и деятельность Н. И. Верхотурова, работу по созданию пространств в рамках приобщения жителей к произведениям [22]. Необходимо продолжать проводить исследования материалов, которые создавал Николай Иванович в процессе изучения событий и выставочных проектов, истории создания живописных полотен иркутскими художниками дореволюционного периода [23].

Методология

При написании статьи были использованы основные принципы проведения научных исследований, которые позволили рассмотреть художественную жизнь Иркутской губернии через деятельность Н. И. Верхотурова на рубеже XIX–XX вв. В рамках исследования были учтены принципы объективности и научности, которые убеждают в результативности и истинности полученных знаний для отечественной истории. В исследование включены новые архивные материалы, соотносящие документальные описания с известными утверждениями о работе деятеля искусства в городах, в рамках которой создавались художественные центры. В результате данного подхода были выявлены сведения о деятельности художника по изучению собраний, уникальных и ценных предметов, организации выставочных пространств. Последовательность в организации работы Н. И. Верхотурова в открытии рисовальной школы, обсуждение проектов по учреждению комитета и преподавательского состава учебного заведения, проведении выставок и других мероприятий изучены благодаря историко-генетическому методу. Так удалось выяснить, что общественность стремилась постепенно освоить создаваемые

пространства и изучить отечественное художественное наследие. В рамках исследования используется проблемно-хронологический метод, который даёт возможность проследить изменчивость мнения Н. И. Верхотурова по отношению к выставкам и центрам для демонстрации произведений, появлению учебных заведений в Иркутской губернии. Также стоит упомянуть и о фронтирном подходе, благодаря которому, с одной стороны, выстраиваются события в исторической последовательности, а с другой стороны, выявляется степень обособленности и связанности городов Иркутской губернии между собой, их неравномерности в развитии, освоении художественных пространств.

В рамках изучения работы Н. И. Верхотурова по созданию художественных пространств в городах Иркутской губернии на рубеже XIX–XX вв. рассматриваются исторические источники из Государственного архива Иркутской области. В собрание архива входят документы по истории деятельности художников в составе Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии и Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ВСОИРГО). Также в фондах находятся источники о работе Н. И. Верхотурова в Иркутской губернии. В результате разбора архивных собраний были выделены документы из фонда Н. С. Романова, где размещены сведения о том, как художник занимался педагогической деятельностью, открывал рисовальную школу и многие другие важные стороны. В процессе восстановления последовательности событий, в которых активно принимал участие Н. И. Верхотуров, рассматриваются собрания деятеля искусства, которые сохраняются искусствоведами и историками в художественном музее Иркутска. Были выявлены документы, отражающие интерес художника к изменчивости общественного мнения к пред-

метам искусства, отношение к новым живописным школам, непосредственное участие в создании учебных заведений для получения художественного образования.

Результаты и их обсуждение

Музейное сообщество на рубеже XIX–XX вв. в Иркутской губернии ориентировалось на общие тенденции в построении работы в регионе, которые были востребованы в крупных городах Российской империи. В данный период статьи в периодической печати сообщают, что в частных собраниях и общественных, государственных музеях проводились художественные мероприятия: от встреч с известными художниками до отведения отдельных помещений для демонстрации произведений. Происходил подъём интереса посетителей к предметам искусства, который был важен для определения направленности работы музеев в настоящее время. С одной стороны, внимание сосредотачивалось на построении экспозиций, выделении ценных предметов и раскрытии их через документальные и изобразительные материалы. С другой стороны, необходимо было донести исторический процесс, взаимосвязь автора-исследователя с действующими фигурами в картинах.

Творческие объединения и музейные сотрудники стремятся создать пространство для художественного взаимодействия с предметом искусства. В данной экспозиции размещаются не только картины, но и другие дополняющие, развивающие сознание, представление зрителя материалы. В результате связующие документы подробно описывали живописные полотна, поэтому реакция на увиденные предметы всегда была положительной. Посетители раскрывали в рамках собственного познания отдельные области данного предмета, погружались в глубинные смыслы, которые были заложены мастером в процессе создания. Благодаря знакомству с творчеством худож-

ника зритель расширяет собственные знания о важной работе музейного специалиста. Происходит понимание того, что музейное сообщество расширяло связи с коллекционерами и творческими объединениями. Изменчивость взглядов и деятельность сотрудников музеев отражены в публикациях, которые создавали деятели, которые занимались изучением художественных мероприятий. Они составляли летопись происходящих событий, развитие живописных школ, раскрытие направленности интереса посетителей в искусстве. Также формировалось понимание о том, что необходимо изучать и сохранять отечественное художественное наследие, которое собиралось известными деятелями музейного дела. Многие в результате проведения выставок включали новые произведения в экспозиционные разделы, пополняли собрания и стремились дать вторую жизнь исчезающим фрагментам истории повседневности и искусства.

Музейное дело рубежа XIX–XX вв. охватывает многие стороны деятельности научного и творческого сообщества Иркутской губернии. Для полного погружения в музейные мероприятия и раскрытия последовательности принятия решений стоит обращать внимание на события, которые происходят в сфере искусства, в профессиональной среде, где сосредоточено внимание сотрудников к художественным собраниям и экспонатам. Благодаря изучению сопроводительных документов и памятников, которые сохранились в фондах музеев, возможно определить то, что в современный период определены основные направления в работе учреждений: сохранение, изучение и представление предметов, относящихся к историко-культурному наследию. Настоящие направления выделяют разные стороны уникальных объектов, которые передавали авторские идеи, художественные особенности и многие другие элементы в изображении. Изучая предметы, посетители погружаются в историю про-

шедших событий, познают роль деятелей культуры, науки и образования в решении хозяйственных, экономических и других административных вопросов. Музеи современности продолжают выполнять образовательные, просветительские и воспитательные функции, которые складывались несколько десятилетий в результате деятельности опытных специалистов в области сохранения художественного наследия.

Художественные музеи и картинные галереи являются пространствами для взаимодействия посетителей с произведениями искусства. Живописные и графические работы, скульптура, с которыми можно было познакомиться через общедоступные выставочные проекты и экспозиции, продолжают передавать знания об истории развития художественных школ, академических традициях русской живописи, особенностях обучения рисованию жителей, включению предметов искусства в жилые и общественные помещения. Произведения отражают мир настоящий и прошлый в контексте познания обществом происходящих явлений в природе, городской и сельской жизни, бытовые сюжеты, отношения между разными представителями творческого сообщества.

Искусство как основа для организации художественных музеев и картинных галерей является важной составляющей в построении отношений зрителей и художников. Только в результате слаженных действий возможно раскрыть творческие идеи автора произведения, приблизить посетителей к процессу создания картин и отражению образов в тематических сюжетах.

Проявление интереса к искусству также было обусловлено тем, что многие художники принимали участие в экспедиционной деятельности. Н. И. Верхотуров был одним из тех мастеров, кто постоянно поддерживал коллег в научных поисках, подборе соответствующих материалов для создания сюжетов к произве-

дениям. Также Николай Иванович участвовал в изучении сибирских земель, собирал образы, совершая длительные поездки по окраинам Российской империи. В течение всего исследовательского периода сообществом сибирских учёных организовывались такие экспедиции, как Первая (Монгольская) в северо-западную Монголию (1876–1878 гг.), Вторая (Монголо-Тувинская) (1879–1880 гг.), Китайско-Тибетская (Ганьсуйская) (1884–1886 гг.), Вторая Китайско-Тибетская (1892–1893 гг.), гидрографические на озеро Байкал, в Забайкалье, на реки Амур и Уссури и во многие другие отдалённые места. Разработка индивидуальных маршрутов по территории Азиатской России и Байкальской Сибири заключалась в том, что многие опытные исследователи изучали социальное, экономическое положение прилегающих земель по отношению к изменчивости условий Российской империи.

Зависит данная точка зрения от собственных убеждений, также и от ситуации, сопровождающей жизнь и деятельность педагогов и начинающих авторов картин и зарисовок. Так административное направление, с разрешения губернской и городской властей, для освоения и использования разрабатываемых земных и водных маршрутов, влияло на определение направления по изучению природных территорий и уникальных культурных объектов в районе населённых пунктов [24, л. 16].

В период модернизации городов Иркутской губернии, расширения транспортных артерий, увеличения численности населения жителей возникает интерес учёных к изучению истории появления первых поселений. Так в одном фрагменте документа можно встретить следующее стремление исследователя: «Статистическое описание Сибири, которое я хочу предпринять по совету Семенова, я думаю написать не вроде Завалишина или не в виде ученого сухого многотомного сборника вроде сочинения Словцо-

ва, а дать популярное описание, которое бы заменило книгу Завалишина. Мое описание будет строго научное. Предполагаю написать его в двух частях: географической и историко-статистической. В первой части будут рельефно выявлены особенности сибирской природы; для второй наметил следующую программу: татарская колонизация; этнографическая карта Сибири; Ермак; русская колонизация; борьба с бухарцами; соболинный период; переход к земледелию; выход из тайги; золотопромышленность. Община в Сибири, положение женщины, регресс в культуре, отсутствие провинциальной журналистики, чиновничество, вопрос об инородцах и пр., и пр. Сибирские нужды – университет и т. п.» [24, л. 21].

Интерес общественности, учёных и художников проявлялся не только к рассмотрению экономических сторон развития городов, но и к интеллектуальному взаимодействию, появлению первых живописных работ на выставках. Известно, что Н. И. Верхотуров собирал многие сведения о художественной жизни в Иркутской губернии, отслеживал информацию о новых мероприятиях, анализировал работу своих коллег. В одном из изданий можно встретить следующие заметки: «26-го февраля, Г. Н. Потанин прибыл в Петербург. В настоящее время он, между прочим, занят подготовкой к имеющему быть 8-го апреля в зале географического Общества докладу о своём знаменитом путешествии. Далее мы узнали, что В. П. Сукачев всю коллекцию, собранную М. М. Березовским при экспедиции Г. Н. Потанина, пожертвовал в Восточно-Сибирский отдел Императорского географического общества» [24, л. 24].

Материалы, которые создавались в период становления и определения художественной школы Н. И. Верхотурова, дают представление о том, как сибирские художники раскрывали свои творческие способности в первых выставочных проектах коллекционеров. Встречаются пуб-

ликации о первых профессиональных сообществах и многие другие содержательные статьи по истории Байкальской Сибири и Российской империи: «Новая картина сибиряка художника В. И. Сурикова. На передвижной выставке привлекает внимание всех новая картина даровитого художника В. И. Сурикова. Талант г. В. И. Сурикова выдвинулся уже несколько лет, художник получил полное художественное образование и был за границей. Имя его стоит на той же высоте теперь, как и имя Перова. В. И. Суриков дал несколько лет назад картину “Стрельцы, приговоренные к смертной казни”; картина эта произвела страшное и глубокое впечатление, теперь г. В. И. Суриков чрез несколько лет выступил с картиной “Боярыня Морозова”» [25, л. 6].

В дальнейшем отмечается, как сибирский художник впервые продемонстрировал живописные полотна. В материалах сосредоточены сведения о том, что общество относилось к картинам как источникам, которые продемонстрировали исторические события с точки зрения позиции автора и исторической мысли настоящего времени. Стоит выделить то, что документы, которые собирал Н. И. Верхотуров, показывают современным исследователям то, как творческое сообщество стремилось создавать образы героев и исторические сюжеты. Приведём в качестве примера один фрагмент того, как сибирский художник участвовал на выставках, где были продемонстрированы основные результаты работы по сбору информации для образов: «В. И. Суриков, наш дорогой земляк, красноярец, он будет всегда нашей гордостью. Пожелаем ему успеха на много-много лет и будем ждать, что он даст для России целый ряд блестящих картин в будущем. 25-го открыта ежегодная передвижная выставка картин, а 1-го марта открыта академическая выставка» [25, л. 7].

Данные публикации, которые встречаются в материалах Н. И. Верхотурова, определяют его интересы к изучению ху-

дожественного пространства, творчества как начинающих, так и профессиональных художников в Российской империи. Также продолжают обсуждаться вопросы и по выявлению произведений для региональных выставок среди коллекционеров и собирателей предметов искусства.

В результате активной деятельности музейного сообщества на рубеже XIX–XX вв. сохраняется традиция демонстрации произведений искусства на выставках в учреждениях культуры и других художественных площадках, используя ключевые картины, сюжеты которых передают подробную историю происходящих событий в прошедшем времени. Работу музейных сотрудников в дореволюционный период необходимо изучить в более подробном исследовании, используя материалы, статьи иркутских газет данного периода. Деятели искусства, которые создавали свидетельства о музейной работе, передают основные принципы, подходы во взаимодействии специалистов музеев с художниками и коллекционерами.

В материалах Н. И. Верхотурова достаточно часто встречаются суждения о том, как иркутские художники стремились не только создать единое творческое пространство, но и открыть новые учебные заведения и мастерские для освоения навыков создания рисунков, принципов построения композиций и выделение фрагментов для передачи общей идеи. Отдельный фрагмент документа сообщает современным исследователям о мероприятиях, которые были направлены на создание пространств для получения знаний по истории искусства, развитию изобразительных школ: «Н. И. Верхотуров в короткой, но сильной речи указал на обстоятельства, побуждающие его открыть в Иркутске названную школу. г. Иркутск отрезан на много тысяч вёрст от самого ближайшего пункта, где можно получить художественное образование. Немало среди местной молодёжи лиц, чувствующих влечение к искусству и по

слабым своим успехам в этой области предполагающих в себе таланты. Для полного развития своих дарований молодёжь направляется в Москву, Петербург и другие центры, где ждёт её целая вереница разочарований. Большинству приходится убеждаться, что у них нет ни малейшей подготовки, что самые удачные их произведения страдают грубым незнанием элементарных приёмов, азбуки искусства» [26, л. 9].

Также встречается и подробное описание процесса создания рисовальной школы в Иркутске. Многие предложения, которые оглашались Н. И. Верхотуровым в общественных собраниях, подтверждали значимость открытия учебного заведения для Иркутской губернии: «Заслуживает внимания ещё то обстоятельство, что открываемая школа имеет в виду не только образование чисто художественное, но и профессионально-техническое. Всем известно, что наши ремесленники в большинстве случаев малограмотны и не мастера тонких изделий. Сплошь и рядом хороший столяр не умеет исполнить заказа по предложенному ему рисунку, отличный плотник не в состоянии разобратся в самом простом тоне отстраиваемого здания, у нас совершенно отсутствует орнамента, нет майолики и в помине не бывало более или менее художественного гравёрства, сносной иконописи. В процветании школы все население города одинаково заинтересовано» [27, л. 10].

Иркутские редакторы газетных материалов сообщали сведения, как известные представители интеллигентного сообщества на выставочных проектах демонстрировали результаты деятельности общественных организаций. Так в публикациях находятся сведения о том, как произведения включались в художественные композиции музеев, сочетались текстовые материалы с изобразительными источниками, где можно было увидеть картины и Н. И. Верхотурова [28, л. 11].

Документы объясняют то, как на выставках и других художественных мероприятиях появлялись работы начинающих мастеров, таких как Н. И. Верхотуров, которые продолжительное время изучали наследие живописных школ Иркутской губернии. Так в письмах и обращениях художественная интеллигенция напоминает о значимости работы творческого сообщества в отдалённых от центра территориях: «Важно помочь в самом начале, а когда оборудуется дело, то школа, по установившемуся порядку, найдёт себе твёрдую поддержку со стороны Академии художеств. В добрый путь! Вследствие позднего времени обсуждение некоторых из текущих дел было отложено до следующего собрания» [29, л. 11].

В заключение был доложен проект письма Совета в местный Отдел географического общества о принятии последним участия в намечаемом Советом исследовании состояния грамотности сельского населения. Предложение Совета заключалось в следующем: 1) Общество печатает за свой счёт опросные бланки; 2) Отдел рассылает бланки своим корреспондентам и по указанию общества; 3) полученный материал разрабатывается членами Отдела Общества и печатается в изданиях первого и 4) Общество принимает на себя расходы по напечатанию оттисков. Представители художественного сообщества остановились в принятии решения на собрании общества, т. к. оно обещало быть деятельным по сравнению с другими региональными обществами.

Выявленные исторические источники из иркутских архивов убеждают в том, что Н. И. Верхотуров постепенно решал организационные, хозяйственные, экономические и педагогические вопросы в рамках создания нового учебного заведения в Иркутской губернии.

Выводы

Н. И. Верхотуров в рамках своей работы в разных сферах городского благо-

устройства, культурного развития постоянно находил связи для проведения разносторонних мероприятий в музеях и галереях, помещениях учебных заведений и административных зданий. Материалы, которые удалось выявить в иркутских архивных собраниях, продемонстрировали то, что художественные выставки проходили на высоком уровне и поднимали интерес к культурным явлениям, которые нечасто можно было встретить в отдалённых территориях от центра Российской империи. Известно, что сибирские мероприятия отличались от событий в Москве и Петербурге отдельными особенностями: принципами организации, оформлением и составлением программы. Достаточно упомянуть то, что по многим причинам посещаемость местных выставок оставалась в большой степени слабой. Небольшое число посетителей мероприятий можно объяснить следующими наблюдениями: малой информированностью населения, недоступной стоимостью и необразованностью многих жителей. Существующие документы в архивах подтверждают то, что Н. И. Верхотуров постоянно следил за состоянием учреждений в городе, степенью заинтересованности жителей к событиям и познанию существующих живописных направлений. Николай Иванович считал, что необходимо постепенно готовить будущего зрителя к знакомству с произведением, поэтому важно использовать современные приёмы просветительской работы, чтобы общественность понимала значимость искусства для становления личности.

В рамках просветительской работы Н. И. Верхотуров преподавал и руководил рисовальной школой, воспитывал многих сибирских художников, которые постепенно оставались жить в городах и продолжали заниматься творчеством. Многие из его учеников поддерживали проекты по объединению мастеров в единое сообщество, которое организовывало мероприятия и встречи с исследователя-

ми, музейными сотрудниками и деятелями искусства.

Рассматривая события дореволюционного периода, стоит обозначить то, что Н. И. Верхотуров – один из многих художников, который не только создавал живописные полотна и участвовал в выставках, но и активно занимался общественной деятельностью. Николай Иванович оценивал мероприятия, делал отзывы на работы своих коллег, поддерживал начинающих художников и осваивал

новые направления в искусстве. Педагог активно изучал художественную жизнь региона, собирал материалы, публиковал собственные фрагменты материалов и наблюдений в газетах и других изданиях Иркутской губернии. Н. И. Верхотуров стремился расширить знания не только художников, но и другой части городского общества о том, что необходимо сохранять, изучать и рассказывать об отечественном достоянии живописных школ.

Список литературы

1. Шахеров В. П. Становление деятельности по выявлению и сохранению историко-культурного наследия Сибири в дореволюционный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2021. Т. 37. С. 4–16.
2. Шахеров В. П. От простого собирательства к первым музеям (из истории становления музейного дела в дореформенной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2023. Т. 43. С. 26–40.
3. Комлева Е. В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. С. 249–254.
4. Комлева Е. В. Освоение Северной Азии как сфера реализации социокультурных практик сибирского купечества // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27, № 2. С. 107–112.
5. Гончаренко Н. В. Сукачёвы. История одной семьи. Иркутск: Артиздат, 2019. С. 12–18.
6. Гончаренко Н. В. Жизнь в иркутской усадьбе Сукачева. Новые документы // Карабихские научные чтения. После юбилея: новые перспективы изучения Н. А. Некрасова и его эпохи: материалы научно-практической конференции. Ярославль: Академия 76, 2022. С. 49–53.
7. Озерова С. А. Сукачев Платон Петрович. Архивные материалы // Заметки ученого. 2022. № 7. С. 227–229.
8. Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель: в 2-х т. Т. 1. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2014. С. 81–82.
9. Завещано потомкам: художественная коллекция В. П. Сукачева в Иркутске: художественный альбом / Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева. Иркутск: Артиздат, 2009. С. 8–13.
10. Христолюбова Т. П. Отражение художественной жизни Сибири в публикациях Г. Н. Потанина по вопросам искусства // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 1(54). С. 135–142.
11. Снытко Л. Н. Репинская школа в собрании ИОХ. К 175-летию со дня рождения И. Е. Репина (1844-1930) // Сукачёвские чтения. 2019. № 16. С. 119–126.
12. Зубрий Е. С. Усадебный комплекс В. П. Сукачёва как региональный вариант Всероссийских «культурных гнёзд» (к постановке проблемы) // Сукачёвские чтения. 2019. № 16. С. 65–72.
13. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 348–349.

14. Кошман Л. В. Культурное пространство русского города XIX – начала XX вв. К вопросу о креативности исторической памяти // Человек и культура. 2013. № 2. С. 42–115.
15. Гимельштейн А. В. Выставки и краеведческая деятельность ВСОРГО. 1851–1931 гг. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. С. 25–30.
16. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: ВостСибкнига, 2012. С. 60–78.
17. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. С. 19–20.
18. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. С. 12–13.
19. Фатьянов А. Д. Владимир Сукачев. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1990. С. 51–54.
20. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск: Тальцы, 2002. С. 35–38.
21. Лыхин Ю. П. Рисовальная школа в Иркутске // Земля Иркутская. 1995. № 4. С. 53–56.
22. Ткачев В. В. «Музеи для общества» о работе коллекционеров в городах Иркутской губернии во второй половине XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 175–188.
23. Отчет Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии: за 1900-1901 год. Иркутск: Тип. газеты «Восточное обозрение», 1902. С. 1–7.
24. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Д. 229.
25. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 5.
26. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 7.
27. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 60.
28. Архив ИОХМ (Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева). Дело по истории художественной жизни в Иркутской губернии.
29. Архив ИОХМ. Дело Н. И. Верхотурова.

References

1. Shakherov V.P. Formation of activities to identify and preserve the historical and cultural heritage of Siberia in the pre-revolutionary period. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of the Irkutsk State University. Series: History*. 2021;37:4–16. (In Russ.)
2. Shakherov V.P. From simple collecting to the first museums (from the history of the formation of museum business in pre-reform Siberia). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of the Irkutsk State University. Series: History*. 2023;43:26–40. (In Russ.)
3. Komleva Ye.V. Siberian merchants: contribution to the economic development and study of North-Eastern Eurasia (the end of the 18th – 19th centuries). Novosibirsk: Parallel', 2018. P. 249–254. (In Russ.)
4. Komleva Ye.V. The development of North Asia as a sphere for the implementation of the socio-cultural practices of the Siberian merchants. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*. 2020;27(2):107–112. (In Russ.)
5. Goncharenko N.V. The history of one family. Irkutsk: Artizdat; 2019. P. 12–18. (In Russ.)

6. Goncharenko N.V. Life in the Irkutsk estate of Sukachev. New documents. *Karabikh-skiye nauchnyye chteniya. Posle yubileya: novyye perspektivy izucheniya N.A. Nekrasova i yego epokhi: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Karabih scientific readings. After the anniversary: new perspectives on the study of N.A. Nekrasov and his era: materials of the scientific-practical conference*. Yaroslavl': Akademiya 76; 2022. P. 49–53. (In Russ.)
7. Ozerova S.A. Sukachev Platon Petrovich. Archival materials. *Zametki uchenogo = Notes of a scientist*. 2022;(7):227–229. (In Russ.)
8. Chirkov V.F. Fine arts of Siberia of the XVII– early XXI centuries. Vol. 1. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska; 2014. P. 81–82. (In Russ.)
9. Bequeathed to descendants: art collection of V. P. Sukachev in Irkutsk: art album. Irkutsk: Artizdat; 2009. P. 8–13. (In Russ.)
10. Khristolyubova T.P. Reflection of the artistic life of Siberia in the publications of G.N. Potanin on issues of art. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury = Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2023;(1):135–142. (In Russ.)
11. Snytko L.N. Repinskaya school in the collection of the Institute of Organic Chemistry. To the 175th anniversary of the birth of I. E. Repin (1844–1930). *Sukachovskiye chteniya = Sukachev readings*. 2019;(16):119–126. (In Russ.)
12. Zubriy Ye.S. Manor complex of V.P. Sukachev as a regional version of the All-Russian “cultural nests” (to the formulation of the problem). *Sukachovskiye chteniya = Sukachev readings*. 2019;(16):65–72. (In Russ.)
13. Koshman L.V. City and urban life of the XIX century: social and cultural aspects. Moscow: ROSSPEN; 2008. P. 348–349. (In Russ.)
14. Koshman L.V. Cultural space of a Russian city in the 19th – early 20th centuries. To the question of the creativity of historical memory. *Chelovek i kul'tura = Man and Culture*. 2013;(2):42–115. (In Russ.)
15. Gimel'shteyn A.V. Exhibitions and local history activities of the East Siberian Geographical Society. 1851–1931. Irkutsk: VostSibkniga; 2012. P. 25–30. (In Russ.)
16. Dameshek L.M. (ed.) Irkutsk region. Four centuries: the history of the Irkutsk province (region) of the XVII–XXI centuries. Irkutsk: VostSibkniga; 2012. P. 50–53. (In Russ.)
17. Fat'yanov A.D. Artists, exhibitions, collectors of Irkutsk province. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo; 1995. P. 19–20. (In Russ.)
18. Fat'yanov A.D. The fate of treasures. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo; 1967. P. 12–13. (In Russ.)
19. Fat'yanov A.D. Vladimir Sukachev. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye kn. izd-vo; 1990. P. 51–54. (In Russ.)
20. Lykhin Yu.P. Artistic life of Irkutsk (the first quarter of the 20th century). Irkutsk: Tal'tsy; 2002. P. 35–38. (In Russ.)
21. Lykhin Yu.P. Drawing school in Irkutsk. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land*. 1995;(4):53–56. (In Russ.)
22. Tkachev V.V. “Museums for society” about the work of collectors in the cities of the Irkutsk province in the second half of the 19th century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2022;12(6):175–188. (In Russ.)
23. Report of the Society for the Promotion of Public Education and Popular Entertainment in the Irkutsk Province: for 1900–1901. Irkutsk: Tip. gazety “Vostochnoye obozreniye”; 1902. P. 1–7. (In Russ.)
24. GAIО (State Archives of the Irkutsk Region). F. 293. Op. 1. D. 229. (In Russ.)
25. GAIО. F. 197. Op. 1. D. 5. (In Russ.)
26. GAIО. F. 197. Op. 1. D. 7. (In Russ.)

27. ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 60.

28. IOChM Archive of the Irkutsk Regional Art Museum. V.P. Sukacheva. Case on the history of artistic life in the Irkutsk province.

29. IOChM. The case of N. I. Verkhoturov.

Информация об авторе / Information about the Author

Ткачев Виталий Викторович, преподаватель-исследователь, педагог-организатор отдела краеведения и музейной работы, Центр развития дополнительного образования детей; руководитель, Научно-исследовательский центр «Иркутская историческая школа интеллигентоведения», г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1057-3270

Vitaliy V. Tkachev, Lecturer-Researcher, Teacher-Organizer of the Department of Local History and Museum work, Center for the Development of Additional Education for Children; Head, Research Center “Irkutsk Historical School of Intellectual Studies”, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: vitaliy.tkachev@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1057-3270

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.

- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, методология, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

УДК 004.9:519.8

Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия

А.Л. Иванов¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября 94, Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ivanov@gmail.com

Актуальность. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.

...

Ключевые слова: агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 20). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять на официальный сайт журнала <https://hisplus.elpub.ru/jour>

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru